

Мейерович М.Л. 'Шлиман' - Москва: Детская литература, 1966 - с.190

В книге рассказывается о жизни знаменитого немецкого археолога Генриха Шлимана, о раскопках Трои и других очагов микенской культуры.

- [О книге](#)
- [Дело жизни Михаила Мейеровича](#)
- [Об археологах](#)
- [Детские сказки](#)
- [Скитания](#)
- [От «Айвенго» до «Тилемахиды»](#)
- [Богатство](#)
- [Старый и Новый свет](#)
- [Ученические тетради](#)
- [Вокруг земли](#)
- [Первый удар заступа](#)
- [Доктор философии](#)
- [Город в земле](#)
- [Сокровища царя Приама](#)
- [Тяжба с турецким султаном](#)
- [Могилы Атридов](#)
- [Семь городов](#)
- [Цена клада](#)
- [Расширение горизонтов](#)
- [Отставной артиллерист](#)
- [Конец жизни](#)
- [Эпилог](#)
- [По следам Шлимана](#)
- [Указатель имен](#)

Автор - Моисей Ликманович Мейерович.

Научная редакция и послесловие доктора исторических наук Я. А. Ленцмана

Предисловие К. Андреева

Рисунки Г. Епишина

Ответственный редактор Г. А. Дубровская

Художественный редактор Е. М. Гуркова

Технический редактор Т. Д. Юрханова

Корректоры Н. М. Кожемякина и К. П. Тягельская

ББК 902

М45

Дело жизни Михаила Мейеровича

Моисей Ликманович Мейерович... Мы, редакторы издательства детской литературы, где мы все работали тридцать лет назад, называли его Миша Мейерович, а еще чаще - просто Миша, потому что мы все его очень любили: он был нашим товарищем, нашим другом, он, самый молодой в нашем поколении, был самым серьезным и самым непримиримым из всех нас.

Он выходит из тьмы воспоминаний и становится рядом со мной - худой, нервный, очень серьезный, но всегда горящий тем пламенем, которым он отличался от всех нас: легкомысленных, склонных к шуткам, иногда, может быть, чересчур беспечных.

Он приходит как строгий пристрастный судья, чтобы спросить: что вы сделали здесь без меня?

Что я могу ему ответить? Сказать, что слишком мало осталось от нашего поколения, что очень многие не прошли через жестокую ночь войны и остались лежать в лесах и вдоль дорог - под снегом и дождем? Я сам, по

возвращении с фронта, долго вычеркивал многие имена - и самого Миши, и Миши Гершензона, и Феди Пушкарева, и Кости Кунина, - да, много их было, его товарищей по работе. Теперь их имена, выбитые золотом, можно прочесть на стене в коридоре издательства «Детская литература».

Каждое поколение стремится к подвигу, но в зависимости от эпохи находит его по-своему.

Если бы юность Миши Мейеровича выпала на первые годы революции, он был бы в числе тех комсомольцев, что, еще не достигнув совершеннолетия, уходили добровольцами на фронты гражданской войны. Десять лет спустя он строил бы город Комсомольск или отправился бы зимовать в Арктику. Но в середине тридцатых годов фронтом стала наука, и он был ее верным и смелым бойцом. Он сражался на том участке, который назывался исторической наукой, а ее оружием была археология.

В те времена мы называли таких людей нестигаемыми большевиками. Ничто не могло его сломить - ни трудности, ни горе, ни беда. Даже несправедливость не ожесточала его, и только беда друга делала его непримиримым. На его долю не выпало легкой жизни: только тяжкий, хотя и вдохновенный труд, скупые слезы о погибших друзьях и кровь, которую он пролил за ту страну, которая его воспитала и сделала настоящим человеком.

Он искал в жизни подвига, и он нашел его в подвиге ученых, которые отдавали все свои силы, а иногда и жизнь для того, чтобы открыть людям целый мир наших далеких предков, людей рассвета и молодости мира. Нет, это не было копанием в архивной пыли, это было возрождением древнего человечества, столько столетий живущего в памяти людей в бессмертных образах героев народного эпоса. Это было открытием нас самих.

Свои замыслы и мечты Михаил Мейерович вложил в книгу, которой суждено было - увы! - остаться его единственной книгой: «Шлиман».

Генрих Шлиман, знаменитый немецкий археолог, был с детства захвачен великой и страстной мечтой. Он наизусть знал «Одиссею» и «Илиаду» Гомера и «Энеиду» Вергилия. В детстве он познакомился с ними в плохом немецком переводе, но позже, уже будучи взрослым, выучил древние языки, чтобы читать и перечитывать свои любимые поэмы. Он страстно верил, что народ не может ошибаться, что описанные Гомером Троя и ее «меднобронные» защитники и противники действительно существовали - такие, как о них рассказано в «Одиссее» и «Илиаде», быть может лишь немного приукрашенные сказителями и певцами. И Шлиман преследовал в своей жизни лишь одну-единственную цель: найти и откопать исчезнувшую Трою, вывести ее на свет солнца, сделать это погибшее сокровище достоянием всего мира - ведь не могли за три-четыре тысячелетия искрошиться циклопические стены несокрушимой крепости, в которую враги могли проникнуть лишь внутри троянского коня, не могли распастись бронзовые ворота даже под действием всепоглощающего

пожара, не могли полностью погибнуть оружие защитников и сокровища Приама, даже если город подвергся разграблению!

Дипломированные ученые часто упрекали Шлимана в том, что он является самоучкой, что ведет свои раскопки ненаучно. Но за то, что получали эти строгие и непримиримые профессора в университете почти без труда, Шлиман заплатил ценой всей своей жизни. Куда ему, сыну полунцищего померанского пастора, было думать о раскопках, которые стоили огромных денег! И все же он не сдавался. Он объехал весь свет, занимался торговлей в Петербурге и стоял у прилавка в Америке, спекулировал домами в Париже и, нажив миллионное состояние, все потратил на раскопки. Он построил в Афинах роскошный особняк, который стал его штаб-квартирой, а сам, под нестерпимо палящим южным солнцем, проводил месяцы на холме Гиссарлык, под которым, по его мнению, была похоронена Троя.

Да, он часто ошибался, но учился на своих ошибках, а его противники, высоколбые профессора, никогда не ошибались, потому что не занимались археологическими раскопками, этим «делом землекопов». Шлиман изучил пятнадцать языков, писал книги по-немецки, по-английски и по-французски. Он был страстным пропагандистом своих открытий, и вот изумленному миру открылась совсем новая, никому не ведомая цивилизация, которая не знала железа, но была пышной и великолепной, как золотые и серебряные сосуды и украшения Приамова клада, как бронзовое и медное оружие троянских воинов, как Львиные ворота в Микенах!

Но пусть об этом читателям расскажет сам Мейерович, который мог часами говорить об этом и был не меньшим энтузиастом археологии, чем сам Шлиман!

То были годы, когда все Средиземноморье, сбросив с себя покрывало из пепла и праха, внезапно появилось на свет, как Афродита, рожденная из морской пены. Артур Эванс, идя по пути Шлимана, отрыл в начале нашего века на острове Крите город Кносс и в центре его огромный дворец. Это была яркая и своеобразная постройка со сложной и свободной планировкой, с сотнями комнат. Трехэтажное здание, построенное из кирпича-сырца, с деревянными переплетами, освещалось световыми двориками, а этажи были связаны лестницами, украшенными деревянными колоннами. Пышные и яркие фрески украшали стены: дельфины и рыбы, лилии и ветки с зелеными листьями расплзались по стенам. Во дворце были водопровод и ванны, фаянсовые статуэтки изображали женщин в кринолинах со змеями в руках, осьминоги с горящими глазами обнимали причудливые вазы своими щупальцами. На фресках, нагнув голову, мчались криворогие быки, и юноши с тонкими талиями взвивались над их спинами в головокружительных прыжках. Это был знаменитый Лабиринт греческих мифов, а бык - Минотавр, божество, почитаемое древними критянами. Снова, в который раз, археология нашла подтверждение народных сказаний.

Во время второй мировой войны древний Крит, явленный на свет открытиями Артура Эванса, стал ареной подвига, достойного древних мифов. Героем на этот раз оказался известный английский ученый-археолог, хранитель Кносского музея после Эванса, Джон Пендльбери. В мае 1941 года он с оружием в руках сражался с фашистскими десантниками и был захвачен в плен. Ученый отказался отвечать на вопросы врагов и был расстрелян. Подвиг гражданина и ученого, подобно судьбе Михаила Мейеровича, слились воедино.

Накануне войны заканчивал свои работы академик С. А. Жебелев. Целый мир античных греческих колоний открылся нам в его исследованиях: Ольвия, Пантикапей, Херсонес - это были города-государства, где мирно, бок о бок, проживали греки-ремесленники и скифы-земледельцы - те скифы, которых до сих пор мы воспринимали лишь как диких кочевников, скитающихся по южным степям. Жебелевым была прочитана потрясающая история раба Савмака, который, во главе восставших рабов, захватил власть в Боспорском царстве...

Правда, сейчас многие ученые высказывают сомнения в том, что во II веке было восстание рабов-скифов. Но интерес к истории коренного населения Крыма, вызванный трудами С. А. Жебелева, привел подобно цепной реакции к новым замечательным открытиям в археологии. На свет появились развалины Неаполя Скифского, столицы скифского государства в центральном Крыму...

Конечно, один человек не мог написать всю великую эпопею побеждающей науки. Миша Мейерович и не пытался это сделать. Он лишь хотел привлечь к этому делу всех нас. Он был неистов, как и его герой, и, подобно Шлиману, он не прятал свои богатства от других. Наоборот, он щедро готов был ими поделиться.

Порой наши разговоры в редакции, когда мы, по обычаю того времени, сидели на столах, превращались в настоящие археологические симпозиумы. Но у всех нас были свои планы, свои мечты. Я не знал тогда, что очень скоро многие мои товарищи уйдут вместе с ветром...

Нашему поредевшему поколению уже не под силу выполнить этот гигантский труд. Но пусть те, кто прочтет эту книгу, добрым словом помянут автора, открывшего нам, а быть может и им, великолепный и огромный мир бессмертной юности человечества!

Кирилл Андреев

Об археологах

Археолог? Ну конечно, какой-нибудь старый чудаки, покрытый архивной пылью, копающийся в забытых могилах, собирающий никому не нужные черепки, кости, монеты...

В художественной литературе популярен образ археолога-антиквара. Достаточно вспомнить ученых-археологов в произведениях Жюль Верна, Бальзака, Анатоля Франса и др.

Впрочем, надо сказать, что такой взгляд на археологию в нашей стране постепенно становится... археологической редкостью.

О замечательных археологических находках в СССР пишут газеты, и каждое такое сообщение встречает живейший интерес и отклик читателей.

Достаточно напомнить, какой общественный резонанс получило сообщение в советской печати о блестящих результатах археологической экспедиции Института материальной культуры имени Мара (*Ныне Институт археологии Академии наук СССР*), производившей раскопки древнейших городов Боспорского государства, существовавшего две-две с половиной тысячи лет тому назад на территории Керченского полуострова.

Наши пионеры и школьники присылают в «Пионерскую правду» старинные монеты и просят инструкций, как раскопать курган, обнаруженный где-нибудь у дороги, в степи.

Археология у нас становится достоянием масс, как и все знания, накопленные человеком за тысячелетия его культурной жизни.

Поэтому нам сегодня особенно интересно вспомнить прошлое археологии. Среди русских археологов есть немало выдающихся имен - таких, как Хвойко (*В. В. Хвойко - крупный русский ученый (умер в 1914 году), открыл под Киевом так называемую трипольскую (от села Триполье) культуру эпохи неолита*), Марр (*Н. Я. Марр (1864-1934) - советский языковед, академик. Основатель Государственной Академии истории материальной культуры*), Тураев (*Б. А. Тураев (1868-1920) - выдающийся русский историк Древнего Востока, академик*). Им должны быть посвящены отдельные книги.

В этой книге рассказано об эпизоде из прошлого археологии. Во времена Шлимана археологией действительно занимались лишь отдельные «чудаки» - энтузиасты. Самыми неожиданными путями приходили они к науке, и лишь немногие из них становились настоящими учеными.

Жизненный путь Шлимана богат приключениями. Он был одним из крупнейших деятелей «первоначального накопления» археологических знаний об одном из самых интересных - и до сих пор не окончательно освещенном - периоде древнейшей истории Греции. Он положил начало изучению так называемой эгейской (крито-микенской) культуры.

Шлиман был археологом-самоучкой. Многие ученые до сих пор не могут простить Шлиману его ошибок и заблуждений, хотя эти ошибки были свойственны тогдашнему состоянию науки. Цель этой книги - показать, как Шлиман прошел путь от хищничества и дилетантизма к углубленной и осмысленной научной работе.

Окруженный недоверием специалистов, осмеянный немецкими профессорами-чиновниками, он работал упорно и самоотверженно. Смерть оборвала его работу и научный рост на полпути.

После Шлимана археология развивалась стремительно. Она стала серьезной и важной научной дисциплиной. На основании собранных ею фактов мы делаем заключения об уровне культуры и о состоянии общества в древнейшие времена. Археология расчищает дорогу самой живой из наук - истории.

Карл Маркс в своем бессмертном творении «Капитал» указывал, что «такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится... Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» (Карл Маркс, «Капитал», т. I, 1936).

Буржуазная наука подходит к археологическому материалу формально, «типологически», рассматривая добытые в результате раскопок отдельные вещи и комплексы их как предметы, имеющие какое-то самостоятельное историческое развитие. На основании этого буржуазные ученые создают произвольные логические конструкции, различные антиисторические, реакционные фальсификации. А в наши дни «археологи» из шайки фашистских каннибалов пытаются даже вопросы эгейской культуры «осветить» в духе пресловутого расизма...

«Для марксиста археология как вспомогательная историческая дисциплина служит важнейшим средством при анализе материальных общественных отношений для того, чтобы установить общую закономерность исторического развития. Нельзя ограничиваться добыванием, простым накоплением и описанием археологического материала. Необходимо - и это составляет главнейшую задачу - объяснить вещественные памятники, рассматривая их как исторические документы, созданные людьми, находившимися между собой в определенных производственных отношениях» (Б. Л. Богаевский, гл. III книги «История древнего мира», т. II. ч. I, Соцэкгиз. 1937).

Вот почему наряду с археологией историк привлекает этнографический, лингвистический, антропологический материалы, чтобы получить всестороннее представление об изучаемой древней исторической эпохе.

К сожалению, для восстановления древнейшего этапа истории Греции только археология добыла существенный материал. Ее данные позволили уже к началу XX века вполне уверенно говорить о реальности того далекого мира - Трои, Крита, Микен, - о котором лишь смутно повествовали нам древняя легенда и гомеровский эпос.

О том, как эти данные были собраны, рассказано ниже.

Глубокой благодарностью за помощь и ценнейшие указания в работе над этой книгой я обязан профессорам Б. В. Казанскому, Н. А. Куну, а также М. А. Гершензону.

Автор

Детские сказки

Муза внушила певцу возгласить о вождях знаменитых,
Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой.
Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее...

«Одиссея». VIII. 73-75

(Стихи из «Одиссеи» даны всюду в переводе В. А. Жуковского, а из «Илиады» - в переводе Н. И. Гнедича.)

Заслышав голос отца, Генрих спешил убраться с глаз долой. Он удирал в сад, что тянулся от пасторского дома к ручью, забирался в беседку и сидел притаившись. Но раскатистый бас пастора доносился и сюда. Отец был вечно недоволен. Он жаловался на судьбу, которая закинула его в эту мекленбургскую дыру (*Мекленбург - отсталая сельскохозяйственная область в северо-восточной Германии у побережья Балтийского моря*), проклинал жадных кредиторов и неблагодарных прихожан, ругал жену за то, что она не умеет экономить и плохо воспитывает детей. Потом он накидывался с бранью на Доротею - на Дютц, как звал свою старшую сестру Генрих, - за ошибки в ее диктанте. Дютц тоненьким голоском беспомощно оправдывалась, от этого отец злился еще больше.

Накричавшись, отец усаживался у окна и принимался во весь голос распевать «God save the King» (*«Боже, спаси короля» - английский национальный гимн*) в собственном переводе на древнееврейский язык. Перевод был посредственный, но в деревне Анкерсгаген некому было указать пастору Эрнсту Шлиману на ошибки в древнееврейском стихе.

У пастора Шлимана были причины жаловаться на судьбу. Молодость провел он в богатом и шумном Гамбурге. Будучи молодым учителем, он стал прилежно изучать богословие. Честолюбивый, он мечтал достигнуть великой учености, поразить мир своими проповедями, а если не удастся - то стихами. В то время каждый немецкий студент писал стихи. Молодые поэты до хрипоты спорили в винных погребках о французской революции

и Наполеоне, о разуме и свободе. Они позволяли себе непочтительно подтрунивать над великим, в то время уже порядочно одряхлевшим Гёте.

Подчиняясь общему увлечению, Эрнст Шлиман тоже написал пародию на песню Миньоны (*Миньона - одно из действующих лиц в сочинении Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера»*). Напечатать ее не удалось.

...Что помешало ему стать поэтом или проповедником? Он и сам в точности не знал. Может быть, всему причиной бедность: и отец его и дед были деревенскими пасторами, от богатства прадеда - любекского купца - осталось лишь семейное предание.

Эрнсту Шлиману предложили место пастора в местечке Нейбукове, в герцогстве Мекленбург-Шверинском. Он согласился, уговорив себя, что это временно. Через несколько лет он женился на шестнадцатилетней Луизе, дочери местного бургомистра, тихой, робкой и задумчивой девушке. Пошли дети - сначала дочери, Элиза и Доротея. 6 января 1822 года родился сын Генрих. Жить становилось труднее. Гамбург вспоминался все реже. Шлиманы перебрались в Анкерсгаген, глухую деревушку между Пенцлином и Вареном, в том же Мекленбург-Шверине. Здесь пастор надеялся поправить свои дела.

Крепостное право, формально отмененное в 1820 году, в Анкерсгагене оставалось фактически незыблемым (*В действительности феодальная власть помещиков в мекленбургских деревнях сохранялась еще столетие*). Хозяйство в деревне велось чуть ли не натуральное, и, по расчетам Шлимана, добротные даяния паствы должны были сделать пасторскую жизнь беспечальной.

Но деревенская идиллия не удалась. Крестьяне оказались нищими поденщиками, с них взять было нечего. Многие разбежались из Анкерсгагена куда глаза глядят - кто в большие города, на фабрики, а кто за границу, в Америку. Местный помещик и два-три богатых фермера были довольно скупы.

Семейство все увеличивалось. Детей было уже шестеро - три сына и три дочери. Жизнь становилась все дороже. Росли долги. Приближалась старость, пастору давно перевалило за сорок, мечты надо было оставить.

Но пастор шумел. Он кричал на жену, которую возненавидел за тихость, за игру на фортепьяно, за стихи Гельдера (*И. Г. Гельдер (1744-1803) - немецкий философ и литературный критик, оказал большое влияние на Гёте*) и Виланда (*К. М. Виланд (1733-1813) - немецкий писатель*), переписанные в ее альбом, за то, что дети ее любили, а его боялись. Он кричал на детей, на прихожан в церкви, на пономаря Пранге и даже на одноногого, одноглазого Веллерта, который в деревне совмещал обязанности могильщика и портного и с которым все были вежливы из боязни попасться ему на язык, насмешливый и беспощадный.

В сущности, Эрнст Шлиман не был злым человеком. Но жизнь жестоко теснила его экспансивный темперамент.

В доме Генриху не было покоя. Хорошо было только в саду, в беседке над ручьем. Он подолгу сидел там, вспоминая разные интересные истории, народные легенды. Ручей назывался «Серебряное покрывало». Говорили, что в лунные ночи из ручья встает женщина в сверкающей одежде из чистого серебра. Было до жути интересно мечтать о том, чтобы однажды ночью встать с постели, пробраться сюда и посмотреть, что делает эта волшебница. И еще хорошо было бы пойти в полночь на кладбище - взглянуть, не выросла ли из-под земли нога Геннинга Браденкирля...

Историю Геннинга Браденкирля одноглазый Веллерт рассказывал так, что волосы шевелились на голове от страха и руки холодели. Каждый раз Веллерт прибавлял все новые подробности. Маленький Генрих не замечал, что эти подробности иногда противоречат рассказанным прежде.

Он и сам любил рассказывать сказки. Соседские мальчишки почему-то смеялись над ним и над его рассказами. Генрих отходил от них в сторонку, становился задумчивым и с нетерпением отсчитывал, сколько дней осталось до следующего урока танцев.

Два раза в неделю из соседней деревушки на двуколке приезжали Минна и Луиза, дочери фермера Мейнке. Генрих исчезал в детской, долго умывался, поливал водой непокорные волосы и приглаживал их щеткой, потом появлялся перед девочками во всем блеске.

Генрих, Минна, Луиза и сын местного помещика Гельдта совместно обучались танцам.

Нельзя сказать, чтобы контрданс очень привлекал Генриха, зато в дни, когда Минна с Луизой приезжали на урок, он находил доверчивых слушательниц. Он мог без конца рассказывать девочкам страшные истории. Те слушали, по временам взвизгивая от ужаса.

Едва ли найдется деревушка в Мекленбурге, с которой не связано какое-нибудь местное предание. Анкерсгаген в этом отношении был особенно богат. Но Генриха увлекали не сказки о подземных человечках-гномах, о ведьмах и феях, будто бы населявших леса, озера, церкви и чердаки Мекленбурга. Мальчик гораздо больше любил слушать предания о событиях, носивших исторический характер, оставивших какой-то реальный след на земле. Поэтому развалины старого замка на холме особенно волновали его воображение, и легенда о Геннинге запомнилась ему на всю жизнь.

Старый замок давно разрушился, и нынешний владелец имения, помещик Гельдт, перестроил его совершенно. Не осталось и следа от вала и рва, от подъемного моста и ворот, от большей части прежних дворовых построек. На их месте стоял теперь современный помещичий дом. Но тем

мрачней высились на холме уцелевшие части старой крепостной стены и башня, в которой когда-то обитал Геннинг фон Гольдштейн, рыцарь-разбойник, по прозвищу Браденкирль.

Однажды, собравшись в доме Гельдта на очередной урок танцев, дети решили осмотреть развалины замка. Впрочем, решение принял один Генрих, Минна и Луиза лишь безропотно последовали за ним. Благоразумный Гельдт-младший предпочел остаться дома: он был нелюбопытен, и, кроме того, эти развалины все равно достанутся ему по наследству, когда он вырастет.

Дрожа от страха, девочки вслед за Генрихом пробирались по полуразвалившейся лестнице башни, плутали по коридорам, устроенным в стене саженной толщины, бродили по заросшему бурьяном саду.

Генрих рассказывал. Он с непостижимой легкостью разбирался в этих руинах, безошибочно находил места, о которых говорилось в легенде.

...Геннинг наводил ужас на всю округу своими жестокими налетами и грабежами. Дорога мимо замка стала зарастать травой, по ней боялись ездить. Геннинг со своей дружиной нагребил несметные богатства. Вон под тем курганом он похоронил своего умершего ребенка в колыбели из червонного золота.

Однажды, поссорившись с неким герцогом, он задумал зазвать его в гости, чтобы коварно убить. Герцог принял приглашение и отправился в путь. Но крепостной Геннинга, пастух, подстерег герцога по дороге и выдал ему замысел своего господина. Герцог со всей свитой немедленно повернул обратно.

Геннинг скоро узнал, кто раскрыл его план герцогу. Пастуха схватили и по приказанию рыцаря изжарили в камине на огромной железной сковороде (*Прозвище «Браденкирль» - испорченное «Brat den Kerl - означает «изжарь молодца»*). Трещина в стене залы, занимавшей второй этаж башни, - вечный след от камина, где жарили несчастного пастуха. Камин замуровали, но трещину никак не удается заделать.

Когда пастух корчился в смертных муках, Геннинг, злобно издеваясь над своей жертвой, дал ему пинок.

Вскоре герцог вернулся к Анкерсгагену с целой армией солдат, осадил замок и взял его приступом. Увидев, что песенка спета, старый разбойник зарыл свои сокровища в саду, под круглой башней, от которой теперь остались одни развалины, а затем покончил с собой. Его похоронили на кладбище под огромной каменной плитой, но земля долго не принимала его проклятую ногу, которой он дал пинок пастуху. Могильщики ее засыпали землей, а наутро снова выростала из-под камня огромная левая нога в черном чулке и башмаке. Могильщик Веллерт клялся Генриху, что

сам видел ее, когда был молодым, и пономарь Пранге тоже подтверждал, что нога вырастала...

Мальчик рассказывал историю Геннинга с подробностями, убежденно. Она была для него связана с ясно видимыми, подлинными, несомненными вещами. История эта была запечатлена на стенах замка, на замурованном камине, на огромной могильной плите.

Генриха вовсе не беспокоило, что история Геннинга не подтверждается никакими прямыми доказательствами. Например, никаких надписей с именем Геннинга Браденкирля в замке не было. Но достаточно было взглянуть на стенную глиняную скульптуру-рельеф, украшавшую одну из стен башни. Скульптура изображала рыцаря. Это, конечно, был Геннинг. По преданию, эта скульптура была забрызгана кровью несчастного пастуха, и с тех пор никак не удавалось закрасить проклятый портрет: краска сразу же отваливалась.

Так в сознании мальчика народное предание становилось неотделимым от материальных памятников прошлого.

Как удивился бы Генрих, узнав, что легенда о Геннинге гораздо моложе самого Геннинга, что она возникла лишь тогда, когда Анкерсгагенский замок уже лежал в руинах и когда народная фантазия потребовала объяснения странного прозвища «Браденкирль».

В основе этой смешной и наивной детской веры в существование заколдованной ноги рыцаря-разбойника лежала вера в народное предание.

И именно глубокая любовь к народным сказаниям, народному эпосу способствовала тому, что Шлиман через много лет, вдали от Анкерсгагена, под небом Греции, сделал свои замечательные открытия.

Жизнь Генриха Шлимана - доказательство того, что на верном пути стоит лишь тот историк, который не пренебрегает мудростью народа, его памятью, его творчеством...

Развалины старого замка, ручей «Серебряное покрывало» и садовая беседка с привидением не смогли заслонить от маленького Шлимана действительности. Но чувство реального проявлялось у него весьма своеобразно. Однажды, наслушавшись жалоб отца на безденежье, он набрался храбрости и посоветовал... раскопать курган и взять золотую колыбель сына Геннинга (*История с золотой колыбелью - «бродячий мотив» легенды. В одной из соседних мекленбургских деревень рассказывали, что католические монахи, изгнанные протестантами во времена Реформации, сложили монастырские сокровища в золотую колыбель и спрятали ее в подвале до лучших времен*).

Отец долго хохотал, а Генрих так и не понял до конца жизни, что в этом было смешного.

Но однажды ночью отец столкнулся с сыном на лестнице. Оказалось, что мальчик в одной рубашонке собрался на кладбище - посмотреть, не выросла ли снова нога Геннинга Браденкирля. Пастор Шлиман понял, что пора всерьез заняться воспитанием сына.

Прежде всего нужно было оградить ребенка от дурацких бредней пропойцы Веллерта.

Генрих был очень огорчен, когда отец запретил ему слушать рассказы хромого могильщика. Балагур, остряк и циник, Веллерт обладал неистощимым запасом разных историй, прибауток и анекдотов. Память у него была изумительная. Ему ничего не стоило, выслушав в церкви пасторскую проповедь, повторить ее потом слово в слово со всеми многозначительными ужимками и широкими жестами, которые так любил пастор Шлиман. Через пятьдесят лет, вспоминая о Веллерте, Генрих Шлиман писал: «Этот человек, если бы ему была открыта дорога к школьному и университетскому образованию, несомненно стал бы выдающимся ученым».

Веллерт скоро узнал о нагоняе, полученном пасторским сыном за любознательность. Встретив мальчика на улице, он остановил его и объяснил, что напрасно теперь стараться увидеть ногу преступного рыцаря: еще мальчишкой он, Веллерт, вместе с Пранге отрезал эту ногу и околачивал ею груши с деревьев. С тех пор нога не растет.

Чрезвычайно любопытно, что Шлиман в своих воспоминаниях к рассказу о Браденкирле прибавил следующее примечание: «По позднейшему преданию, выросшая из-под земли нога была похоронена перед самым алтарем. Поразительно, что, как сообщает мой дядя, пастор Ганс Беккер (нынешний священник Анкерсгагенского прихода), при предпринятом несколько лет тому назад ремонте церкви была обнаружена неглубоко в земле, под алтарем, кость человеческой ноги».

Конечно, в то время, когда были написаны эти строки, Шлиман уже прекрасно понимал, что именно кость, найденная в земле, дала повод для создания «позднейшего предания» - эффектной концовки легенды. Но он не мог себе отказать в удовольствии еще одним штрихом «овеществить» предание о Геннинге.

Мы так подробно останавливаемся на всех этих легендах потому, что Шлиман сам неоднократно подчеркивал свой детский интерес ко всему «таинственному и романтическому». Несомненно, что местный фольклор оказал большое влияние на впечатлительного мальчика. Но скоро перед ним раскрылся новый поэтический мир, он узнал иные предания, величие которых затмило и отодвинуло на задний план примитивные, доморощенные мекленбургские сказки.

Пастор Шлиман решил дать сыну классическое образование. После той памятной ночной встречи на лестнице Генрих был посажен за латинскую

грамматику и древнюю историю. Пастор не замечал, что сам уже не очень тверд в этих предметах. Недостаток фактических сведений легко восполнялся воодушевлением. Особенно увлекался пастор Шлиман, рассказывая сыну о гибели Помпеи и Геркуланума (*Помпеи и Геркуланум - два небольших города в окрестностях Неаполя (Италия). Они были засыпаны лавой и пеплом во время извержения Везувия в 79 году. С XVIII века там велись долгое время раскопки, позволившие во многом восстановить подробности жизни античного города*).

Как раз в первые десятилетия прошлого века возобновились начатые еще в 1748 году раскопки Помпеи. Интерес к трагически погибшему городу проявляли не только ученые. О Помпеях в то время писали в газетах, болтали в гостиных. О Помпеях упоминалось в стихах, а Карл Павлович Брюллов под впечатлением посещения раскопок написал свою знаменитую картину (*Речь идет о его знаменитой картине «Последний день Помпеи»*).

И до захолустного Анкерсгагена докатилось это увлечение.

Голос Эрнста Шлимана гремел раскатами, когда он рисовал сыну картину разбушевавшегося Везувия. Пастор вдруг почувствовал себя историком и археологом, он уже мечтал о том, чтобы поехать в Неаполь, посетить Помпеи, сделать поразительные открытия.

Генрих слушал внимательно, запоминал имена, даты, факты. У него была жадная и цепкая память.

Когда о Помпеях было рассказано все, что пастор помнил, наступил черед Гомера. Греческого языка Эрнст Шлиман не знал, но читал Гомера в немецком переводе Фосса. Рассказы о сражениях и об уничтожении Трои Генриху понравились. Но ему трудно было вообразить себе всех этих Одиссеев, Ахиллов и Гекторов. Это была какая-то другая жизнь, непохожая на анкерсгагенскую, и люди эти были, очевидно, не похожи на окружавших Генриха людей.

Отец рассказал, что в анкерсгагенском замке, в том самом, где когда-то буйствовал Геннинг Браденкирль, жил в 1769 году Иоганн-Генрих Фосс, переводчик Гомера. Но и от этого Гомер не стал понятней восьмилетнему ребенку.

На рождество отец подарил Генриху книгу Георга-Людвига Еррера «Всемирная история для детей». Перелистывая ее, мальчик увидел интересную картинку: войско штурмует горящий город. В клубах дыма вырисовываются мощные крепостные стены с четырехугольной башней. На переднем плане - воин несет на плечах старика и за руку ведет маленького мальчика.

Оказалось, что это Эней с отцом и сыном бежит из горящей Трои.

Здесь начинается одна из самых спорных страниц в биографии Шлимана, вызвавшая много разногласий среди писавших о нем. Вот как сам Шлиман описывает этот эпизод:

«Я радостно воскликнул: «Отец, ты ошибся! Еррер видел Трою, иначе он не смог бы ее нарисовать!» - «Сынок, - ответил он, - это лишь воображаемая картина». Но на мой вопрос, в действительности ли древняя Троя имела такие большие стены, он ответил утвердительно. «Отец, - сказал я тогда, - если такие стены существовали, они не могли быть совершенно уничтожены, они лишь погребены под пылью и мусором столетий». Он мне вновь возразил, но я остался при своем мнении, и, наконец, мы порешили на том, что я когда-нибудь откопаю Трою».

Конечно, это вымышленный разговор. Он был написан в то время, когда пятидесятидевятилетний Шлиман освещал «обратным светом» свою путаную и необычную жизнь. Тогда Шлиман был уже убежден сам и считал нужным убедить других, что великое дело, совершенное им, было задумано еще в детстве, что вся его долгая жизнь была планомерным и настойчивым стремлением к заранее намеченной цели.

Это - самообман, хотя и вполне понятный в устах Шлимана. Но зерно истины в приведенном рассказе есть. Несомненно, картинка из книги заинтересовала мальчика. Несомненно, отец мог сказать Генриху, что город Троя исчез бесследно. И очень может быть, что Генрих не поверил отцу.

Но от такого разговора до плана раскопок Трои, до установления цели всей жизни еще очень далеко.

Как бы то ни было, на следующем уроке танцев Генрих уже рассказывал Минне и Луизе Мейнке о гибели Трои.

Минна была доброй и послушной девочкой. Она готова была часами слушать рассказы Генриха, никогда не перебивала, а в нужных местах ахала и вздыхала. Как раз такой друг нужен был Генриху. С соседскими мальчишками - насмешниками и сорванцами - он не сдружился, братья его были слишком малы, а сестры жили какой-то своей, обособленной, непонятной и глупой жизнью - в мире цветных ленточек, самодельных кукол и пуговиц от старого платья. Кое-как он ладил только с Дютц. Старшая сестра, Элиза, была набожна, зла и больше всего на свете любила читать мальчишкам ехидно-благодетельные нотации.

Свою мать Генрих по-детски любил, но настоящей близости между ними не установилась. Мать была всегда удручена, молчалива. В последнее время она часто хворала и давно уже не прикасалась к фортепьяно. Ей не о чем было рассказывать сыну, а Генрих ничего не спрашивал у нее. Поэтому всю силу своей дружбы мальчик перенес на Минну. Однажды он заявил ей, что они поженятся, когда вырастут. Минна, конечно, послушно согласилась. Генрих счел дело решенным.

Дома Генрих старался бывать как можно меньше. Отец непрестанно злился и кричал, что его разоряют. Мать часто плакала. Служанка Фикхен, о связи которой с пастором давно уже поговаривали соседки, хозяйничала

в доме как хотела. Она была модницей и едва ли не через воскресенье появлялась в церкви в новом платье.

Отец все больше запутывался в долгах.

В семействе ожидалось прибавление - должен был родиться седьмой ребенок.

Роды были тяжелые, мать долго болела. Врач сказал, что это «нервная горячка» - ныне несуществующая болезнь, симптомы которой описаны в старинных повестях, где врач над постелью больного разводит руками и призывает надеяться на провидение.

Мать так и не поправилась. Она умерла в марте 1831 года, на тридцать восьмом году жизни. Генриху было тогда девять лет.

Пастор Шлиман давно уже возненавидел жену, считая ее виновницей крушения всех мечтаний его юности. Эту ненависть он сохранил и после ее смерти, до конца своей долгой жизни. Но, собственноручно делая в церковной книге запись о кончине жены, он с непостижимым лицемерием - а может быть, и в приступе внезапного раскаяния - приписал: «Господь да наградит безвременно усопшую чистым и вечным блаженством за всю любовь и нежную заботу, которую она проявила при жизни ко мне и к нашим детям. Это искренняя мольба ее удрученного горем супруга и семи малых детей, оставленных ею».

Жизнь в пасторском доме стала совершенно невыносимой, особенно с тех пор, как у отца начались неприятности с приходом.

Пастор Шлиман никогда не был на особенно хорошем счету у анкерсгагенских обывателей. Его громкий голос и воинственные жесты нарушали торжественность церковной службы. А тут еще Фикхен совсем обнаглела. Она заявила соседкам, что скоро станет пасторшей и на этом основании требует соответствующего уважения к себе. Соседки подняли ее на смех. Началась склока. Прихожане стали поговаривать о том, что шелковые и бархатные платья Фикхен обходятся недешево, и следует проверить сохранность церковной казны.

С пастором перестали здороваться. Дело получило огласку. Вскоре церковные власти назначили ревизию дел и следствие.

Родители Минны Мейнке запретили дочери встречаться с сыном опального пастора. Это было особенно тяжелым ударом для Генриха. Он плакал, не переставая, от тоски и непонятной ему, незаслуженной обиды.

Через несколько дней Генрих был отправлен к своему дяде, тоже пастору, в деревню Калькхорст, возле Ней-Стрелица. Старших дочерей Эрнст Шлиман отослал к другим родственникам. Семья развалилась навсегда.

Дядя Фридрих принял Генриха не очень радушно, но благожелательно. Мальчику нужно учиться. Что он знает? Ничего? Очень жаль. Его будет готовить в гимназию господин Карл Андрес, кандидат наук, молодой, но чрезвычайно ученый человек.

Господин Андрес усердно принялся за дело, и уже к концу 1832 года Генрих был в состоянии ужасной школьной латынью изложить похождения героев Троянской войны, ахейских вождей Агамемнона и Одиссея. Сочинение было троекратно переписано под наблюдением учителя и торжественно послано отцу в качестве рождественского подарка.

Весной 1833 года Генрих был принят в Ней-Стрелицкую гимназию. Поселился он в Ней-Стрелице у придворного музыканта, господина Лауэ. Великий герцог Мекленбург-Стрелицкий, следуя традициям венского двора, держал придворный оркестр, но не слишком щедро платил своим музыкантам. Супруги Лауэ охотно согласились за небольшое вознаграждение предоставить Генриху полный пансион и жилье.

Лауэ и его супруга были фантастически скупы. Генриха поселили в каморке на чердаке. За обедом приходилось крепко придерживать тарелку рукой - едва рука разжималась, фрау Лауэ выхватывала недоеденное блюдо:

- Ты уже сыт, мой мальчик?

Но Генрих не очень жаловался на свою жизнь. Самое главное - он учился. Ему хотелось узнать одновременно тысячу вещей. Он сидел над учебниками с каким-то диким упорством. Учение давалось нелегко: рассказы отца и вокабулы Андреса не привили ему систематических навыков к занятиям. Он зубрил. Но хуже всего было то, что гимназическое начальство невлюбило его, - сын проворовавшегося пастора не служил украшением учебного заведения. Ему ставили посредственные отметки за выученные уроки. Он плакал и зубрил еще усердней.

Друзей у него не было. Его соученики, сынки богатых помещиков и купцов, злобно издевались над его потертой одеждой и над голодными обедами госпожи Лауэ. Генрих отмалчивался. Он хотел учиться, больше ничего.

Между тем у отца дела шли все хуже. Ревизия обнаружила злоупотребления и отстранила пастора от должности. Следствие затягивалось. Грозил нищета. Нечего было и думать о том, чтобы платить за обучение Генриха в гимназии и университете.

Пробыв три месяца в гимназии, Генрих перевелся в местное реальное училище. Но и там ему не удалось доучиться. Отец совершенно обнищал. Даже Фикхен, потеряв надежду на благополучный исход дела, отказалась от мечты о звании пасторши и ушла. Эрнст Шлиман написал сыну, что

больше не может посылать ему ни копейки. Дядя Фридрих, обремененный собственной семьей, был готов помочь племяннику добрым советом, но, увы, ничем более.

Двухлетнее пребывание в реальном училище дало Генриху скудное элементарное знакомство со школьной премудростью и аттестацию трудолюбивого растяпы. В архиве училища сохранилась такая характеристика: «Его поведение и прилежание радовали учителей, в большинстве предметов он получил достаточные познания, при этом, однако, ему еще недостает обходительности. Сочинения прилежно сделаны, но часто не хватает ясности в мыслях».

Генрих завязал в узелок свои вещи и пошел проститься с хозяевами. В гостиной в неурочный час раздавались звуки фортепьяно.

- Раз-два-три-и, раз-два-три-и,- отсчитывал господин Лауэ.

«Новый ученик», - подумал Генрих и раскрыл дверь. Высокая девушка в простом черном платье сидела за фортепьяно. Она обернулась. Это была Минна Мейнке.

«Едва наши взгляды встретились, - вспоминал впоследствии Шлиман, - мы разразились потоком слез и, ни слова не говоря, упали друг другу в объятия. Несколько раз пытались мы заговорить, но наше волнение было слишком велико, мы не могли вымолвить ни слова. Скоро в комнату вошли родители Минны, и нам пришлось расстаться, но прошло много времени, пока я успокоился. Теперь я был уверен, что Минна меня еще любит, и эта мысль зажгла мое честолюбие: с этого мгновения я почувствовал в себе безграничную энергию...»

Но всю эту энергию пришлось направить на подыскание службы. Она, наконец, подвернулась: господин Гольц, лавочник из деревни Фюрстенберг, подыскивал себе в ученики толкового мальчика. Рекомендации нашлись. Генрих стал служащим. Ему было тогда четырнадцать лет.

Скитания

Долго его глубина поглощала, и сил не имел он
Выбиться кверху, давимый напором волны...
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду...

«Одиссея», V. 319-324.

В пять часов утра его будил хозяин. В одиннадцать часов вечера он валился в постель. Он спал шесть часов, работал восемнадцать.

Он убирал лавку. Потом тер картофель для винокурни. Потом вставал за прилавок и продавал покупателям свечи, масло, селедки, мыло, соль, молоко, картофельную водку. Наконец приходил вечер. Лавка запиралась. Он уходил на винокурню и дежурил у перегонного куба. От угара, от самогонной вони его тошнило. Отупевший, с дрожащими коленями, он таскал бутылки с мутным картофельным самогоном, подкладывал дрова в топку. Он ни о чем не думал.

По воскресеньям лавка была заперта, но работы хватало: нужно было привезти товар, распаковать, расставить, приготовить... Если все-таки выпадал свободный час, он спал.

Иногда он вспоминал о реальном училище, о кандидате наук Карле Андреев, о книгах. Но все это было так давно, что воспоминания перестали его волновать.

За пять с половиной лет, проведенных в Фюрстенберге, он не прочитал ни одной книги. И даже не столько потому, что не имел времени для чтения. Просто во всей деревне не было ничего, кроме библии.

В лавочке работал еще один парень, по фамилии Бендикс. Он был угрюм, долговяз, молчалив. Он никогда не жаловался. Но однажды, когда закрылась дверь за последним покупателем, наклонился к Генриху и шепнул:

- Удерем в Америку!

Генрих посмотрел внимательно, подумал и ответил:

- Согласен.

Он очень неясно представлял себе Америку, но знал, что многие крестьяне из окрестных деревень вдруг срывались с насиженного веками места, бросали все и уезжали в Америку.

В Америке люди наживали бешеные деньги, и уж во всяком случае там не придется работать с утра до поздней ночи сидельцем в деревенской лавке.

Мальчишки сложили и сосчитали свои деньги. Оказалось, что едва хватит на дорогу до Гамбурга. А дальше?

И тут неожиданно пришло письмо от отца. Он писал, что дело против него прекращено, ему вернули сан и должность, он победил и посрамил своих врагов. Но он решил отказаться от прихода и сложить с себя пасторские обязанности. Его с почетом проводили из Анкерсгагена, и церковные власти выплатили ему пособие - восемь тысяч марок.

На самом деле, конечно, дело обстояло проще: решено было замять неприятную историю с проворовавшимся пастором, дать ему денег и посоветовать переехать куда-нибудь подальше.

Но Генрих не вдавался в подробности - Америка теперь показалась такой близкой и доступной! Он написал отцу, что хочет уехать и просит одолжить денег на дорогу.

Отец ответил бранью и жалобами на весь мир.

Мечту о бегстве пришлось забыть. Снова потянулись дни нескончаемой, тупой, бессмысленной работы. Их монотонная серость была нарушена лишь раз, одним вечером, на всю жизнь оставшимся в памяти Шлимана.

В этот вечер в лавку ввалился пьяный мельничный подмастерье Герман Нидерхеффер, деревенский шут и забияка. Он потребовал водки. Но с Нидерхеффера деньги брали вперед. Однако пьяный уселся на бочку, обвел мутным взглядом лавку и вдруг стал декламировать.

Он читал «Одиссею». Читал наизусть, с дикой страстью, с завыванием, со слезами.

Он читал «Одиссею» по-древнегречески...

Нидерхеффер был сыном пастора из Ребеля и в детстве учился в гимназии. Его выгнали из шестого класса за «плохое поведение». Парень с горя запил. Отец отдал его в подмастерья к мельнику. С тех пор за Германом Нидерхеффером укрепилась слава беспутного, пропащего человека. Но тяжелая работа и пьянство не смогли выбить у него из головы затверженные в детстве бессмертные гекзаметры (*Гекзаметр - стихотворный размер, которым написаны «Илиада» и «Одиссея», а также и ряд других произведений античной поэзии. Этим размером написано, например, и двустишие А. С. Пушкина «На перевод Илиады: «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи: Старца великого тень чую смущенной душой»*).

Генрих с каким-то страхом слушал декламацию Нидерхеффера. Не понимая ни слова, юноша ловил каждый звук. В этих стихах для Генриха воплотилась сама наука. Пьяный мельничный подмастерье был для него образцом учености. Когда тот кончил, Генрих попросил его повторить. Мельник потребовал водки. Генрих собрал всю свою мелочь, бросил монеты в кассу и налил стакан.

Три раза Нидерхеффер повторял этот отрывок из «Одиссеи» - в нем было не меньше ста стихов. Три раза Генрих платил за водку. Он заплатил бы и в четвертый раз, но у него не осталось больше ни гроша.

В этот вечер Генрих Шлиман почувствовал, что дальше так продолжаться не может, что он не хочет погибать в Фюрстенберге.

Но деваться было некуда. Лавочка в Фюрстенберге давала ему хлеб, и, кроме того, он привык. Когда хозяином «предприятия» вместо господина Гольца стал господин Хюкштедт, Шлиман и Бендикс перешли к новому владельцу как «живой инвентарь». Месяцы шли и накапливались в годы, заполненные работой, работой, работой.

Генриху помогло, в буквальном смысле слова, несчастье. Однажды, поднимая очень тяжелую бочку, он почувствовал острую боль в груди. К вечеру началось кровохарканье. Генрих слег и несколько дней не мог подняться с постели. Когда он, наконец, встал и вышел в лавку, хозяин озабоченно на него посмотрел и сказал, что очень жаль, но, видно, работа в лавке будет теперь Генриху не по силам.

С несколькими талерами в кармане, со старой котомкой за плечами шагал по дороге из Фюрстенберга худой, невысокий девятнадцатилетний парень с запавшими глазами. Он кашлял, отплевывался кровью и шел дальше.

Куда? Это, по существу, безразлично. Он был не нужен никому на свете.

Отец переехал в другую деревню, женился - в пятьдесят восемь лет! - и обзавелся крестьянским хозяйством. Старшие сестры жили у родственников приживалками. Дядя... Нет, уж лучше все-таки идти к отцу.

Пришел - и раскаялся. Отец принял его неприветливо. Мачеха оказалась неграмотной, сварливой бабой. С отцом она дралась почти ежедневно. Бывший пастор прозрачно намекнул сыну, что молодым людям его возраста стыдно сидеть на отцовской шее.

Генрих ушел в Росток. Там он все лето, сутками не выходя из комнаты, изучал двойную бухгалтерию. Но работы для него в Ростоке не нашлось. Он отправился к отцу и объявил, что намерен уехать в Гамбург искать счастья.

Отец благословил его и дал на дорогу двадцать девять талеров. До Гамбурга было около двухсот километров. Большую часть дороги Генрих прошел пешком.

Стояла осень 1841 года.

Потеряв голову, бродил юный провинциал по большому портовому городу. Его потрясло все: огромные вывески, уличное освещение, бой часов на городской башне. Толпы людей проходили по улицам, и в каждом Генрих видел или отважного капитана или купца-миллионера.

Назавтра Генрих разыскал земляка своей матери, хлебного маклера Вендта. Тот с удивлением встретил странного посетителя, однако вспомнил Луизу - они вместе играли в детстве - и обещал подыскать для Генриха какое-нибудь дело.

Действительно, через несколько дней Генрих уже служил приказчиком в лавке Линденмана на Рыбном рынке. Но после первого же кровохарканья хозяин растолковал Генриху, что здесь не больница, и выгнал на все четыре стороны.

Долго Генрих не мог найти работу. Чахоточного, слабосильного парня никто не хотел брать. Доведенный до отчаяния, он написал дяде в Калькхорст. Тот прислал десять талеров и резкое письмо, полное обидных насмешек. Первым движением Генриха было отослать деньги обратно. Но он задолжал за каморку, которую снимал на чердаке многоэтажного доходного дома. Стиснув зубы, Генрих оставил деньги у себя. Рано или поздно он отомстит за все оскорбления.

Вендт еще раз попытался пристроить Генриха в бакалейный магазин Дейке. Но и оттуда его через неделю выгнали.

Наступила сырая, промозглая гамбургская зима. Голодный и измученный, без пальто, задыхаясь от кашля, бродил Генрих по городу.

Однажды он зашел в порт. Тащились ломовые обозы, грузчики несли тюки и катили бочки, упитанные маклеры суетились возле складов. Корабли со всего света стояли у причальных стенок. Здесь были бриги и шхуны, рыбацьи парусники и коренастые пароходы с высокими узкими трубами.

Если бы Генрих читал «Одиссею», он мог бы воскликнуть вслед за Гомером:

Берег, как ни был обширен, не мог обоюдovesельных
Всех кораблей их вместить...

А за гаванью, там, за широким устьем Эльбы, угадывался открытый горизонт и серое, беспокойное, свободное море...

Генрих повернулся и пошел. Через полчаса он был у Вендта. Маклер с сомнением покачал головой: едва ли найдется капитан, который рыщет по Гамбургу в поисках чахоточной команды. Однако обещал узнать.

28 ноября 1841 года Генрих Шлиман взошел на борт брига «Доротей».

«Доротей» развернулась и вышла из порта. В устье Эльбы пришлось задержаться из-за непогоды. Наконец 1 декабря показалось открытое море. Первая морская волна легонько приподняла судно, опустила и, вдруг вспухнув за кормой, нависла и упала на палубу дождем тяжелых соленых брызг.

Кругом было море, впереди - океан, а там, в конце далекого пути, - окруженная тропическими лесами, залитая солнцем, напоенная запахом апельсинов Ла-Гуайра, - город с непривычным и романтическим именем.

Когда человеку двадцать лет и он стоит на палубе брига, идущего в Венесуэлу, он склонен забыть и свою болезнь, и то, что ради покупки шерстяного одеяла пришлось продать последний пиджак, и то, что будущее темно и тревожно. Ветер был попутный, далекий берег чуть виднелся с левого борта.

- Генрих Шлиман, каютный юнга, бриг «Доротея», рейс Гамбург - Ла-Гуайра, капитан Симонсен, груз - железные изделия, пассажиров трое, команды девять человек, оверштаг, бомбрамсель, камбуз! *(Последние три слова - морские термины. Оверштаг - поворот против ветра, бомбрамсель - верхний парус, камбуз - корабельная кухня)* - отрапортовал самому себе Генрих и пошел вниз.

Ветер недолго был попутным. На траверсе Гельгоlanda с запада налетел ураган. «Доротея» маневрировала, ложилась в дрейф, снова поднимала паруса - не помогало ничто. Ветер трое суток швырял судно по волнам.

Генрих забыл о своих романтических восторгах. Его непрерывно мучила морская болезнь. За эти три дня он лишь однажды, завернувшись в одеяло, выбежал на палубу. Ледяной ветер выл в вантах, облепленных снегом. Судовой колокол, раскачиваясь от ветра, непрерывно звонил. Остервенело ругался боцман, матросы с посиневшими лицами, пригнувшись, пробежали по палубе. Генрих вернулся в каюту, где, дрожа от страха, сидели пассажиры. Он разделся, привязал себя ремнем к койке и взял в руки книгу.

Он проснулся от крика. В каюту ворвался капитан:

- Наскочили на камни! Все наверх!

И сразу - толчок. Из иллюминаторов вылетели стекла. Хлынула вода. Генрих вскочил, сорвав ремень. Одеваться было поздно. В одном белье вскарабкался он на палубу по лесенке, вдруг ставшей отвесной. Волна швырнула его с правого борта к левому. Он успел уцепиться за снасти. Ему было страшно, он хотел жить. Но способности наблюдать он не утратил. Его насмешливый глаз отметил, как один из пассажиров, очевидно католик, истошно призывал на помощь деву Марию и всех святых.

«Но ни Мария, ни ее сын не появлялись, а опасность росла с каждой минутой», - иронизировал Шлиман через несколько дней в письме к Дютц.

Люди карабкались на мачты. Генрих тоже стал привязывать себя. Но под ногами что-то треснуло, тяжелая волна ударила в спину, веревка лопнула. Падая в море, Генрих успел лишь заметить, что увешанная людьми мачта наклонилась к самым волнам.

И все-таки он выплыл. Он стал искать глазами силуэт мачты на темном небе, но ничего не увидел. Что-то твердое толкнуло его в бок. Это была пустая бочка. Он уцепился за нее.

Его подобрали матросы «Доротеи», которым в последнюю минуту удалось спустить шлюпку на скачущие волны. К утру шлюпку прибило к отмели голландского острова Тексель.

Потерпевших крушение подобрали рыбаки. Шлиман был весь изранен и без сознания. Он очнулся вечером в домике рыбака. У постели стоял его сундучок - единственная вещь с «Доротеи», которую море прибило к берегу. Матросы усмотрели в этом предзнаменование и прозвали Шлимана «Ионой».

В сундучке была пара рубашек, носки и рекомендательное письмо Вендта к нескольким венесуэльским купцам в Ла-Гуайру.

Голландские власти выдали команде «Доротеи» пособие на обратный путь до Гамбурга» Отказался от пособия лишь каютный юнга Шлиман.

Он не хотел возвращаться в Германию.

Страна, в которой он родился, отняла у него детство, отняла надежду учиться, отняла здоровье и силу. Зачем ему было возвращаться в Гамбург? Чтобы снова ходить по магазинам и мастерским, безуспешно пытаюсь найти работу? Или вернуться в Мекленбург, который он ненавидел всеми силами души?

Он стал вольным человеком, он дышал морским ветром; весь мир, все страны были ему открыты. А ради свободы можно снести и нищету.

Он попросил помочь ему добраться до Амстердама. Там он рассчитывал вступить в голландские колониальные войска. Солдат имеет верный хлеб и крышу над головой.

Рекомендательные письма он отослал обратно Вендту, прибавив краткое описание гибели «Доротеи».

Через несколько дней он был в Амстердаме.

От «Айвенго» до «Тилемахиды»

...Я по улицам буду бродить, и, конечно,
Кто-нибудь даст мне вина иль краюшку мне
вынесет хлеба

«Одиссея», XV, 311-312

В солдаты Генриха не приняли. Мекленбургский консул в Амстердаме, господин Квак, дал ему два гульдена и просил больше не беспокоить. Милостыню голландцы подавали туго, чистильщиков сапог и без него в Амстердаме было слишком много.

Тогда он решил симулировать болезнь. Полицейский подобрал его на улице в явном беспамятстве. Генрих надрывно кашлял, но, как назло, кровохарканье не появлялось.

Врач в больнице для бедных констатировал горячку и истощение. В больнице было тепло, довольно сытно кормили, никто не смеялся над его одеждой. Генрих решил «проболеть» до весны. Но уже через неделю врач стал косо поглядывать на него. В больнице для бедных нельзя долго задерживаться.

И вдруг господин Квак получил письмо от маклера Вендта.

Добрый маклер сообщал, что известие о крушении брига «Доротей» пришло к нему в тот момент, когда он со своими друзьями сидел за торжественным рождественским обедом. Все были очень растроганы и тут же собрали между собой 240 гульденов в пользу потерпевшего кораблекрушение юноши. Маклер Вендт покорнейше просил господина консула отыскать Генриха Шлимана и вручить ему приложенный чек и рекомендательное письмо к господину Гепнеру, который не преминет помочь молодому человеку в его безвыходном положении.

Рекомендация Гепнера помогла Шлиману поступить посыльным в банкирскую контору «Ф. Квин».

Но его честолюбие страдало. Он тяготился ролью мальчика на побегушках и твердо решил выбиться в люди. У него не было ни денег, ни друзей, ни почтенного имени. Он мог рассчитывать только на себя.

И он стал учиться.

Прежде всего, он взял двадцать уроков каллиграфии, потому что со своим полудетским некрасивым почерком он не мог надеяться получить место хотя бы конторщика.

Потом он стал изучать немецкий язык.

И в Мекленбурге и в Гамбурге Шлиман говорил на «платдойч» - нижненемецком жаргоне, далеко от немецкого литературного языка. Но здесь, в Голландии, немцы разговаривали по-немецки, и Шлиману часто приходилось краснеть за свое произношение и невозможную орфографию. Шлиман раздобыл какую-то немецкую книгу и стал ее заучивать наизусть. Потом, для практики, начал писать изложения по этой книге. Так зародился «шлиманский» метод изучения языков.

В это же время он писал сестре: «Несмотря ни на что... моя страсть к путешествиям не исчезла. Проведя здесь лет шесть, основательно изучив дело, я поеду в Батавию, а оттуда в Японию. Там я завоюю свое счастье. Инстинкт говорит мне: не оставайся в Европе!»

Этот рассылный уверенно намечал себе определенные цели. Он решил стать независимым путешественником и «завоевателем своего счастья». Для этого он принялся за изучение английского языка - международного языка колониальных купцов. В Голландии, тесно связанной с морской торговлей всего мира, трудно было рассчитывать на «успех в жизни», не владея английским языком.

Шлиман ив детстве не чувствовал пристрастия ко всякого рода склонениям, спряжениям и прочей грамматической премудрости. Он просто-напросто купил у букиниста знаменитый роман Гольдсмита «Векфильдский священник» и стал его зубрить наизусть. Вначале он ничего не понимал. Поэтому он за гроши нанял какого-то англичанина, который ежедневно переводил ему содержание выученных страниц и исправлял ошибки в его «сочинениях». Исправленные сочинения Шлиман переписывал и затем также заучивал наизусть.

«Таким образом, я настолько укрепил свою память, что через три месяца уже легко мог... к каждому уроку повторить наизусть по двадцать печатных страниц английской прозы, предварительно лишь трижды прочитав их», - писал Шлиман.

Когда «Векфильдский священник» был выучен, наступила очередь «Айвенго» Вальтера Скотта.

Шлиман не расставался с книгой. Он читал в очереди на почтамте, на ходу, на улице и даже в конторе, штемпелюя векселя, бочком заглядывал в раскрытую, книгу.

Чтобы выработать хорошее произношение, он регулярно каждое воскресенье дважды ходил в англиканскую церковь и, став в углу, потихоньку повторял про себя каждое слово проповедника.

Свой бюджет он рассчитал с точностью до гроша. Восемь гульденов за каморку без печки - даже это было дорого. Печку он взял напрокат у кузнеца за пять гульденов. На завтрак - похлебка из ржаной муки. Обед - не дороже шестнадцати пфеннигов в день. Все остальные деньги тратились на учителей, книги, бумагу и перья.

Он жил в каком-то судорожном возбуждении. У него началась бессонница. Но и в томительные ночные часы, ворочаясь на своей жесткой постели, он повторял английские слова. «Ночью, в темноте, память гораздо более сосредоточенна», - замечал он.

Менее сильный ум не выдержал бы такой подвижнической работы.

Но Шлиман, в полгода совершенно свободно овладев английским языком, немедленно с той же страстью принялся за французский. На этот раз его учебниками были «Похождения Телемака» Фенелона и «Поль и

Виргиния» Бернардена де Сен-Пьера (*Бернарден де Сен-Пьер (1737-1814) - французский писатель*).

Французский язык был ему более чужд, чем английский, но через шесть месяцев он уже говорил и писал на языке Фенелона. Это был настоящий классический французский язык, пусть и не очень приспособленный для парижской болтовни, но богатый, строгий и выразительный.

Шлиман настолько вытенировал свою память, что изучение голландского языка отняло у него уже только шесть недель. По полтора месяца ушло также на испанский, португальский и итальянский.

Если бы у него в это время спросили, зачем ему знать шесть языков, он ответил бы, что это необходимо для делового человека. На самом же деле настоящая страсть к знанию толкала и вела его. Ведь только языки он мог изучать без университетских лекций, без предварительной подготовки, это стоило дешево и давало высокое моральное удовлетворение.

Однако контора «Квин» не нуждалась в рассыльном полиглоте (*Полиглот - человек, знающий много языков*).

Шлиман был плохим служащим, он путал поручения, дважды ставил штамп на один и тот же вексель и частенько, замечтавшись, обращался к хозяину по-португальски. Получив отставку, Шлиман попросил какую-нибудь другую работу, конторскую. Хозяин рассмеялся: какой толк может быть из человека, который не способен даже носить письма на почту?

Несколько месяцев безработицы и голода юноша перенес без жалоб. Он продолжал зубрить иностранные книги.

Наконец ему повезло: торговому дому «Шредер и К^о» понадобился корреспондент и бухгалтер. В марте 1844 года Шлиман снова стал служащим с окладом в 1200 франков в год.

Это было для него богатством. Но он не изменил образа жизни. По-прежнему жил в нетопленной конуре, питался впроголодь и продолжал учиться.

Фирма Шредер продавала колониальные товары, главным образом индиго. Среди покупателей Шредера было довольно много русских купцов. С верной коммерческой сметкой Шлиман рассчитал, что, научившись русскому языку, он станет незаменимым человеком для своих хозяев. И он взялся за русский язык.

С большим трудом ему удалось откопать у букинистов три русские книги: грамматику, словарь и плохой перевод «Похождений Телемака» (утверждают, что это была «Тилемахида» незабвенного Василия Кирилловича Тредиаковского (*В. К. Тредиаковский (1703-1769) - русский поэт и теоретик литературы. Указанное его произведение является стихотворным переводом книги Ф. Фенелона «Похождения Телемака» (так по-французски назывался сын Одиссея*

Телемах)). Но нужен был еще учитель. Единственным «русским» в Амстердаме был господин Танненберг, вице-консул Российской империи. Шлиман, ничтоже сумняшеся, отправился к нему. Вице-консул, выслушав его просьбу, сначала остолбенел, потом зарычал, затопал ногами и собственноручно вышвырнул наглеца за дверь.

Шлиман попытался декламировать «Тилемахиду» самому себе. Но это было странно, скучно и неестественно.

Тогда он нанял себе слушателя. Один старый нищий еврей согласился за четыре франка в неделю приходить к нему и слушать рассказ о Телемахе.

Старик ни слова не понимал по-русски, но все же обращаться к нему было веселей, чем разговаривать со стеной.

В дешевых амстердамских домах перегородки и перекрытия настолько тонки, что соседи Шлимана не раз жаловались хозяевам на его непрерывное громкое чтение. Несколько раз Шлиману из-за страсти к декламации пришлось менять квартиру. Но это его мало огорчало.

Уже через три месяца Шлиман был в состоянии написать свое первое русское письмо. Оно было адресовано в Лондон Василию Плотникову, торговому агенту московских купцов братьев Малютиных.

Одновременно с изучением русского языка Шлиман довольно обстоятельно познакомился с тайнами «колониальной» торговли. Он легко разбирался в хлопке, рисе, табаке, знал разницу между явайским сахаром и гавайским, а сорт индиго определял с первого взгляда.

Когда на большую распродажу индиго приехали в Амстердам русские купцы, к ним приставили Шлимана, и он одновременно выполнял обязанности товароведа, гида и переводчика.

Московский купец Живаго, почуяв в двадцатитрехлетнем молодом человеке железную настойчивость и хватку, решил переманить его от Шредера и предложил деньги, чтобы совместно открыть в Москве оптовую торговлю индиго. Сделка почему-то не состоялась, но предложение Живаго польстило Шлиману и укрепило в нем уверенность в своих коммерческих способностях.

В январе 1846 года фирма «Шредер и К^о» официально предложила Шлиману поехать в качестве торгового представителя в Петербург.

Железной дороги в России еще не было, зимой корабли не ходили. Шлиман поехал на перекладных. Россия встретила его снежными равнинами и жестоким морозом.

Богатство

Той же порой, как в далеких землях я, собирая богатства.

Странствовал, милый в отечестве брат мой погиб...
«Одиссея», IV, 90-91

Шлиман бросился в коммерцию с той же страстной энергией и сосредоточенностью, с какой раньше изучал языки. С Петербургом он освоился легко и стремительно. Знакомился с купцами и маклерами, ходил в порт встречать корабли, ежедневно подымался по гранитным ступеням Фондовой биржи, архаическим языком XVIII века («Тилемахида» давала себя знать) писал деловые письма.

В России бурно развивались мануфактуры; индиго у текстильных фабрикантов пользовалось большим спросом. Этого было достаточно Шлиману. Он мало задумывался над общими вопросами экономики, над тем, что большая часть экспортно-импортной торговли России - в руках иностранных купцов, что назревает обостренная конкуренция различных капиталистических групп. Молодой агент фирмы Шредер был рад, что ему представилась возможность развернуть свои организаторские и комбинационные способности. Он получал от своих хозяев полпроцента с суммы сделки. Оставалось только добиваться, чтобы сделок было побольше. Нередко он шел на весьма рискованные спекуляции. Из Голландии от патрона приходили предостерегающие письма, но Шлиману везло, и Шредер, в конце концов, примирился с этими спекуляциями: они давали неизменный барыш.

Через год Шлиман уже был купцом первой гильдии (*Гильдии - объединения купцов, делившиеся по размерам капитала на первую, вторую и третью гильдии. Купцы первой гильдии были крупными капиталистами*). Как он этого добился? Собственных денег у него было относительно мало. Весь 1846 год принес ему 7500 гульденов дохода весьма небольшая сумма для петербургского купца первой гильдии. Но положение агента солидной фирмы придавало Шлиману вес в глазах гильдейских купцов. Молодой делец использовал в своих интересах кредит и доверие, которыми пользовалась фирма Шредера. Параллельное выполнением обязанности агента Шлиман затеял спекуляцию на свой страх и риск. Шредер от этого убытка не терпел и сквозь пальцы смотрел на коммерческие «операции» своего петербургского агента.

Недавний приказчик, юнга и рассыльный с головой ушел в торговые дела. Нужно откровенно признать, что этот период жизни Шлимана ничего не прибавляет к его славе замечательного ученого и выдающегося человека. Многие его предприятия были сомнительны даже с точки зрения буржуазной «деловой» морали. Он был настоящим спекулянтом. Но даже эти «коммерческие» годы его жизни характеризуют Шлимана, как человека большой и целеустремленной воли, упорства, сосредоточенности.

Лишь изредка он как бы приходил в себя. Ради чего он все это делает? Зачем ему векселя, корабли с товарами, бухгалтерия, тысячные доходы и ежедневный риск разорения? Он был одинок, семьи, по существу, не было. Отцу и сестрам он изредка писал письма и посылал немного денег. В

письмах он рассказывал, сколько прибыли принесла ему торговля. Сорить деньгами он не умел. Его личные потребности были ограничены: привычки своей голодной юности он ввел в принцип. Приезжая в какой-нибудь город, он останавливался в лучшей гостинице - этого требовал престиж, но занимал самый дешевый номер: он неуютно чувствовал себя в роскошных апартаментах...

В один из таких дней «просветления» он написал письмо в Стрелиц, господину Лауэ.

Напомнив о себе, Шлиман сообщил о своих коммерческих успехах, о своем солидном положении и выражал надежду, что господин Лауэ не откажется помочь ему в деликатном и важном деле. Речь шла о фрейлейн Минне Мейнке. Шлиман просил передать ей предложение руки и сердца. Он был убежден, что, окружив Минну нежнейшей любовью и довольством, сможет составить ее счастье и тогда сам станет счастливейшим из смертных.

На это письмо - смесь немецкой сентиментальности, деловых выкладок и искренней тоски по любящему существу - через месяц пришел вежливый и сухой ответ. Фрейлейн Минна Мейнке не могла принять предложение: незадолго до получения письма Шлимана состоялось ее бракосочетание с господином Рихерсом. Удар был тяжел и оскорбителен. Минна не дождалась Генриха. Ее обещание, данное в детстве, ее слезы при последней встрече - все было ложью.

С именем Минны вставляли воспоминания о детстве, об играх, о страшных сказках деревенского пономаря, о первом чувстве. Единственные светлые воспоминания, которые он увез из Германии.

Теперь его ничто больше не связывало с местом, где он родился.

Отправляясь по торговым делам в Англию, он записывает на пароходе в свой дневник: «Туман рассеялся, я увидел мекленбургский берег. Вид отечества после столь долгого отсутствия должен в каждом пробудить живейшую радость. Но, к своему стыду, я должен сознаться, что с величайшим равнодушием увидел свою родину. Травемюнде, которое я раньше считал таким прекрасным, показалось мне теперь деревушкой, а его маяк - печной трубой».

У Шлимана есть теперь и время и деньги, но ему и в голову не приходит заехать погостить «домой». Да и где его дом? У отца, который обзавелся новой семьей? У дяди? У господина Лауэ, наконец? Нет, с него достаточно, что время от времени он пишет письма Дютц и посылает отцу сто талеров (*Талер - старинная немецкая монета, равная трем маркам*). Кроме того, он пристроил своих двух братьев, Пауля и Людвигу, на службу в Амстердаме. Его обязанности выполнены...

Первая деловая заграничная поездка была для Шлимана также и первой встречей с подлинной древностью. В Лондоне он решил заглянуть в Британский музей.

Это было ошеломляюще. Здесь каждый обломок мрамора, каждый каменный наконечник копья хранил память о тысячелетиях. Переходя из зала в зал, Шлиман старался разобраться в своих впечатлениях - и не мог. Непередаваемо прекрасны были греческие вазы. Перед «эльджиновскими мраморами» он вспомнил свое первое латинское сочинение - рассказ о Троянской войне и приключениях Одиссея.

Молодой шотландский лорд Томас Б. Эльджин был в 1799 году назначен чрезвычайным послом Великобритании в Константинополе. Архитектор Гаррисон попросил уезжавшего к месту назначения Эльджина сделать несколько слепков со скульптур и капителей колонн, украшавших некогда здания афинского акрополя (*Афины, как и вся Греция, находились тогда под турецким владычеством*).

Эльджин согласился и, почуввав выгоды предложения Гаррисона, решил поставить дело на широкую ногу. Он нанял в Италии нескольких архитекторов и формовщиков (среди них, между прочим, был один художник-калмык, по имени Федор) и отправил их в Афины. Но турецкое начальство акрополя, который был еще в то время настоящей крепостью, всячески препятствовало работе. С трудом удалось вырвать у турок разрешение хотя бы срисовать статуи.

Приходилось платить коменданту крепости солидный «бакшиш» в пять фунтов стерлингов за день работы.

Лорду Эльджину вовсе не улыбалось тратить деньги там, где он рассчитывал на доходы. Работа была приостановлена до лучших времен. Времена эти, впрочем, вскоре наступили. Борьба между Англией и Францией за влияние на Ближнем Востоке обострялась. В 1800 году, после убийства генерала Жан-Батиста Клебера, командовавшего наполеоновскими войсками в Египте, и после разгрома французов, английские позиции при султанском дворе укрепились. Лорд Эльджин уже мог требовать то, о чем раньше просил. В 1801 году Эльджин получил разрешение снимать слепки со статуй акрополя, а вскоре выхлопотал султанский фирман (грамоту), в которой служащим лорда Эльджина разрешалось строить на акрополе леса, снимать слепки, раскапывать и изменять фундаменты. В фирмане было примечание: «Никто не должен им препятствовать, если бы они пожелали взять некоторые камни с надписями или фигурами на них». О лучшем нельзя было и мечтать.

Преподобный Гант, проповедник английского посольства в Константинополе, охотно взял на себя обязанности начальника работ по разрушению одного из величайших памятников античного зодчества.

В центре акрополя высится Парфенон - храм богини Афины Парфеиос (Девы), которая считалась покровительницей города Афин. Построен был Парфенон во времена Перикла, в 446-438 годах до нашей эры, зодчими Иктином и Калликратом. Храм, возведенный из белого мрамора, был окружен дорическими колоннами и украшен многочисленными скульптурами.

Гант набрал армию в четыреста рабочих и принялся грабить Парфенон. Год продолжалась эта беспримерная в истории вандализма «работа». С храма были сорваны двенадцать еще сохранившихся статуй фроитовов, выломаны пятьдесят шесть мраморных плит фриза, на котором изображена была торжественная, со сценами, процессия, и пятнадцать метоп (*Метопы - четырехугольные плиты, обычно украшенные барельефами, составляющие часть украшения дорических храмов*) со сценами борьбы героев с кентаврами. Эльджина и Ганта мало беспокоило, что для удаления метоп приходилось ломать карниз храма, обрекая, таким образом, остатки здания на быстрое разрушение. Не постеснялся Эльджин выломать и одну из кариатид (*Кариатида - женская статуя, служащая колонной, так как поддерживает верхнюю часть архитектурного сооружения*), украшавших портик соседнего с Парфеноном храма - Эрехтейона. Вместо кариатиды верхняя часть портика была подперта обыкновенным бревном.

В 1803 году Эльджин нагрузил награбленными скульптурами несколько кораблей и вывез свои «находки» в Англию. Британский музей купил собрание Эльджина за 36 тысяч фунтов стерлингов.

«Эльджиновские мраморы» были выставлены для всеобщего обозрения. Объективно их появление в Британском музее сыграло положительную роль - оно заставило многих глубоко заинтересоваться античным искусством и оказало большое влияние на развитие реалистического искусства всего XIX века. Но преступление осталось преступлением, и лорд Эльджин вошел в историю, сопровождаемый поговоркой: «Что не сделали готы (*Готы - германское племя, которое в конце IV и начале V веков вторглось в пределы Римской империи и подвергло разрушению ряд ценнейших памятников древнего искусства*) - доделали скотты (*Скотты - шотландцы*)».

Еще более глубокое впечатление вынес Шлиман из зал, в которых были выставлены египетские древности. Его воображение взволновали древние саркофаги, покрытые странными рисунками и надписями. В течение тысячелетий оставались эти иероглифы неразгаданными, и лишь в двадцатых годах XIX века гениальный Шампольон нашел к ним ключ.

В саркофагах лежали мумии фараонов, запеленатые в полуистлевшие ткани.

Свитки папирусов - еще не до конца прочитанные древние книги - хранились в витринах.

Здесь, перед лицом воплощенной истории древнего мира, особенно больно почувствовал Шлиман, как нелепо и бессмысленно все то, чем он

живет, как отдаляется осуществление его неясных детских мечтаний. И он почувствовал, что не хочет сдаваться.

Он убедил себя, что только близость любящей и преданной женщины даст ему душевный покой и силу для свершения какого-нибудь большого дела.

Но в разговорах с женщинами он терялся, от смущения говорил грубости и бледнел от злобы на самого себя. Какая девушка захочет выйти замуж за такого неуклюжего человека?

Ни богатство, ни знание восьми европейских языков не могли привлечь к нему женское сердце.

И вдруг такое сердце нашлось.

Ее звали Софьей. Он познакомился с ней в Петербурге в 1847 году.

В восторженном письме к сестре Шлиман описал ее красоту, ее музыкальный талант, образованность и даже... бережливость. О Минне - уже ни слова. Казалось, вопрос о браке был решен.

Однако через несколько месяцев мы читаем в одном письме:

«15 ноября мы были вместе в обществе. Там я заметил, что Софья оказывает слишком много внимания одному офицеру. Я рассердился, приревновал - и наша помолвка расстроилась. Вероятно, это к лучшему, потому что Софья еще очень молода и ветрена. Жениться здесь легко, особенно в моем положении, потому что я пользуюсь безупречной репутацией, не имею долгов и обладаю состоянием в 10 тысяч талеров, а в будущем году надеюсь его увеличить еще на 16 тысяч талеров. Мне стоит только дождаться осени, и за меня выдадут самую красивую и богатую невесту...»

Но, очевидно, дело обстояло сложнее. Пришла долгожданная осень, денег было много, а о женитьбе Шлиман не заговаривал. Он постоянно, каждую минуту чувствовал глубочайшую неудовлетворенность. Он писал в это время отцу:

«В Амстердаме и в Мекленбурге уверены, что я нашел в России свое полное счастье! Нет, вовсе нет, никогда я еще не был так недоволен собой... Разве счастье в 6000 талеров, которые я заработал в 1847 году, или в 10000, которые принесет мне текущий год? Или счастье в роскошной квартире, дорогих кушаньях, тонких винах и т. д.? Нет, о нет! С раннего утра до позднего вечера стоя за конторкой, погруженный в вечные размышления о том, какую бы затеять спекуляцию, чтобы - к выгоде или невыгоде других - потуже набить свой кошелек, я чувствую себя гораздо менее счастливым, чем в Фюрстенберге, когда я за прилавком обсуждал с извозчиком достоинства соседской длиннохвостой собаки...»

В этих словах Шлимана есть доля рисовки перед мекленбуржцами, которые люто завидовали его богатству. Но, по существу, письмо правильно характеризует состояние Шлимана в ту пору. Он торговал, торговал в каком-то самозабвении, с утра до ночи, и не мог бы ответить, на что ему так упорно сколачиваемое богатство.

Шел 1848 год. На улицах французских, германских, австрийских городов вырастали баррикады. «Манифест Коммунистической партии» (*«Манифест Коммунистической партии» был написан по поручению Союза коммунистов К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1847 году. Эта была первая в истории программа научного социализма*) уже переводился на многие европейские языки. Охваченные революционным энтузиазмом, рядом с рабочими и профессиональными революционерами на баррикадах сражались и гибли даже тургеневские Рудины.

Все это проходило мимо Шлимана. В газетах он просматривал биржевые курсы и торговые новости. Он был купцом, и лишь изредка, с неохотой, отрывался от дел для того, чтобы написать письмо братьям или послать сто марок вновь обнищавшему отцу.

Братья доставляли хлопоты. Младший, Пауль, не ужился в Амстердаме, вернулся домой и стал садовником. Он поссорился с отцом. Отец возненавидел его как живое напоминание о покойной Луизе. Ненависть дошла до того, что, когда Пауль, совсем молодым (в 1852 году), погиб от несчастного случая, Эрнст Шлиман запретил в своем присутствии вспоминать даже имя сына.

Еще нелепей сложилась жизнь Людвиг. Он просил старшего брата взять его в Петербург, к себе в фирму. Генрих отказался. Людвиг писал бешеные письма, подписанные кровью, угрожал самоубийством - и неожиданно, прервав всякую переписку, уехал в Америку. Там он стал учителем, затем купцом, но вскоре бросил все и умчался в Калифорнию искать золото. Ему повезло. Он разбогател и снова стал переписываться с братом. Генрих получал от него деловую информацию об американских банках. «Большие состояния создаются здесь в какую-нибудь пару, месяцев», - писал Людвиг, приглашая Генриха в Америку.

Это было последнее письмо. Через три месяца Генрих случайно из газетного объявления узнал о смерти Людвиг (1850 год).

Можно было думать, что после Людвиг осталось значительное состояние. Письменные справки не дали результата. Шлиман решил отправиться в Америку, чтобы найти могилу брата и его наследство.

Весной 1850 года Шлиман поручил ведение всех своих петербургских дел доверенному приказчику и купил билет на пакетбот, отправлявшийся за Атлантический океан.

Старый и Новый свет

Разные земли ему для скопления богатств надлежало Видеть. Никто из людей земнородных не мог с ним сравниться В знании выгод своих и в расчетливом тонком рассудке...
«Одиссея», XIX, 284-280.

В Нью-Йорке Шлиман почувствовал себя как рыба в воде, хотя город был большой, неуютный, разбросанный. Одинаковые четырехэтажные кирпичные дома тянулись вдоль скучных прямых улиц. На каждом шагу попадались дощатые заборы. На них маляры аршинными буквами выводили объявления о продаже земельных участков. Город рос стремительно. За десять лет до приезда Шлимана в Нью-Йорке было 312 тысяч жителей, а теперь в нем жило уже 515 тысяч человек.

Нью-йоркцы понравились Шлиману: эти деловые, энергичные люди умели работать и завели в стране удобные порядки, никого не стесняя чопорными европейскими условностями.

Все нужные сведения о брате удалось собрать в Нью-Йорке. Оказалось, что Людвиг нашел в Калифорнии золотую жилу, но долго копать в земле не стал, продал свой участок и вместе с другим искателем счастья открыл гостиницу в Сакраменто. Здесь Людвиг заболел лихорадкой. Может быть, он оправился бы от нее, но лекари отравили его своими снадобьями. У него было около 30 тысяч долларов. Предприимчивый компаньон после смерти Луи прикарманил эти деньги и скрылся.

Знающие люди не советовали Шлиману пускаться в поиски похитителя. По Америке бродило много разного сброда, привлеченного слухами о золоте. Отыскать вора было нелегко. Да и бесполезно искать: деньги он, конечно, давно истратил.

Был другой способ вернуть потерянное. Следовало лишь поближе узнать страну и ее порядки - и тогда деньги сами потекут в руки.

Изучение Америки Шлиман решил начать с ее столицы. В Вашингтоне заседал конгресс, нельзя было пропустить такой случай.

В день приезда Шлимана в Вашингтон на заседании конгресса выступал Лайош Кошут, герой венгерского освободительного движения. После разгрома революции Кошут объезжал страну за страной, стараясь найти поддержку в борьбе против австрийских угнетателей. Громовая речь Кошута, обращенная к конгрессу, поразила Шлимана. Он запомнил ее дословно.

Побывав в конгрессе, Шлиман в тот же день добился аудиенции у президента Соединенных Штатов.

Миллард Фильмор, незадолго до того занявший в Белом доме место покойного Тейлора, оказался добродушным пятидесятилетним человеком с манерами провинциального адвоката, Он радушно принял посетителя. Этот русский купец с немецкой фамилией был деловит, вежлив и изъяснялся на прекрасном английском языке.

- Мистер Фильмор,- сказал он,- стремление увидеть эту, прекрасную страну и ее великого руководителя заставило меня покинуть Россию и пересечь океан. Мой первый долг на американской земле - приветствовать вас и выразить вам свою сердечную привязанность.

Президент был растроган. Он познакомил Шлимана со своей женой, дочерью и престарелым папашей. Беседа длилась полтора часа.

- Заходите, - сказал президент, пожимая Шлиману руку, - обязательно заходите, когда снова будете в Вашингтоне.

Шлиман сдержал улыбку. Президентство Фильмора не казалось долговечным. Промышленники Севера были им недовольны за то, что он заигрывал с плантаторами из Южных штатов, южане же не верили, что Фильмор поможет им удержать черных в рабстве. Едва ли Фильмор сумеет сбалансировать между Севером и Югом.

Но личное знакомство с президентом Соединенных Штатов никогда не повредит человеку, который собирается, по выражению нью-йоркцев, «делать доллары».

Страна была огромна и мало обжита. Шлиман исколесил ее всю. Он пересек пустыни Запада и девственные леса Юга, видел Большие озера и Панамский перешеек. Наконец, бурые скалы Сьерра-Невады и золотые берега реки Сакраменто открылись перед ним. Он был в Калифорнии, в сказочном Эльдорадо, стране золота.

В 1846 году швейцарский эмигрант Зуттер на берегу одной из калифорнийских речек нашел золото. Через два года Соединенные Штаты отвоевали Калифорнию у Мексики. На берега Сакраменто стали стекаться искатели счастья. Бродяги и купцы, врачи и солдаты, фермеры и чиновники со всех концов земли приезжали сюда. Все равны перед лицом слепой удачи.

С лопатами и тазами бродили люди по стране. На берегах неведомых речек вскапывали они песок и дрожащими пальцами взбалтывали его в тазу с водой. На дне таза оставалось несколько золотых пылинок - это было счастье. Золотоискатель, нашедший жилу, мог стать богачом. Но немногие уезжали из Калифорнии со своим богатством. Золотой песок быстро переходил в руки бандитов или содержателей кабаков - трудно сказать, кого из них было больше в Калифорнии.

Могила Людвига нашлась. Он умер в Сакраменто-Сити. Генрих Шлиман за пятьдесят долларов купил памятник и поставил на могиле.

Луи погубило калифорнийское золото. Но Генрих был не из пугливых.

Он не стал копать землю. В Сакраменто-Сити он открыл контору по скупке золотого песка. Здесь вдруг пригодилось знание языков.

«Моя контора... с утра до вечера набита людьми из всех стран мира, - писал он, - целый день я вынужден разговаривать на восьми языках».

На редкость выгодное сочетание: коммерсант-полиглот в дни золотой лихорадки в Калифорнии!

Сразила Шлимана обыкновенная лихорадка. Больной, валялся он на походной койке в своей конторе. Дверь на улицу была раскрыта настежь. Под подушкой лежал кольт.

Врач предупредил, что второго приступа Шлиман не перенесет. Что его спасло? Лошадиные дозы хинина или то, что он закалил свое здоровье многолетней спартанской диетой, ежедневными купаниями, умеренной жизнью? Во всяком случае, он выжил.

Неожиданно он оказался американским гражданином. Дело в том, что 4 июля 1850 года Калифорния была официально объявлена самостоятельным штатом САСШ. Каждый проживавший в этот день в Калифорнии автоматически становился гражданином Соединенных Штатов (если только не выражал желания сохранить прежнее подданство).

Шлиман чувствовал себя настоящим американцем. Он уже завязал связи с филиалом банка Ротшильда в Сан-Франциско и, казалось, вполне акклиматизировался. О Гомере, о сказках он не вспоминает в письмах этого периода.

Во время его пребывания в Сан-Франциско произошел страшный пожар, уничтоживший почти весь город. Шлиман наблюдал пожар с высокого холма, господствующего над Сан-Франциско. В дневнике его есть описание пожара, но нет никаких ассоциаций с картинкой из книги Еррера, с пожаром Трои.

Зато все больше места в письмах и дневнике занимает Россия. Шлимана потянуло назад. Он пишет о «любимой России», о «чудесном Петербурге». И вот, в начале 1852 года, прекратив свои операции с золотым песком, он вновь пересекает океан.

В Петербурге все было по-прежнему. Торговый дом «Шлиман и Ко» процветал, денег становилось все больше. Но не проходило тоскливое чувство одиночества.

Еще задолго до путешествия в Америку Шлиман познакомился с племянницей купца Живаго, Катей Лыжиной. Она воспитывалась у дяди. Теперь девушке было двадцать лет, она очень похорошела за то время, что Шлиман ее не видел. Катя была подходящей невестой.

Ее не спросили о согласии; Живаго и не мечтал о лучшем женихе для племянницы. Шлиман был и денежен, и оборотист, и обходителен.

Катя поплакала - и подчинилась. Осенью они поженились.

Жизнь молодой четы была внешне поставлена на широкую ногу. Барская квартира в пятнадцать комнат, английский выезд, еженедельные рауты (*Раут - большой званый вечер*), на которых можно было встретить и купца-миллионщика, и университетского профессора, а иной раз и заезжего дипломата.

Но, по существу, Шлиман не изменил своим привычкам. По-прежнему вставал он в пять часов утра, работал усердно в конторе, по несколько часов ежедневно проводил на складе: не доверяя приказчикам, сам показывал покупателям товары. Каждую свободную минуту проводил он за книгами, особенно жадно зачитываясь русской литературой. Пушкина и Лермонтова он знал едва ли не наизусть.

Началась Крымская война. Шлиман, давно уже почуявший приближение крупных событий, заранее принял меры. Он завязал связи с иностранными фирмами, торговавшими селитрой, серой и свинцом.

Союзный англо-французский флот блокировал выход из Черного моря и все русские порты в Балтийском море. Торговые корабли не могли прорваться в Петербург. Однако выход нашелся: товары, закупленные в Лондоне и Амстердаме, морем отправлялись до Мемеля, там их выгружали и дальше везли сухим путем на лошадях.

«Патриотизм» не мешал английским купцам продавать селитру России.

Из-за блокады балтийских портов транзитные торговые пути переместились в Скандинавские страны и Польшу. Пришлось завязать связи с тамошними деловыми кругами. Верный своим обычаям, Шлиман в двадцать четыре дня изучил польский и шведский языки; в каждой стране, где он бывал, он разговаривал и даже писал свой дневник только на местном наречии.

За годы войны Шлиман в несколько раз увеличил свое богатство. Он сломя голову бросался в самые рискованные дела, спекулировал, чем можно было; каменным углем, чаем, лесом...

«В течение всей войны я был настолько завален делами, что ни разу не взял в руки даже газету, не говоря уже о книгах», - откровенно признавался он.

Но с концом военных действий вновь пришло отрезвление. Он был богат, знал десять языков, получил звание с.-петербургского потомственного почетного гражданина... И вдруг он со страхом почувствовал, что ему тридцать четыре года, полжизни прожито - и ничего не сделано, ничего, кроме денег, которые так дразнили и бесили мекленбургских земляков.

А он хотел быть ученым.

Время ушло безвозвратно. Он не мог поступить ни в гимназию, ни в университет. Ему хотелось куда-нибудь спрятаться от самого себя. Куда бежать? В деревню, может быть? Он мог купить имение где-нибудь на юге, вблизи Одессы, или в Мекленбурге, благо там разыгрался аграрный кризис и земля была дешева.

Но разведение свиней или слив могло ему дать только новые тысячи марок, талеров, гульденов или рублей...

И вот однажды библиотека Шлимана пополнилась новой книгой: новогреческим переводом «Поля и Виргинии».

Греческий язык - вот что ему было нужно!

Он нанял себе учителя - молодого семинариста Николая Паппадакиса. Паппадакис был родом афинянин, на его произношение можно было положиться.

Произношение было самым главным. Шлиман не мог изучать мертвый, немой язык. Не грамматика была ему важна, а живой строй речи. Поэтому он начал не с древнегреческого, который был языком давно истлевших мертвецов, звучание которого в XIX веке стало уже предметом спора между филологами.

Он положил перед собой французский оригинал «Поля и Виргинии» рядом с новогреческим переводом и стал читать. Смысл каждой фразы он понимал, не теряя времени на копание в словаре, - достаточно было сравнить оба текста.

Паппадакис следил за его произношением и исправлял ошибки в сочинениях.

Через полтора месяца Шлиман уже говорил по-новогречески. Путь к Гомеру был открыт.

Ученические тетради

...ее ты покинул.

В Троию отплыв, и грудной, лепетать не умевший младенец
С ней был оставлен тогда...

"Одиссея". XI. 447-449.

В изучении древнегреческого языка окончательно отшлифовался «шлиманский» метод, в котором соединялись изобретательность, железная память и огромный темперамент.

Учитель (уже другой грек, Феоклит Вибос, тоже семинарист) писал на большом листе бумаги много разных греческих слов, по выбору Шлимана, рядом - перевод этих слов. На том же листе совместно составлялись предложения, в которые входили эти слова. К следующему уроку Шлиман все это заучивал наизусть, и Вибос составлял ему новые фразы. Таким образом Шлиман быстро овладел солидным запасом слов, и сам стал составлять различные фразы, описания и изложения. Вибос исправлял их. С каждым разом эти «сочинения» становились все длиннее и обстоятельнее. Для простоты они писались печатными буквами. По содержанию были разнообразны, но больше всего походили на дневник. Вот несколько отрывков из этих «ученических» тетрадей:

«Хочу стать фермером в Мекленбурге, купить там имение... Но сначала надо испробовать, выдержу ли я там».

«Я еще не могу причислить себя к образованным людям. Поэтому я поеду в Грецию. А если я там не смогу жить, - поселюсь в Америке. Там каждый день случается что-нибудь новое. А если в Америке я не найду счастья, - уеду под тропики».

Однажды Вибос опоздал на урок. На следующий день он нашел в тетради Шлимана следующие строки:

«Если вы еще раз опоздаете на урок, я вас вышвырну за дверь. Вы плохой, злой человек, вы вор: вы унесли мою греческую газету и не вернули ее».

Вибос добродушно улыбался и исправлял ошибки. Поджав губы, прищурясь, следил за своим учителем Шлиманом.

Впрочем, Вибосу редко приходилось читать подобные сердечные тирады. Чаще записи в тетрадях носят такой характер:

«В Греции философия и история с пользой займут мои дни... Я должен бросить торговлю, я хочу на свежий воздух, к крестьянам».

В три месяца - феноменальный срок! - Шлиман научился говорить, читать и писать по-древнегречески. И вот наступил день, когда на его высокую конторку впервые лег раскрытый томик Гомера...

«Два года подряд, - вспоминал впоследствии Шлиман, - я занимался исключительно древнегреческой литературой и за это время прочел от доски до доски почти всех древних классиков, а «Илиаду» и «Одиссею» - по несколько раз. Из греческой грамматики я заучил только склонения и правильные и неправильные глаголы; на зубрежку самих грамматических правил я не потерял ни мгновения из своего дорогого времени. Видя, что ни один из мальчиков, которых в течение восьми и больше лет истязают в гимназии скучнейшими грамматическими правилами, впоследствии не в состоянии написать греческого письма без сотен грубейших ошибок, я пришел к убеждению, что употребляемый в школе метод насквозь неправилен; по моему мнению, можно достичь основательных познаний в греческой грамматике исключительно путем практики, то есть путем внимательного чтения классической прозы и заучивания наизусть отдельных отрывков. Таким образом, я теперь совершенно бегло пишу и без труда могу говорить о любом предмете, никогда не забывая слов. Всех правил грамматики я придерживаюсь полностью, хотя и не знаю, записаны ли они в учебниках или нет».

Так изучал Шлиман произведения древних классиков. Он читал Гомера и Фукидида, Эсхила и Софокла - читал и заучивал наизусть. Он знал, что путь его труден и необычен. В дневнике тех лет записано:

«В возрасте, когда другие учатся в гимназии, я был рабом, и только в двадцатилетнем возрасте дорвался я до языков. Поэтому мне недостает фундаментальности знания. Ученым я, должно быть, не стану никогда, но хоть что-нибудь я должен успеть сделать. Я должен жить для науки».

Снова, как тогда в Амстердаме, он весь уходит в книги. Даже по дороге в Нижний Новгород, на ярмарку, он неотрывно штудирует Гомера.

Будто свежий ветер ворвался в затхлые складские помещения, в контору торгового дома «Шлиман и К°», в чопорную квартиру из пятнадцати комнат, - тот самый ветер, что вздувал когда-то паруса Одиссея!

Но Екатерина Шлиман не выносила сквозняков.

Все чаще происходили бессмысленные супружеские ссоры.

Надо признаться, Шлиман не был идеальным мужем.

Всегда погруженный в свои мысли, расчеты и планы, до сухости сдержанный в обращении, он заботился лишь о том, чтобы Катя ни в чем не испытывала нужды. Его попытка увлечь жену прелестями греческого языка ни к чему не привела. К иностранным языкам Катя испытывала отвращение.

В 1855 году родился сын, названный Сергеем. Шлиман попытался едва ли не с пеленок начать воспитывать его по-своему, в спартанском духе. Это еще больше обострило отношения между супругами. Жена победила. Сережа рос в материнской заботе и холе, обложенный пуховиками, окруженный няньками.

Начинался послевоенный торговый кризис, в делах наступило затишье, пускаться в спекуляции Шлиман теперь не рисковал да и не хотел. Прочитав всех древнегреческих классиков, он взялся за давно забытую латынь. С помощью одного из университетских профессоров он в несколько недель вспомнил латынь, вернее, научился заново, потому что его детский багаж был ничтожно мал.

Но латынь не очень увлекла его. Красноречие Цицерона оставляло его равнодушным, непристойности Петрония Арбитра шокировали. Он не мог изменить своей привязанности к Греции и ко всему греческому. По воскресеньям он целые дни проводил за конторкой, переводя трагедии Софокла с древнегреческого на новогреческий язык.

Занимаясь латынью, Шлиман вспомнил Карла Андреса, того самого кандидата наук, который когда-то в Калькхорсте заставлял маленького Генриха писать латинское сочинение об Одиссее. Андрее был всегда тих, мечтателен, ласков. По справкам оказалось, что он еще жив и служит библиотекарем в Ней-Стрелице. Шлиману захотелось поделиться с ним своими успехами. Он написал Андресу теплое письмо, в котором бы ли, между прочим, такие строки:

«Я хочу в Грецию. Там я хочу жить. Просто поразительно, что существует такой великолепный язык! Не знаю, что скажут другие, но мне кажется, что Греции предстоит большая будущность и недалек уже тот день, когда греческое знамя будет развеваться над Айя-Софией... (*Айя-София - христианский храм Святой Софии в Константинополе, переделанный турками в мечеть*). Удивительно, что Греция, триста лет просуществовавшая под турецким владычеством, сохранила свой язык!»

«Грекофильство» Шлимана не было случайностью. Политические интересы привлекали в то время внимание русского общества к Греции. Едва не примкнувшая к России во время Крымской войны, Греция была принуждена заявить о своем нейтралитете после того, как союзные войска оккупировали Пирей (*Пирей - гавань Афин*). Окончание войны вовсе не означало окончания борьбы между империалистическими странами за влияние на Ближнем Востоке и в Южной Европе. Освободившуюся от турецкого владычества Грецию старались прибрать к рукам и Англия, и Германия, и Россия. В связи с этим в русской печати особенно много писали о Греции, всячески разжигая противотурецкие настроения. Шлиман, сын лютеранского пастора, убежденный атеист и американский гражданин, весьма мало беспокоился о том, будет ли водружен на Айя-Софии православный крест. Но общее увлечение Грецией в некоторых

своих проявлениях (весьма, конечно, далеких от официальной царской политики) повторяло благородные стремления филэллинов (*Филэллинство - широкое общественное движение, охватившее весь мир в начале XIX века, в период борьбы Греции за свое освобождение от власти турок. Одним из вождей филэллинов был знаменитый английский поэт Байрон*) двадцатых годов. И это увлечение, злободневное по своей сути, отразилось на Шлимане в форме глубокого интереса к народу Греции, к его языку и истории культуры. Для Шлимана Константинополь был древним греческим городом, и он считал справедливым возвращение Греции византийской столицы.

Деятельная натура Шлимана не могла ограничиться пассивным изучением языков. Торговля чаем и индиго была уже бесконечно далека от его интересов. А наука, настоящая научная работа, была еще совершенно недоступна. Откровенно говоря, Шлиман даже не знал, что должен делать ученый. Об археологии и философии говорит он в своих «ученических» тетрадах так, будто между ними нет различия: они еще одинаково чужды ему.

Но старое, знакомое беспокойство толкает его, говорит: ищи! И он покидает Петербург.

Биографы Шлимана хотят найти продуманный замысел в маршруте его первого большого путешествия: Швеция, Дания, Германия, Швейцария, Италия, Египет, Палестина, Сирия. В самом деле, именно в работах шведских и датских ученых археология начинала в то время приобретать черты подлинной науки. Памятники доисторических времен в Скандинавских странах встречались всюду: сооруженные из огромных каменных глыб кромлехи и дольмены (*Кромлехи и дольмены - сооружения из крупных камней. Кромлехами называют большие ограды из отдельно стоящих каменных глыб. Дольмены - погребальные сооружения из нескольких вертикально поставленных и перекрытых сверху массивных плит. Оба вида сооружений относятся ко времени неолита и к бронзовому веку*) обращали на себя внимание всех, могильники требовали раскопок. Это возбуждало естественный интерес к раскопкам, к изучению доисторических памятников и к их классификации. Датский историк Христиан Томсен в 1832 году установил знаменитое деление древнейших времен человеческой истории на три «века» - каменный, бронзовый и железный. Это деление позволило сразу внести большую ясность в огромную массу разрозненных археологических памятников. Копенгагенский музей, особенно обогащенный раскопками Иенса Ворсо и систематизированный Томсеном, привлекал живейшее внимание историков и археологов.

Но если уже тогда у Шлимана было четкое, заранее продуманное намерение широко ознакомиться с состоянием и данными современной ему археологии, почему же не поехал он, например, в Гальштат, где в то время производились раскопки интереснейшего могильника, почему не побывал он в Вилланове, под Болоньей, где при раскопках в 1853 году была открыта новая, неизвестная раньше древнейшая культура?

Зачем ему, наконец, Сирия, еще не тронутая в то время лопатой археолога? Да и весь его маршрут далек от греческих областей, от Гомера.

Гораздо верней предположить, что поездка 1858-1859 годов не «разведка», а просто путешествие беспокойного человека, одержимого почти детской жадностью ко всему окружающему, стремлением все узнать и увидеть.

Детство могло сформировать из Шлимана сентиментального немецкого приказчика, годы зрелости должны были придать ему черты международного спекулянта, финансовой акулы.

Но он остался, каким был,- увлекающимся, по-ребячески любознательным и в то же время скрытным и сосредоточенным.

Не поняв этой особенности в личности Шлимана, нельзя объяснить многих его поступков.

...Путешествие дало ему очень много - расширило горизонты, помогло увидеть места, служившие колыбелью человеческой истории, и укрепило исторические интересы.

В Египте он поднялся по Нилу до вторых водопадов, то есть в Нубию (*Нубия - современный Судан*). В пути он научился арабскому языку. Способ все тот же: практические упражнения в языке и заучивание наизусть, на этот раз - корана. Продолжая упражняться в арабском, он возвращается в Каир и оттуда, через пустыню, едет в Иерусалим.

Девятнадцать дней длилось это путешествие. Караван состоял из двенадцати верблюдов с поклажей и оружием. К Шлиману присоединились в Каире два других путешественника - итальянские графы, братья ди Басси. Об этом обстоятельстве он не преминул тщеславно сообщить отцу и сестрам. В письме описаны также мираж в пустыне и нападение бедуинов, от которых Шлиман спасся благодаря скорости своего коня. В том же письме, между прочим, рассказывается, что улицы древнего Иерусалима погребены на глубине 40 - 50 футов под нынешней почвой: за свою многовековую историю город семнадцать раз подвергался полному разрушению, и фундаменты новых домов каждый раз возводились на развалинах старых.

Это наблюдение пригодилось впоследствии.

В качестве заправского туриста Шлиман нанимает в проводники атамана разбойничьей шайки некоего Абу-Дауда.

Такой проводник был верной гарантией безопасности путешествия по пустынным местам Палестины, к Мертвому морю, в Петру. Восхищенный найденными в Петре развалинами великолепных дворцов, театров, гробниц, Шлиман предпринял полное обследование берега, побывал в

Тире, Сидоне, Бейруте, поднялся на Ливанские горы. Письмо, написанное там 26 мая 1859 года, носит пометку: «На Ливанских горах, в древней Финикии, посреди знаменитых кедров».

До сих пор путешествие проходит спокойно.

Шлиман ничем - ни интересами, ни наблюдениями - не выделяется из ряда обычных туристов по экзотическому Востоку.

И вдруг, переодевшись дервишем и обрив голову, Шлиман уезжает в Мекку - он хочет попытаться проникнуть в священный город мусульман.

Европейцу, неверному гяуру, вход в Мекку запрещен. Лишь немногие белые (большей частью это были шпионы) отваживались проникнуть в Мекку. Порыв любопытства, толкнувший Шлимана на это паломничество, трудно объяснить. Во всяком случае, лучшего экзамена своим познаниям в арабском языке Шлиман придумать не мог.

Последующие путевые записи Шлимана опять не выходят из рамок обычного. В Дамаске он восхищается необычайной красотой местных евреек, добродушием и храбростью арабов. Отдельные замечания о тех или иных попавшихся на пути памятниках древности по существу ничего не означают. Древности эти близки Шлиману еще не сами по себе. Он впитывает в себя массу разносторонних культурных впечатлений, еще не отбирая, не делая между ними различия, не отдавая себе ясного отчета в своих стремлениях.

Летом 1859 года он в Смирене, на малоазиатском берегу, оттуда едет на Кикладские острова, затем в Афины - все это мимоходом, второпях, как все туристы.

Он собирался посетить родину Одиссея - остров Итаку, но старая калифорнийская лихорадка вдруг дала себя знать. Больной, в постели, Шлиман получил телеграмму из Петербурга: задолжавший ему крупную сумму купец Степан Соловьев обанкротился и отказался платить по векселям.

Преодолевая страшный малярийный озноб, Шлиман стал собираться в дорогу: он вовсе не хотел терять свои деньги.

Через две недели он был в Петербурге. Дело оказалось нешуточным, грозило разорение. Торговый суд вынес решение в пользу Шлимана. Соловьев подал апелляцию в сенат, правильно рассчитав, что в сенате ни одна тяжба не разбирается быстрее трех-четырёх лет, а за это время много воды утечет.

Проклятая тяжба не давала Шлиману возможности уехать из Петербурга. Жизнь, о которой он мечтал, полная впечатлений, снова отодвигалась в неопределенное будущее.

Начинается новая серия шлиманских спекуляций.

Разгорелась гражданская война в Америке (*Гражданская война в Америке (1861-1865) - война между южными и северными штатами Америки, закончившаяся победой северян и провозглашением отмены рабства негров*). Порты южных штатов были заблокированы флотом северян. Из-за этого бешено возросли цены на хлопок. Шлиман стал покупать огромные партии хлопка, играя на повышение. Очень большие барыши доставляла ему торговля чаем. За полгода оборот Шлимана составил 10 миллионов марок.

Сохранился портрет Шлимана, относящийся к этому времени: невысокий, сухощавый человек в цилиндре и в лисьей шубе до пят. Эту фотографию он послал родственникам в Меленбург со злорадной надписью: «Фотография Генри Шлимана, в юности - приказчика у г. Хюкштедта в Фюрстенберге; теперь - С.-Петербургского оптового купца 1-й гильдии, почетного потомственного русского гражданина, судьи С.-Петербургского торгового суда и директора Императорского государственного банка в С.-Петербурге». Последнее, очевидно, было вымыслом, но потомственное почетное гражданство Шлиман действительно получил.

В конце 1863 года, когда сенат наконец разобрал дело и Соловьев уплатил свой долг, Шлиман был уже миллионером.

И снова огромным усилием воли он разрывает с коммерцией и навсегда ликвидирует свой «торговый дом».

Но до желанной свободы еще далеко.

Родня всячески восстанавливала Екатерину против мужа.

Сын Сергей рос баловнем, нечего было и думать о том, чтобы заставить его изучать, например, языки. В 1859 году родилась дочь, названная Наташей, в 1861 году - вторая дочь, Надежда. Обе были похожи на мать.

Отношения с семьей стали невыносимы.

Вокруг земли

Радостно парус наярят Одиссей и, попутному ветру
Вверившись, поплыл.
«Одиссея», V, 269-270.

Весь мир был перед ним открыт, что же предпринять ничем не связанному, богатому и любознательному человеку как не кругосветное путешествие - путешествие по странам классической древности, где каждый камень хранит драгоценные воспоминания?

Кругосветное путешествие Шлимана широко задумано и обстоятельно осуществлено. Отправной точкой был выбран Тунис. Там, на берегу

небольшого залива, раскинулись развалины Карфагена, города с многовековой, пышной и трагической историей. В 1856-1859 годах Белэ и Девис с большим успехом производили здесь археологические раскопки, описание которых вышло из печати в 1863 году.

Из Карфагена Шлиман поехал в Египет, затем - в Индию. Здесь он пересек с юга на север весь полуостров, от Цейлона до диких отрогов Гималайских гор. Он видел торговое оживление Калькутты, побывал в храмах Бенареса, Агры и Дели. Но знакомство с индийской культурой и искусством не вызвало глубокого интереса у Шлимана. Возможно, этому причиной было то, что индийских языков Шлиман не знал, а близость с каждой страной у него начиналась именно с языка.

Дальнейший путь Шлимана лежал через Сингапур на Яву. Здесь путешествие (довольно стремительное, кстати) на время оборвалось. У Шлимана началось острое воспаление обеих ушей. Пришлось лечь в больницу. Врач с неудовольствием заявил, что операция будет трудная, так как в строении уха Шлимана была какая-то врожденная неправильность. Но все сошло как будто благополучно, Шлиман вскоре поправился, и в продолжение ряда лет лишь легкая тугоухость напоминала ему об операции, перенесенной на острове Ява.

Выздоровев, Шлиман продолжал свой путь через Сайгон, Гонконг, Амой и Кантон на север, в Фучжоу, Шанхай, Тянь-цзинь, Пекин и далее - до маньчжурской границы, к Великой китайской стене.

Китай ему не очень понравился. Он жалуется в дневнике на грязь, на неустройство, на отсутствие удобств для путешественника. Вот, например, отзыв о Тяньцзине:

«В Тяньцзине больше 400 тысяч обитателей, большинство из них живет в предместьях. Из всех грязнейших городов, которые я видел в жизни - а видел я их достаточно во всех частях земного шара, но больше всего в Китае,- Тяньцзинь несомненно самый грязный и отталкивающий; все органы чувств прохожего там непрерывно подвергают оскорблению».

Вне себя от возмущения, он записывает в дневнике, что в Пекине не нашел гостиницы, а на завтрак его слуга Атсон, обегав весь город, достал только горсть скверного риса.

Этот раздражительный тон, это преувеличенно отрицательное отношение к увиденному в Китае имеет определенный адрес. Шлиман возмущен тем, что Китай, в прошлом культурнейшая и могущественнейшая страна Востока, разорен, унижен и обессилен бездарным правлением, хищничеством администрации и опиумом. Жители тех китайских деревень, куда не проник еще опиум, описаны в дневнике с глубоким уважением и доброжелательством. Шлиман подчеркивает их чистоплотность, нравственность, физическую силу, красоту и благородство облика.

Самое яркое впечатление из всего виденного в Китае произвела на Шлимана Великая стена. Добравшись до нее, он без тени страха вскарабкался наверх и совершил рискованное путешествие в несколько километров по осыпающимся карнизам, расшатанным аркам и отвесным скалам, которые, точно боевые башни, местами возвышаются над стеной.

«Я видел величественные панорамы, открывающиеся с высоты вулканов - острова Явы, с вершин Сьерра-Невады в Калифорнии, с Гималаев в Индии, с высокогорных плато Кордильеров в Южной Америке. Но никогда нигде не видел я ничего, что можно было бы сравнить с великолепной картиной, которая развернулась здесь перед моими глазами. Изумленный и пораженный, полный восхищения и восторга, я не мог свыкнуться с этим чудесным зрелищем; Великая китайская стена, о которой с самого нежного детства я не мог слышать без чувства живейшего интереса, была сейчас передо мной, в сто раз более грандиозная, чем я себе представлял, и чем больше я глядел на это бесконечное сооружение... тем больше оно казалось мне сказочным созданием племени допотопных гигантов».

Шлиман тщательно измерил стену в нескольких местах, даже захватил с собой один кирпич на память, и вернулся в Шанхай. Оттуда пароход «Пекин» доставил его в Иокогаму.

Напомним, что дело было летом 1865 года, в разгар решающей ломки всего политического и экономического строя Японии. Силы японского феодализма с боем отступали под ударами буржуазно-капиталистических групп самой Японии, с одной стороны, и под комбинированным нажимом американских дипломатов и военных моряков - с другой. Лишь за несколько лет до того иностранцам был разрешен въезд в страну, да и то с большими ограничениями. Открыты были только несколько портов: Иокогама, Осака, Хакодате. В столице - Иед-до (нынешний Токио) - могли находиться только члены дипломатического корпуса.

То же неудержимое любопытство, которое пять лет назад заставило Шлимана сделать попытку пробраться в Мекку, толкает его сейчас в запретный город. Через живших в Иокогаме иностранных купцов и американского консула Фишера добивается Шлиман официального приглашения в Иеддо, к послу Соединенных Штатов Портмену.

Но с японскими нравами, Шлиман познакомился, еще не успев побывать в столице.

7 и 8 июня в иокогамской английской газете появилось правительственное сообщение о предстоящей поездке сёюгуна (*Сёюгун - в то время светский властитель Японии, деливший власть с «духовным» императором - микадо*) из Иеддо в Осака. Иностранцам предлагалось в этот день не появляться вблизи Токкайдо (*Токкайдо - большое шоссе*) во избежание «больших несчастий». Японское население было извещено большими уличными плакатами о том, что в день процессии все лавки в Токкайдо

должны быть заперты и никто не имеет права выйти из дома, пока процессия не пройдет.

Английский консул все же добился, чтобы иностранцам разрешили посмотреть процессию сёюгуна. Для этого отвели рощицу в четырех километрах от Иокогамы, вблизи шоссе. С утра все иностранное население города - человек сто - собралось в роще. «Для поддержания порядка» рощу оцепил отряд полицейских.

И вот появилась процессия. Шлиман подробно описал в дневнике все ее бессмысленное великолепие. Впереди шли сотни носильщиков с багажом сёюгуна, за ними - батальон солдат, вооруженных луками и саблями. У некоторых были ружья. Потом снова отряд носильщиков. За ними - верховые офицеры в белых халатах с красными иероглифами на спине. Лошади были не подкованы, а в соломенных сандалиях. Потом два батальона пехоты, две артиллерийские батареи, опять пехота, носильщики с черными лакированными сундуками, группа сановников верхом на лошадях, батальон солдат в белых кофтах, четверо стремянных, ведущих под уздцы четырех лошадей, четыре закрытых паланкина, знаменосец со штандартом в виде золоченой лилии и, наконец, на гнедой лошади сам сёюгун - молодой человек лет двадцати с темным и злым лицом. Процессию замыкала свита из высших сановников... Дальнейшее приводим в изложении самого Шлимана:

«На следующее утро я совершил верховую прогулку по Токкайдо. Недалеко от того места, откуда мы наблюдали процессию, я увидел посреди дороги три трупа, настолько обезображенных, что даже по их одежде невозможно было определить, к какому классу общества они принадлежат.

По возвращении в Иокогаму я узнал, что один крестьянин, вероятно не имевший ни малейшего представления о предстоящем проезде сёюгуна, переходил шоссе в нескольких шагах впереди первого батальона солдат. Разъяренный офицер приказал одному из своих подчиненных наказать наглого преступника, разрубив его на части; но так как солдат растерялся и не сразу бросился выполнять приказание, офицер в безумном гневе раскроил ему череп, а затем убил и крестьянина. В эту минуту появился старший офицер, который, узнав о происшедшем, решил, что офицер сошел с ума, и приказал какому-то солдату застрелить его из ружья, что тот и выполнил в мгновение ока. Три трупа остались на дороге, и вся процессия, состоявшая приблизительно из 1700 человек, прошла по ним, даже не замечая их».

Естественно, что все остальные японские впечатления побледнели перед этой картиной японского «гуманизма». Случай наглядно показал Шлиману, как расценивается в Японии человеческая жизнь. И, несмотря на интерес, вызванный раздвижными стенами домов и яркими халатами жителей, Шлиман недолго задержался в Стране Восходящего Солнца. Маленький английский пароходик повез его в Сан-Франциско.

Переезд длился пятьдесят дней. В пути Шлиман вспомнил давнишний разговор с одним знакомым англичанином. Шлиман рассказывал о своей первой американской поездке. Дойдя до заседания конгресса, Шлиман слово в слово повторил своему собеседнику речь Кошута. Пораженный его памятью, англичанин воскликнул:

- Стыдно вам повторять чужие речи! У вас достаточно способностей, чтобы произносить и писать свои.

С тех пор Шлиман особенно тщательно стал вести дневник. Но печатать эти писания было бы смешно: кому интересен дневник заурядного человека?

Теперь другое дело. Он объехал весь мир, он много видел и многому научился. Дневник путешествия по Китаю и Японии может найти благосклонных читателей.

В тот день, когда на горизонте появились берега Америки, в портфеле Шлимана лежала рукопись книги. Она была написана по-французски - не все ли равно ему было, на каком языке писать! В ней было описание Великой стены, спектакля китайского театра, процессии сёгуна и много других наблюдений и соображений. Строгий критик сказал бы, что в ней слишком много цифр. Автор тщательно приводил данные: о размерах китайских плакатов (2 метра на 64 сантиметра) и деревянных стремян японских всадников (6 дюймов ширины и 14 длины), о стоимости пароходного билета (720 франков) и т. д. и т. п. В книге обстоятельно рассказывалось об английских колониальных чиновниках в Китае, о миссионере-полиглоте, встреченном в Шанхае, о системе всеобъемлющего и всепроникающего шпионажа, установленной в Японии. Это была книга, написанная дилетантом-путешественником, а не писателем или ученым специалистом. Никто не мог бы по этому дневнику предсказать, какое будущее ожидает автора.

Автор тем временем вновь объехал Америку: из Сан-Франциско в Никарагуа, потом в восточные штаты, в Гавану, - тут, между прочим, подвернулась выгодная покупка железнодорожных акций, - затем в Мексику.

Кругосветное путешествие Шлимана, занявшее два года, закончилось в Париже.

Здесь он издал свою книгу. Издательство «Librairie Centrale» не пользовалось особым уважением: в его каталоге главное место занимали такие книги, как «Нужны ли вам деньги?», «Роман бородатой женщины» и «Легкая любовь». Но Шлиман еще не мог выбирать себе издателей.

Книга вышла в желтой бумажной обложке. Она называлась «Китай и Япония в настоящее время». Сочинение Анри Шлимана (из Санкт-Петербурга)».

Анри Шлиман поселился в Париже. Теперь предстояло наметить дальнейший жизненный путь.

Первый удар заступа

Странствую я, чтоб, молву об отце вопрошая, проведать,
Где Одиссей благородный?..
«Одиссея». 111, 83-81.

«Париж со всем его великолепием не может прельстить путешественника, который исколесил земной шар и видел чудеса Индии, Зондских островов, Индокитая, Китая, Японии, Мексикой т. д. Здесь меня интересуют и удерживают лекции крупных профессоров в университете - по литературе, философии, иероглифике и т. п., так как ничего более возвышенного не найти нигде на свете».

Итак, нужное слово сказано. Человек, в досталь хлебнувший унижения в детстве и юношестве, долго погрязавший в тине коммерции, рвется к возвышенному. В этом - объяснение и языковедческой страсти, и «глобтроттерства» (*Globetrotter* - английское слово, обозначает неутомимого путешественника. В точном переводе: «топтатель земного шара»), и, наконец, превращения сорокачетырехлетнего миллионера в своеобразного вольнослушателя парижского университета - Сорбонны (*Сорбонна* - старейшее учебное заведение в Париже, часть Парижского университета).

Было горячее время для историков. Прошла пора простого «собираательства» исторических фактов и антикварных вещей. Все сильней назревало сознание необходимости обобщения материала и расширения горизонтов. Не могли уже удовлетворить отдельные находки, относившиеся к разным странам и к разным культурным эпохам. Поиски становились все планомерней.

Энергичный Джузеппе Фиорелли в начале шестидесятых годов возобновил раскопки Помпеи и повел их со всей научной обстоятельностью. Эрнест Ренан только что вернулся из большой экспедиции по Сирии, где он искал памятники Древней Финикии. Лепсиус с поразительным успехом работал над археологическим «воссозданием» Египта.

Вышел в свет «Очерк истории искусства» Любке. Инженер Гуман, строивший мосты и дороги в Малой Азии, с горечью бродил по расхищаемым развалинам древнего Пергама и обдумывал план раскопок, впоследствии столь удачно им осуществленных. К этому перечню можно было бы прибавить еще много имен замечательных ученых, еще много блестящих открытий.

Постепенно в научный оборот входят данные по истории все новых и новых стран. По следам колониальных армий (а иногда и впереди них, как было, например, с Центральной Африкой и Ближним Востоком) идут географы и археологи. Обострившаяся после объединения Германии в 1871 году борьба между Англией, Францией и Германией за влияние на Востоке усиливает широкий интерес к странам классической древности и к их истории. Люди без ученых степеней, без исторического образования становятся историками и археологами. Шлиман не одинок в этом смысле. Мы упоминали об инженере Тумане. Расшифровавший ассирийскую клинопись англичанин Генри Раулинсон служил инструктором в персидской армии. Бельцони, открывший в Египте «долину царей», прожил жизнь типичного авантюриста. Гораздо поучительней история Джорджа Смита (1810-1876), лондонского пролетария, ставшего одним из крупнейших ассириологов в мире. Будучи наборщиком и гравером, он делал набор для издания клинописных ассирийских надписей. Заинтересовавшись их расшифровкой, он самоучкой овладел ассириологией и сделал ряд замечательных исторических и филологических открытий. Таким же «неожиданным» человеком в науке был и Шлиман.

Из всех исторических, филологических и философских лекций, которые читались в то время с высоты сорбоннских кафедр, Шлиман верным чутьем выбрал то, что было ему по сердцу и по плечу. Стать широкообразованным историком он не мог: слишком много сил и времени потребовалось бы на изучение огромного комплекса дисциплин, из которых слагается историческая наука. Филология, как выяснилось, вовсе не то же самое, что «механическое» знание языков, - неразрывно связанная именно со скучной для Шлимана грамматикой, она требовала чрезвычайно углубленного теоретического изучения законов языка и не могла дать удовлетворения шлиманской жажде непосредственной деятельности, жажде практической работы. Философские отвлеченные доктрины были попросту неинтересны ему.

Истинное свое призвание он нашел в археологии.

Под «пылью и мусором тысячелетий» погребены драгоценные свидетели прошлого. Развалины стен и черепки глиняной посуды, бронзовый клинок и обломок статуи - все одинаково дорого археологу. По ним он восстанавливает жизнь прошлых поколений. Разрозненные, почти неуловимые признаки и данные постепенно и последовательно слагаются в общую историческую картину - подробную, объективную и захватывающе увлекательную.

Не менее увлекательна и начальная стадия работы археолога - поиски места, где нужно копать. Показания древних писателей, отчеты путешественников, топографические изыскания постепенно подводят археолога к заветному кургану, и вот рабочие уже готовы заложить первый шурф...

Непередаваемо то чувство азарта, тревоги, нерешительности и страстного желания удачи, которое переживает археолог в эту минуту.

Свойствами, нужными археологу, Шлиман действительно обладал. Он владел - хотя и не в совершенстве - древними языками и знал античных авторов. Он был деятелен и настойчив, имел большой практический организаторский опыт, умел рисковать. Он всем своим существом стремился к большому возвышенному делу, готов был посвятить этому делу всю свою жизнь.

Кроме того, у него были деньги - условие, необходимое для каждого, кто в те времена хотел посвятить себя археологии: подавляющее большинство археологических открытий XIX века сделано на средства или частных филантропов, или спекулянтов древностями.

Но при всем этом из Шлимана могло ничего не выйти, если бы одна великая страсть, уже давно охватившая его, не толкнула его на правильный путь.

Это была страсть к Гомеру.

Ярчайшие и прекраснейшие переживания дали ему поэмы Гомера. Как-то по-особому стала содержательна его жизнь после того, как он ознакомился с «Илиадой» и «Одиссеей» в подлиннике.

Вспоминал он и картинку из старой детской книги - «Всемирная история» Еррера всегда стояла на почетном месте в его библиотеке. Вспоминал и пьяного мельника Нидерхеффера с его декламацией. А иные эпизоды из его собственной жизни неожиданно перекликались с «Одиссеей» - например, гибель «Доротеи».

Уже постепенно созревал у Шлимана план широчайшего археологического обследования гомеровских мест, план воскрешения славы великого слепца.

В 1453 году турки завладели Византией. В Европе появилось множество греков-эмигрантов. Они принесли с собой интерес к Греции и ее культуре, греческая образованность стала распространяться по средневековой Европе. В 1488 году один из таких ученых византийцев-эмигрантов, Дмитрий Халкондил, выпустил во Флоренции первое издание двух древнегреческих поэм - «Илиады» и «Одиссеи». Впервые после почти тысячелетнего перерыва человечество услышало, по словам Пушкина, «божественный звук умолкнувшей эллинской речи». Во времена средневековья Гомер был известен лишь понаслышке; его образы, его предания жили лишь в переложении римских поэтов, главным образом Вергилия.

Между тем для древнегреческой культуры поэмы Гомера имели исключительное значение. Произведения Гомера были как бы сводом

религиозных и исторических преданий эллинов и в то же время - сводом народной мудрости. Стихи Гомера заучивались наизусть в школах, передавались из рода в род, цитировались в дружеских беседах и в научных диспутах. В VI веке до нашей эры афинский тиран (правитель) Писистрат установил закон, что во время панафинейских празднеств обязательно должны декламироваться «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Гомер был и неиссякаемым источником художественного творчества для мастеров древности. Так, именно на основе гомеровского описания, гениальный скульптор Фидий создал свою статую Зевса, стоявшую в храме Олимпии (*Олимпия - город в Пелопоннесе. В Олимпии каждые четыре года происходили общегреческие празднества и соревнования*). Мотивы Гомера часто служили конвой для произведений греческих трагиков, Эсхил считал свои трагедии «крохой от гомерова пиршества».

О личности автора «Илиады» и «Одиссеи» слагались предания. Семь городов Греции - Смирна, Родос, Колофон, Саламин, Хиос, Аргос и Афины - спорили за почетное право считаться родиной Гомера. Античный бюст представляет его нам в виде слепого старика со строгим, мудрым челом, с вьющейся бородой. Невидящий взор его устремлен вдаль, губы как бы готовы раскрыться, чтобы запеть.

«Илиада» повествует о том, как ахейцы - жители средней и южной части нынешнего Балканского полуострова и островов Эгейского моря - осаждали малоазийский город Илион, иначе называемый Троей. Воспеваются героические подвиги предводителей ахейцев - Агамемнона, Ахиллеса, Одиссея, могучего троянского водителя Гектора и других героев, описывается участие богов в этих сражениях. Основной сюжет поэмы - раздоры, возникшие в стане ахейцев между непобедимым Ахиллесом и верховным предводителем войска Агамемноном, гнев Ахиллеса, гибель его друга Патрокла и смертельный поединок между Ахиллесом и Гектором.

Вторая поэма, «Одиссея», рассказывает о приключениях, которые, после взятия и разрушения Трои, претерпел на пути домой царь острова Итака, хитроумный Одиссей.

Историки нашли в Гомере богатейший материал для характеристики общественного строя и культуры целой эпохи жизни Греции.

Филологический и исторический анализы убеждают нас, что гомеровы поэмы получили тот вид, в котором они дошли до нас, в VI веке до нашей эры. Тот строй общества Греции, который описан у Гомера, относится, как можно предполагать, приблизительно к XI веку до нашей эры. Древность этой эпохи и отсутствие письменных документов о жизни Гомера заставили исследователей поставить два вопроса: являются ли гомеровы поэмы отражением подлинных исторических фактов и можно ли считать, что Гомер существовал как историческая личность, создавшая обе поэмы. Уже исследователи XVII века, а за ними - крупнейший немецкий филолог конца XVIII века Фридрих-Август Вольф утверждали, что обе поэмы являются сводом разнородных былин, лишь позже приведенных в стройный порядок.

Лахман, Г. Герман и другие вслед за Вольфом углубили и разработали вопрос о том, как создавалась «Илиада», являющаяся частью древнегреческого эпоса и представляющая собой ряд отдельных песен, объединенных вокруг песни о ссоре Ахилла с Агамемноном.

Но вместе с совершенно обоснованным сомнением в подлинности личности Гомера возникло и распространилось сомнение: является ли действительным историческим фактом война греков с троянцами и осада греками Трои и существовала ли Троя вообще. Троянская война, Агамемнон, Ахилл, Гектор, все другие герои были признаны нереальными личностями. Было лишь признано, что в поэмах Гомера частично отразился тот отрой греческого общества, который существовал в эпоху создания эпоса. Все «гомеровское» считалось «доисторическим».

Точная и исчерпывающая характеристика исторического и художественного значения Гомера была дана Карлом Марксом:

«...Трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца.

Мужчина не может снова превратиться в ребенка, если он становится ребячливым. Но разве не радуется его наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизводить свою истинную сущность. Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развивалось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки» (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XII, ч. I, стр. 202-203*).

Маркс образно определяет гомеровскую эпоху Греции как эпоху гармонического детства народа. Детства, но не младенчества!

Переводя образное выражение Маркса на конкретно исторический язык, Энгельс писал, что в «Илиаде» мы встречаемся «с наибольшим расцветом высшей ступени варварства» (*Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1933 г., стр. 48*). Только с этой точки зрения вообще возможно научно исследовать «гомеровскую» эпоху.

Шлиман верил в Гомера. Он не хотел допустить мысли, что гениальные поэмы, так потрясавшие его своей художественной правдой, были на самом деле мозаикой из ряда эпических песен, воспевавших вымышленные битвы, вымышленных героев, вымышленные города. Конечно, Шлиман в этом ошибался, но в основе его ошибки лежала вера в истинность и

доказуемость народного предания, вера в память народа. Эту веру не могли поколебать в Шлимане книги аккуратных немецких аналитиков и лекции скептических французских профессоров (*Исследователи гомеровского вопроса, подразделяющиеся на унитариев, считающих, что «Илиада» и «Одиссея» были созданы одним великим поэтом, и на аналитиков, полагающих, что каждая из этих поэм возникла из многих малых песен*).

В аудиториях Сорбонны и на ученых собраниях затевал Шлиман долгие споры. В особняке Шлимана на бульваре Сен-Мишель стали собираться историки, филологи, археологи. Бывал у него, между прочим, и Эрнест Ренан, прославленный ученый с натурой художника, великий скептик и грустный мечтатель, остроумец и философ. Ренану было интересно слушать этого чудаковатого миллионера, который так близко принимал к сердцу всякое сомнение в подлинности Гомера.

А миллионер между тем как губка впитывал знания и мысли окружавших его ученых, но не уступал своих убеждений. Он готовился начать великое дело - путешествие к истокам гомеровской поэзии.

Впрочем, до того он совершил еще одно кратковременное путешествие, опять в Америку. Оно было вызвано намечавшейся большой финансовой операцией, в которой он был заинтересован. Шлиман беседовал в Вашингтоне с рядом министров, был у президента Джонсона, пытался, правда безуспешно, встретиться в военном министерстве с генералом Грантом (*Улисс Симпсон Грант (1822-1885)-участник гражданской войны в Америке, президент США с 1869 по 1877 год*). Покончив с делами, он лично инспектировал состояние железной дороги, акционером которой являлся, много времени посвятил ознакомлению с американскими культурными учреждениями. Он побывал в нью-йоркских школах и с тех пор стал горячим поборником совместного обучения. Услышав песни негров, он записал в своем дневнике восторженный отзыв о негритянской поэзии. Ренану он написал письмо о работах американских эллинистов.

Перед отъездом из Америки ему вновь пришлось освежить в памяти кой-какие впечатления детства. По одному делу он заехал к прусскому послу в Вашингтоне фон Герольту. Тот его принял грубо и нелепо, как умеют принимать истинно немецкие аристократы людей нетитулованных. Оскорбленный Шлиман ушел. И не сдержался: перед отъездом в Европу написал фон Герольту издевательское письмо. Едва ли, впрочем, язвительные остроты Шлимана проникли в сознание прусского дипломата.

Американские школы заставили Шлимана с еще большей остротой задуматься о своих детях. Цену русским гимназиям он знал, особенно в соединении с воспитанием, которое давала детям Екатерина. В ряде писем он пытался уговорить жену переехать к нему в Париж, где дети могли бы учиться в первоклассных школах. Он соблазнял жену роскошно обставленным особняком, туалетами, экипажами.

«Ты будешь счастлива, я стал совсем парижанином, каждый вечер бываю в театрах или на лекциях знаменитейших профессоров мира и могу тебе рассказывать разные истории десять лет подряд - не заскучаешь...»

Нельзя упрекнуть Екатерину Шлиман за то, что она не променяла свою родину на Париж. Но для ее мужа это было причиной долгих мучительных переживаний. Очень не легко решился он на семейный разрыв, и не сразу этот разрыв осуществился.

Между тем приближался намеченный срок путешествия. Шлиман читал и перечитывал древних и новых авторов, писавших о Древней Греции и Гомере. Страбон и Плиний, Павсаний и Геродот были изучены вдоль и поперек.

Но главным источником и путеводителем оставался сам Гомер. По его указаниям, по смутным косвенным намекам старался Шлиман восстановиться во всех подробностях географию Древней Греции, уточнить места, где надлежало копать.

С Гомером в руках Шлиман покинул летом 1868 года Париж и отправился в Грецию, на Ионические острова. Мельком осмотрел он остров Корфу, пересек Кефаллинию, которая поразила его лишь нестерпимой грязью в харчевнях, и на рыбацкой лодке отправился через узкий морской пролив к гористой Итаке.

С чувством особой тревоги и ожидания вступил он на почву острова, имя которого было освящено Гомером. Здесь когда-то царил подобный богам Одиссей! И как велика была радость Шлимана, когда первый же встречный стал ему рассказывать о похождениях Одиссея!

Это был мельник из Вати (*Вати - главный город острова Итаки*), по имени Панагис Аспроераки, предложивший Шлиману подвезти багаж на осле. За полтора часа ходьбы от гавани Св. Спиридона до Вати Аспроераки успел рассказать содержание всех двадцати четырех песен «Одиссеи».

На вопрос, откуда он так хорошо знает гомеровскую поэму, Аспроераки ответил, что он не умеет ни писать, ни читать, но что рассказ об Одиссее передается у них в семье от отца к сыну с незапамятных времен.

Значит, жива традиция, не умерло предание на Итаке. А если память народа так живо хранит предание, нет сомнения, что земля сохранила еще больше доказательств подлинности Одиссея!

На следующее же утро, верхом на неоседланной кляче, в сопровождении какого-то местного гида, Шлиман отправился из Вати в горы. Раскрытый томик Гомера был в его руках.

Он уже был одержим. Он переселился в гомеровский мир. Каждый камень говорил с ним словами Гомера, каждая масличная ветвь шелестела

об Одиссее. Вот небольшая бухта у подножия скалы - и уже ясно ее имя, уже найдены строчки:

Пристань находится там, посвященная старцу морскому
Форку; ее образуют две длинные ветви крутого
Берега, скалами зубчатыми в море входящего...

«Одиссея», XIII, 96-98.

Дальше в этой песне говорится о гроте нимф Наяд. Конечно, вот расселина в скале, образующая вход в темное жилище нимф!

На вершине горы Аэт Шлиман наткнулся на остатки каменной стены. Может ли быть сомнение, что налицо руины дворца Одиссея?

Настолько ясным и убедительным все казалось Шлиману, что он искал знаменитую маслину, из пня которой Одиссей сделал себе кровать («Одиссея», XXIII, 190-204). Не найдя маслины, Шлиман обнаружил... трещины в скале, куда, по его убеждению, она пускала корни.

Ничто не могло бы уже опровергнуть страстной уверенности Шлимана, что он нашел подлинные гомеровские места. Даже очевидные несоответствия с описанием Гомера легко отбрасываются в сторону. Упомянутых в поэме дубов нет на Итаке? - Они вымерли. Вместо двух гомеровских бухт остров имеет лишь одну? - Это следствие землетрясения!

Вера, незыблемая вера в вещественность всего гомеровского двигателя Шлиманом, когда он с четырьмя крестьянами поднялся на вершину Аэта, чтобы сделать свой первый удар лопатой.

Крестьяне стали откапывать основание каменной стены «дворца Одиссея». Шлиман же, обнаружив странной формы камень, принялся освобождать его от земли большим ножом. Нож не шел. Шлиман велел взрыхлить почву киркой. При первом же ударе раздался легкий треск. Шлиман бросился на колени и руками разрыл окаменевшую пыль. Это была урна, глиняная урна чудесных очертаний, наполненная, несомненно, человеческим пеплом. Первый удар кирки вдребезги разбил первую находку.

Но Шлиман быстро утешился, когда на том же месте вслед за первой нашлись еще двадцать таких урн. С величайшей осторожностью откапывал он свои находки.

Теперь он чувствовал себя настоящим археологом! Он указал место, копал - и нашел. Нашел сразу, молниеносно, уверенно. Нашел в то время как другие археологи годами копались в земле и получали в награду какой-нибудь битый черепок. И все благодаря Гомеру - великому слепцу, вдохновленному богами, каждое слово которого было священной истиной.

Находка за находкой сами идут в руки Шлимана.

Находятся свиные закуты «божественного свинопаса» Эвмея и его дом. Находятся отдельно зарытые пять урн, которые, «вероятно», хранят пепел Одиссея, его жены Пенелопы и их детей. Мир Гомера окружает Шлимана, и уже дело доходит до смешного. Однажды он вошел во двор к какому-то крестьянину, чтобы напиться воды или купить винограду. Вдруг четыре огромных пса с лаем кинулись на пришельца. Они растерзали бы его. Но Шлиман мгновенно вспомнил, как в подобном случае поступил Одиссей:

Вдруг вдалеке Одиссея сидели злые собаки;
С лаем они на него побежали; к земле осторожно,
Видя опасность, присел Одиссей...

«Одиссея». XIV. 29-31.

Собаки не тронули сидящего. Как в поэме, на лай прибежал хозяин и освободил нового Одиссея.

Так Шлиман «вжился» в Гомера. Хитрые итакийцы быстро почуяли слабую струнку богатого туриста. Они рассказывали без конца различные предания, представляли своих жен под именем Пенелоп, а детей называли Телемахами и Одиссеями. Шлиман щедро платил за все рассказы, - впервые коммерческий «нюх» изменил ему.

В том же состоянии «одержимости» продолжал Шлиман свое путешествие по Греции. Он пересек Пелопоннес (*Пелопоннес - нынешняя Морея - южная часть Балканского полуострова*), осмотрел циклопические стены древнего Тиринфа, побывал на развалинах «златообильных» Микен - столицы Агамемнона.

Легенда гласила, что вернувшийся после Троянской войны Агамемнон был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгистом. Павсаний, греческий путешественник II века нашей эры, оставил указание о том, что пять гробниц, в которых похоронены Агамемнон, Эгист, Клитемнестра и другие, погибшие в этом кровавом пиру, находятся вблизи стен микенского акрополя. Все комментаторы Павсания не сомневались, что это означает: за стенами акрополя, в нижнем городе, там же, где сохранилась величественная подземная «сокровищница Атрея». Что заставило Шлимана иначе истолковать Слова древнего путешественника? Интуиция, или произвольное чтение неясного текста, или умение мастерски ориентироваться в местности? Во всяком случае, не вскопав еще ни вершка микенской земли, Шлиман уже был убежден, что гробницы, упомянутые Павсанием, находятся не вне, а внутри акрополя. Через восемь лет Шлиман пришел к убеждению, что подтвердил свою гениальную догадку теми великими открытиями, которые сделал в Микенах. И все же в конечном счете он оказался неправ!..

А пока что его путь лежал дальше - в Малую Азию к берегам Дарданелл, к священной земле Трояды.

* * *

Дарданелльский вопрос начался не с Милюкова (П. Н. Милюков (1859-1943) - глава дореволюционной буржуазной партии кадетов, министр иностранных дел во Временном правительстве в 1917 году. Требовал завоевать Босфор и Дарданеллы. Отсюда его прозвище «Дарданелльский») и даже не с времен Крымской войны, когда Турция и ее союзники - Англия и Франция - заперли русский флот в Черном море. Щит Олега на вратах Царьграда (Царьград - Константинополь, в древности называвшийся Византием) символизировал русский контроль над проливами, а стало быть, право свободной, без дани и пошлин, торговли черноморских купцов в Средиземном море. Это было открытием последнего этапа «пути из варяг, в греки».

Но и гораздо раньше Олега этот путь был предметом кровопролитных споров между народами. Вдоль южного побережья Черного моря шел на поиски «золотого руна» мифический корабль «Арго» из Греции в Колхиду, к черноморскому побережью Кавказа. По этому пути шли более 2500 лет тому назад греческие колонисты, основавшие свои города по всему побережью Черного моря и даже на берегу Азовского моря, в устье Дона.

Все этой оживленной международной торговлей и борьбой за захват плодородных земель Черноморья распоряжался тот кто владел проливами, соединяющими Черное море с Эгейским (морской путь был решающим потому, что небольшие и разрозненные греческие государства не могли организовать дальний сухопутный переход через горы и леса, через враждебные территории).

Но легендарная Троя лежала у берегов Геллеспонта (современные Дарданеллы), на северо-западном берегу Малой Азии, следовательно, она как бы охраняла выход из Эгейского моря в Черное.

Географическое положение Трои, пожалуй, объясняет воспетую Гомером жестокую десятилетнюю борьбу ахейцев с гораздо большим вероятно, чем легенда о похищении спартанской царицы Елены троянским царевичем Парисом. Но Шлиман искал не причин Троянской войны, он приехал в Трояду не проверять и критиковать Гомера, а подтверждать и доказывать.

Шлиман искал развалины Трои.

На этом пути он, впрочем, не был первым.

В 1588 году Пьетро Белони издал описание своей поездки по Греции, Азии, Иудее и Египту. Говоря о Трое, он локализовал ее на том месте, где Александр Македонский построил новый город, названный Александрией Тroadской, поблизости от возникшего впоследствии, во времена римского владычества, города Нового Илиона. Но никаких доказательств, кроме свидетельств древних авторов, у Белони, по существу, не было: к XVI веку даже от Нового Илиона на поверхности 4 земли осталось лишь несколько камней.

Скептический XVIII век потребовал доказательств и разумных доводов. Ученый француз Лешевалье, в 1785-1786 годах посетивший Малую Азию, выпустил ученый труд, озаглавленный «Путешествие в Троаду, или Картина местоположения Трои в ее современном состоянии». Книга имела успех, выдержала несколько изданий, была переведена на иностранные языки. Лешевалье, остроумно комбинируя данные топографии Троады, указания Гомера и свидетельства других древних авторов, пришел к убеждению, что гомеровская Троя лежит южнее Нового Илиона, на берегу речки Мендересу (которая считалась гомеровским Скамандром), - там, где теперь расположилась турецкая деревушка Бунарбаши.

Теория Лешевалье была принята и признана ученым миром и много раз повторена в сочинениях различных путешественников - и ученых и дилетантов. Даже будущий фельдмаршал Мольтке, в 1835-1839 годах выполнявший в Турции обязанности прусского дипломатического шпиона, заявил авторитетно, что с военной точки зрения трудно отыскать более удобное место для сооружения неприступной крепости.

Наконец, лет за пять до Шлимана в Троаде побывал австрийский консул в Дарданеллах археолог-любитель Ган. Покопавшись в земле и ничего не найдя, он пришел к выводу, что Троя вообще никогда не существовала, но Гомер, описывая ее, «имел перед глазами окрестности Бунарбаши».

Вывод Гана полностью соответствовал общему мнению о вымышленности «Илиады», убежденно основанному на вольфлахманской критике Гомера. Характерно, что при большом интересе историков и филологов к гомеровскому эпосу (за один только 1869 год, например, было издано девяносто работ по Гомеру) ученый мир с удовлетворением принял «успокаивающие» соображения Гана.

Но для Шлимана теория о вымышленности Трои была почти личным оскорблением.

* * *

Из Микен Шлиман поехал в Афины. Там он случайно встретился со своим бывшим учителем Феоклитом Вибосом. Молодой грек за эти десять лет успел сделать карьеру. Окончив духовную академию в Петербурге, он вернулся в Афины и уже был архиепископом Мантинеи и Кинурии. Кроме того, он преподавал в университете. Но это был все тот же Вибос - обходительный, необидчивый и готовый к услугам. Шлиман с удовольствием встречался с ним в течение недели, проведенной в Афинах.

Долго здесь задерживаться не имело смысла: Афины были чужды гомеровскому миру, город был моложе «Илиады», стало быть, неинтересен Шлиману.

Пароход доставил Шлимана в Константинополь, затем другой пароход - в Дарданеллы, дрянной городишко на берегу пролива. Порядочной лошади в

городе не было. Шлиман купил «Россинанта» без седла и уздечки, постелил на ее костлявую спину коврик и в сопровождении местного грека отправился в Бунарбаши.

Невысокие холмы, жалкая растительность, болота, издающие невыносимую вонь, худосочные ручейки, разливающиеся по зарослям осоки,- вот что такое Трояда. Миллионы лягушек неумолчно орут в болотах, аисты сотнями летают вокруг, высматривая лягушку пожирней. Кроме лягушек, в Троядских болотах водятся и ядовитые змеи.

Но Шлиману казалось, что он в раю. Каждый кустик здесь был священ, каждый холм помнил подвиги Ахиллеса, в каждом ручье поили коней «пышнопоножные» ратоборцы-ахейцы.

Изящные рисунки Флаксмана, в таком строгом и вместе с тем поэтическом стиле иллюстрировавшего Гомера, стояли перед глазами Шлимана. Воображение заслоняло видимый непривлекательный пейзаж, заслоняло землю, в которой нужно было искать остатки Трои.

И все-таки он нашел.

Доктор философии

Много ахейнок есть и в Гелладе, и в счастливой Ффии, Дщерей ахейских вельмож, и градов, и земель властелинов: Сердцу любую из них назову я супругою милой.
«Илиада». IX, 395-397.

В 1869 году одновременно в Париже и Лейпциге вышла книга, вызвавшая в ученом мире взрыв возмущенных насмешек. Все в ней возбуждало предупреждение, начиная с еретических утверждений, наполнявших каждую ее страницу, и кончая отсутствием ученого звания перед именем автора. Книга называлась: «Итака, Пелопоннес и Троя. Археологические исследования Генриха Шлимана».

Это был дневник путешествия, обильно наполненный различными учеными отступлениями и ссылками. Автор взял на себя задачу опровергнуть едва ли не все данные древнегреческой археологии. Он писал о Гомере, как о не подлежащем сомнению историческом лице. Каждая строчка Гомера была для него истиной. Казалось, он сам готов приносить жертвы древнегреческим богам: явные языческие легенды были для него действительностью, и без малейшего колебания он писал такие, Например, смехотворные вещи:

«Циклопы, несомненно, обитали на южном побережье Сицилии. Действительно, на берегу моря, возле Катании, можно видеть огромный грот и возле входа в него - мощный обломок скалы тех же размеров, что и отверстие. Неподалеку в море возвышаются две скалы. Это, конечно (!),

грот, - где жил Полифем, обломок скалы, которым он заваливал вход в свое жилище, и две скалы, которые он вырвал и швырнул в ту сторону, откуда донесся до него голос Одиссея («Одиссея», IX)».

Наивней и легковверней нельзя было быть. Между тем автор самоуверенно брался определять топографию упомянутых у Гомера островов и городов, доказывал, что все предыдущие ученые неправильно толковали Павсания и, наконец, что никаких развалин Трои возле Бунарбаши нет и быть не может.

По мнению автора, топография Бунарбаши не совпадает с указаниями Гомера. Прежде всего эта возвышенность слишком удалена от моря. Можно рассчитать, сколько времени понадобилось описанному в «Илиаде» гонцу, чтобы добежать от стен Трои до расположенного на берегу лагеря ахейян. Очевидно, за это время нельзя было пробежать больше четырех с половиной - пяти километров, а Бунарбаши гораздо дальше от берега.

Кроме того, Гомер говорит, что возле Трои было два подземных ключа - один горячий, а другой холодный. В окрестностях же Бунарбаши обнаружено больше сорока ключей, причем у всех одинаковая температура воды - семнадцать с половиной градусов.

Наконец, множество поисковых шурфов, заложенных в окрестностях Бунарбаши и ничего не давших, убедили автора, что в этом месте никогда не существовало крупного доисторического города, достойного имени Трои. Троя должна была находиться в другом месте. И автор это место называл.

Холм Гиссарлык как нельзя лучше соответствовал гомеровским данным. Он находился в пяти километрах от моря, являл собою естественное укрепление, перед ним расстилалось обширное пространство, несомненно бывшее полем сражения ахейян и троянцев. Самый холм расположен так, что Гектор, преследуемый быстроногим Ахиллом, легко мог обежать вокруг города, в то время как пересеченные окрестности Бунарбаши исключают возможность такого бега.

Для тех, кто еще сомневался, автор приводил результаты раскопок, сделанных американским вице-консулом в Дарданеллах Франком Кальвертом. Кальверту принадлежала небольшая часть Гиссарлыка (владельцами большей половины холма были два турка). В поисках каких-нибудь ценных древностей Кальверт стал рыть на откосе холма и наткнулся на большую каменную стену. Встретившись со Шлиманом, Кальверт высказал предположение, что Троя в действительности находилась на Гиссарлыке. Но Шлимана уже не нужно было убеждать в этом: для него вопрос был решен, тем более что древняя традиция подтверждала эту теорию.

Согласно преданию Александр Македонский посетил Трою во время своего персидского похода. Найдя город в развалинах, он приказал своему

наместнику Лисимаху восстановить город во всем его великолепии. Через несколько столетий римляне вновь отстроили город, назвав его Новый Илион.

Шлиман нашел на поверхности холма следы строений и усмотрел в них доказательство того, что именно на Гиссарлыке был построен Новый Илион. Но нужно было еще доказать, во-первых, что и город Лисимаха находился тут же и, во-вторых, что Александр не ошибся и отстроил город действительно на месте древней Трои. Кусок стены, найденный Кальвертом, был доказательством первого. Второй тезис можно было доказать, срыв до основания весь холм, в котором, несомненно, погребены руины священной Трои гомеровской эпохи.

В книге Шлимана перечислялись авторы, с которыми он не был согласен в установлении места Трои. Список начинается со Страбона и Димитрия из Скепсиса и кончается современными исследователями - Ганом, Фоурхгаммером и Николаиди.

Интересно, что большая часть выступлений против книги Шлимана содержала не критику его утверждений, а насмешки над его слепой верой в Гомера, в предание, в вещественность легенд. Высмеивали его самонадеянное «я»: вся книга подчеркнута написана от собственного имени. Высмеивали его детское увлечение сказками. Он спал в Троаде на сырой земле, подложив под голову томик Гомера, потому что это была гомеровская земля. Он пил воду из невыносимо грязной болотистой речонки Мендересу, потому что это был гомеровский Скамандр.

В довершение всего к книге было приложено довольно напыщенное предисловие на десяти страницах, где автор вкратце рассказывал свою биографию - от детского увлечения рассказами о Гомере до благородного решения посвятить остаток своих дней археологическим исследованиям.

Шлиман заранее знал, что его книгу ожидает враждебный прием. Во всех солидных университетах над нею будут смеяться. Не оставалось ничего другого, как обратиться в Росток. Древний, но впавший в нищету и бесславие Ростокский университет едва ли будет так придиричив.

Расчет оказался верным. В Ростоке прочитали книгу, прочитали автобиографию Шлимана, написанную по-древнегречески, не поверили ни одному слову относительно существования Трои, но присудили автору степень доктора философии «в знак признания его трудов на археологическом и топографическом поприще».

Больше Шлиману ничего не нужно было: не для того он посылал книгу в Росток, чтобы убедить в своей правоте университетского референта профессора Бахмана, а чтобы иметь возможность в будущем говорить с профессиональными учеными как равный с равными.

«Господин доктор Шлиман» - это уже звучало солидней, чем «Анри Шлиман из Санкт-Петербурга».

Чтобы окончательно порвать с прошлым, оставалось развестись с женой.

Это было неизбежно. Пятнадцать лет он был связан с женщиной, и оба остались взаимно чужими. Дети росли недоучками - маменькины дети. Отца они не любили. Екатерина не хотела уезжать из Петербурга. Шлиману же там нечего было делать.

Но развод был труден. Екатерина не хотела и слышать о нем. Оснований для церковного развода не было. Гражданского развода в России не существовало.

Тогда Шлиман вспомнил, что он гражданин Соединенных Штатов Америки. Это был выход.

Перед отъездом в Америку он написал письмо в Афины, Вибосу - поразительный образец чисто шлиманской восторженной откровенности, детской хитрости, деловитости и беспомощной наивности. Вот это письмо, отправленное из Парижа в феврале 1869 года:

«Дорогой друг, посылаю вам мою книгу «Итака, Пелопоннес и Троя». Прошу вас, дайте переплести, затем оставьте себе один экземпляр, а другой передайте в университет. Посылаю вам стофранковый чек на Париж, чтобы заплатить переплетчику. Что останется, раздайте беднякам моего возлюбленного города Афин.

Дорогой друг, не могу передать, как я люблю ваш город и его обитателей. Клянусь вам памятью моей матери, все мои думы направлены на то, чтобы сделать счастливой мою будущую супругу. Клянусь вам, она никогда не будет иметь повода для жалобы, я буду ее носить на руках, если она будет добра и исполнена любви. Здесь я постоянно вращаюсь в обществе умных и красивых женщин, которые охотно проявили бы ко мне расположение, если бы знали, что я думаю о разводе. Но, мой друг, плоть слаба, и я боюсь влюбиться в француженку и снова стать несчастным. Поэтому я прошу вас к вашему ответу приложить портрет какой-нибудь красивой гречанки. Можете купить его у фотографа. Этот портрет я буду постоянно носить в бумажнике и этим защищать себя от опасности жениться на ком-либо, кроме гречанки. Но если вы пошлете мне портрет девушки, которую выбрали мне в жены, - тем лучше!

Я заклинаю вас: найдите мне жену с таким ровным, ангельским характером, как у вашей замужней сестры. Пусть она будет бедна, но образованней, она должна быть воодушевлена Гомером и возрождением моей любимой Греции. Безразлично, знает ли она иностранные языки. Но она должна быть греческого типа, с черными волосами, и по возможности красива. Но мое главное условие - доброе и любящее сердце! Может быть,

вы знаете какую-нибудь сироту, например, дочь ученого, вынужденную служить гувернанткой, которая бы обладала этими добродетелями?

Мой друг, я открываю вам свое сердце, как на исповеди. У меня нет никого на свете, кому я мог бы доверить тайны моей души.

Вместо ста посылаю вам двести франков, заплатите за переплет и раздайте оставшиеся бедным».

Итак, вот в чем смысл задуманного развода: не просто освободиться от связывающего брака, но жениться на гречанке! Интернационалист по самой своей сути, путешественник, полиглот, с необычайной легкостью акклиматизирующийся в разных странах, он хотел жениться только на гречанке, потому что в Греции он нашел свое великое увлечение, смысл и содержание своей жизни.

Он не мог изучать Гомера аналитически, «со стороны». Он уже чувствовал себя греком, гомеровский мир должен был окружать его в ненарушимой гармонии. Любая греческая девушка может стать его Пенелопой, если разделит с ним любовь к Гомеру и Греции. Поэтому он спокойно доверил деловитому и услужливому архиепископу выбор невесты.

Архиепископ решил оправдать ожидания и устроить дело ко всеобщей выгоде. Его двоюродная сестра, чьими достоинствами так восхищался Шлиман, была замужем за небогатым лавочником Кастроменосом. В семье были три дочери, все на выданье. Собрался семейный совет. Девушкам устроили смотр. Выбор пал на младшую. Она, несомненно, была самой красивой и умной. Несмотря на свои шестнадцать лет, она уже готовилась сдать экзамен на учительницу начальной школы. Ее звали Софьей - хорошее имя, означающее по-гречески «мудрость».

Много хлопот доставило путешествие к фотографу. У Софьи не было хорошего платья. Пришлось надеть платье старшей сестры, не по росту длинное. Кое-как платье подкололи, затянули, и девушка неподвижно выстояла несколько минут перед фотоаппаратом. Лицо получилось напряженное, улыбка не вышла, но Вибос был доволен. Он раздобыл несколько фотографий самых уродливых афинских девиц и послал их Шлиману вместе с портретом племянницы. Мог ли кто-нибудь колебаться в выборе? Шлиман получил эту необычайную коллекцию уже в Америке, в Индианополисе. Увидев портрет Софьи, он с отвращением выкинул все остальные карточки.

Вспомнил ли он старую бродячую сказку о принце, который влюбился в портрет таинственной незнакомки? Пересняв с фотографии двенадцать копий, он одну послал Дорис в письме, где сообщил о своем твердом намерении жениться на Софье Кастроменос.

Но сначала нужно было покончить с первым браком. Как Шлиман и рассчитывал, в Америке это оказалось нетрудно. Адвокаты быстро оформили развод - вызов второй стороны не понадобился.

В августе 1869 года Шлиман уже вернулся в Афины и немедленно отправился в гости к своей нареченной.

Вначале он испугался: ему навстречу высыпала вся многочисленная семья Кастроменос - какие-то тетки, дяди, кузины. Все жали ему руки, усаживали, смотрели в глаза. На столе стояло лучшее вино, какое только можно было достать.

Невеста смотрела дичком, но крепилась и заставляла себя отвечать на вопросы.

А вопросы были испытующие:

- Хотелось бы вам совершить длительное путешествие?
- Вы не помните, когда император Адриан посетил Афины?
- Что вы знаете наизусть из Гомера?

Софья прочитала несколько строк. Ее забавлял и немножко пугал нареченный жених. Невысок, худощав, немолод, подтянут. Миллионер. И, кажется, добрый человек, хотя и со странностями. Лучше было выйти замуж за него, чем за какого-нибудь полуграмотного мануфактурного торговца из числа приятелей отца.

Но Шлиман хотел, чтобы его любили. Через несколько дней, сидя с Софьей в саду, он спросил напрямик:

- Почему вы хотите выйти за меня замуж?

Софья пристально посмотрела на жениха. Лгать она не умела.

- Потому что... родители говорят, что вы богач.

Чего мог Шлиман ожидать, задавая свой вопрос? И все-таки он почувствовал себя тяжело удрученным. Он встал и ушел. Снова деньги стояли у него на пути. В молодости у него не хватило денег, чтобы купить свое счастье с Минной. Теперь он мог получить счастье, но тоже только за деньги. Сам он, независимо от денег, ничего не стоил для этой глазастой девочки с черными косами.

В тот же день посыльный принес ей письмо:

Меня очень расстроило, дорогая Софья, что вы, образованная девушка, дали мне такой рабский ответ. Я честный, простой человек. И если я хотел на вас жениться, то затем, чтобы вместе заниматься раскопками, вместе упиваться Гомером. Послезавтра я уезжаю в Неаполь, и, вероятно, мы

никогда больше не увидимся. Но если когда-нибудь вам понадобится друг, вспомните и обратитесь к вашему преданному

Генриху Шлиману Dr. philiosophiae, Place St. Michel 6, Paris.

Письмо это вызвало страшный переполох. Немедленно собрался семейный совет. Папаша Кастроменос, человек геркулесовского сложения, сгоряча едва не отвесил дочке пощечину. Софья тихо плакала. Родственники предлагали десятки способов вернуть утерянного жениха, вплоть до похищения. Наконец остановились на том, что надо написать письмо. Сбегали в лавочку, купили пачку почтовой бумаги. Под диктовку дяди Софья писала, и искренние слезы падали на бумагу.

«Дорогой Генрих! Мне грустно, что вы уезжаете. Не сердитесь на ответ, который я вам дала сегодня утром. Я думала, что молодая девушка не должна была ответить иначе. Я и мои родители будем рады, если вы завтра снова к нам придете».

Второпях с письмом сунули в конверт всю купленную чистую бумагу, запечатали и отнесли в гостиницу.

Шлиман не уехал. Несколько дней он провел в колебаниях. И, наконец, написал Софье несколько слов. Она ответила - опять под диктовку дяди. Через несколько дней Шлиман согласился на встречу. Софья была бледна и сдержанна - гораздо сдержанней, чем ее письма. Но рассказы о Трое слушала по-прежнему с интересом....

Осенью Генрих и Софья Шлиман уехали в свадебное путешествие по Европе. Собственно говоря, это была одна бесконечная экскурсия по музеям. Шлиман водил молодую жену от картины к картине, от статуи к статуе, вкладывая в свои объяснения все знания, почерпнутые из книг и лекций сорбонских профессоров. Бывали курьезы. Однажды в галерее Мюнхенского дворца они увидели портрет Какой-то дамы в греческом национальном головном уборе. На следующий день Шлиман заставил Софью надеть такой же убор и притащил ее в галерею, чтобы все посетители наглядно убедились, насколько фрау Шлиман красивой дамы на портрете. Софья простояла минуту у картины, расплакалась и убежала.

Зиму они провели в Париже. Снова в гостиной на Place St. Michel стало собираться избранное общество - ученые, художники, путешественники. Гостей принимал хозяин, Софья лишь смиренно улыбалась всем и молчала. Она не умела говорить по-французски, ей было скучно. Всем парижским развлечениям она в душе предпочитала цирк и гастроли знаменитого фокусника Гудена. Она познакомилась с двумя молодыми гречанками, которые приходили к ней по утрам, когда Шлиман работал у себя в кабинете. Молодые женщины тайком играли в куклы.

Но Шлиман твердо решил сделать свою жену образованной женщиной, достойной своего мужа. Конечно, нужно было начать с языков. Софье

пришлось засесть за французские, а затем немецкие книги. Метод преподавания остался неизменным, и он вновь дал блестящие результаты: Софья в несколько месяцев овладела обоими языками. Зато она сильно похудела, и весной врачи посоветовали ей вернуться в Афины.

С мекленбургскими родными Шлиман по-прежнему изредка переписывался. Однажды он получил телеграмму о том, что умер отец.

Несколько дней Шлиман не мог заставить себя приняться за работу. Сорокалетней давности воспоминания одолели его...

Эрнст Шлиман прожил завидно долгую жизнь: он умер в девяностолетнем возрасте.

Но Шлиман не променял бы своей торопливой жизни, своего беспрестанного труда, своих бесконечных путешествий на мирное и долгое существование деревенского пастора-расстриги.

В эту зиму Шлиман много учился. Он все больше углублялся в историю и литературу Древней Греции, готовясь к раскопкам в Трое. Одновременно он стал бомбардировать письмами турецкого министра публичных работ Сафдет-пашу: нужно было получить разрешение на раскопки. Письма были написаны по-турецки - за эту зиму Шлиман успел научиться турецкому языку.

Настоящие хлопоты начались весной. Обеспокоенный неопределенными ответами Сафдет-паши, Шлиман поехал в Константинополь. Оказалось, что министр просвещения не имел ни малейшего представления ни о Гомере, ни о его поэмах. Шлиман принялся горячо рассказывать, объяснять и убеждать. Из всех объяснений Сафдет-паша понял только, что этому богатому чудаку обязательно хочется раскопать какой-то холм в Дарданеллах.

Турки из Кум-кале, владельцы Гиссарлыка, долго не хотели продавать свой участок, бесконечно оттягивали, повышали цену. Когда Шлиман был уже готов заплатить за Гиссарлык запрошенную сумму, вдруг выяснилось, что холм куплен за гроши... самим Сафдет-пашой. Министр предложил Шлиману копать на Гиссарлыке с условием, что половина найденного будет принадлежать ему, Сафдет-паше. Разъяренный археолог отказался наотрез.

Но первые пробные раскопки уже были начаты во время переговоров в апреле 1870 года; в северо-восточном откосе холма Шлиман обнаружил остатки огромной каменной стены в шесть с половиной футов (*Почти два метра*) толщиной. Было безумием бросать начатое. Шлиман пустил в ход свои связи. Американский посол в Константинополе хлопотал о султанском фирмане (*Фирмам - указ султана (или шаха)*) для Шлимана. Сафдет-паша всячески старался настоять на своем.

Неожиданные события вдруг заставили Шлимана оторваться от троянских раскопок. Началась франко-прусская война. Дипломаты и министры занялись более важными делами, чем хлопоты об археологических изысканиях на месте древней Трои.

Отношение Шлимана к прусскому вторжению во Францию и к политическому положению внутри страны достаточно ясно видно из следующей записи в его дневнике:

«Гарибальди с черной неблагодарностью отослан потому, что, несомненно, только он завоевывал прусские знамена и готовил пруссакам поражение. Мы, наверное, снова получим монархию, окажемся под орлеанцем, Луи-Филиппом II (*Луи-Филипп (из младшей, так называемой орлеанской, ветви династии Бурбонов)*) - король Франции с 1830 по 1848 год. Вступил на престол в результате половинчатой, революции 1830 года. Шлиман намекает на возможность незавершенной революции во Франции и в 1871 году), потому что демократия была бы для такой отсталой страны слишком большим счастьем.

Совершенно очевидно, что эти гневные и иронические строки направлены не против «отсталой страны», а против тех, кто стоял у власти и вел Францию к поражению и попытке реставрации. Эти строки были написаны в начале февраля 1871 года, за полтора месяца до великого взрыва народного гнева, до Парижской коммуны. Потрясенный варварством пруссаков, потрясенный героизмом французского народа, боровшегося против иностранных интервентов, Шлиман с болью чувствовал, что из своего «прекрасного далека» ничем не может помочь ни осажденному Парижу, ни... своей библиотеке оставшейся там. И тогда он решил лично пробраться в Париж. Объявленным в это время перемирием воспользоваться не уда лось, и снова, как при путешествии в Мекку, Шлиман предпринимает бесстрашную авантюру, которая могла ему стоить головы. Вот как он описывает этот эпизод в письме, посланном из Парижа 14 марта 1871 года, за четыре дня до Коммуны: «Между Бисмарком и Жюлем Фавром заключено соглашение о том, что до прекращения перемирия никто не будет пропущен в Париж. Однако в моем пылком нетерпении я воспользовался пропуском почтмейстера Шарля Клейна из Ланьи и надел его форму. К несчастью, этому добряку только тридцать лет, что дважды отмечено в его документе. С большой опасностью пришлось мне пройти две саксонские и одну прусскую заставы, где везде был записан мой фальшивый паспорт и я был с ног до головы обыскан. Если бы они открыли обман, меня без долгих разговоров арестовали бы и расстреляли. Но мое самообладание меня спасло; каждого солдата я титуловал «господин полковник» и каждого лейтенанта «господин генерал», и каждый раз мне удавалось так ослепить этих чудаков высоким титулом, что они с глубокими поклонами объявляли: «Все в порядке, г. почтмейстер!»

Пока я пробирался через германскую линию фронта, я забыл обо всем. Я вспомнил о своем доме, лишь когда минова ла смертельная опасность, и,

дрожа от страха, приблизился к моему жилищу и расположенному напротив принадлежащему мне дому на бульваре Сен-Мишель, 5. Дважды до того я останавливался на улице, чтобы справиться об их судьбе, и оба раза мне отвечали, что вся эта часть города разрушена. Когда я, наконец, добрался и нашел все неэредимым, радость моя была совершенно неопишима, и я целовал свою библиотеку, как целовал бы воскресшего от смерти любимого ребенка. Три остальных моих дома тоже не пострадали от германских бомб».

Библиотека была, к счастью, невредима. Но что Шлиман мог сделать для осажденного Парижа? Он отдал распоряжение: до конца войны не брать квартирной платы с жильцов принадлежавших ему домов... Но эта помощь была каплей в море.

В нашем распоряжении нет документов, прямо свидетельствующих об отношении Шлимана к Парижской коммуне (*Все упоминания и высказывания об этом периоде тщательно вытравлены из изданного в 1936 году в Берлине, уже при власти гитлеровских фашистов, тома его избранных писем - лучшее доказательство тому, что ничего реакционного в этих высказываниях нет*). Вероятней всего, он был напуган. Крупный буржуа по своему общественному положению, он, естественно, тяготел больше к «демократии» американского типа, чем к героической борьбе пролетариата за подлинную власть трудящегося народа. Шлиман был человек «из низов». Он на своей спине, испытал в молодости тяжесть бесправия и эксплуатации. Но его личный «успех в жизни» связал его с другим классом. Он навсегда остался чуждым активной политической деятельности.

Летом 1871 года, когда пала Коммуна, мы застаем его снова в «троянских» хлопотах - то в Афинах, то в Константинополе. Наконец в сентябре министру-резиденту Соединенных Штатов в Константинополе Мак-Вигу и драгоману американского посольства Дж. П. Броуну удалось выхлопотать султанский фирман. Можно было начинать раскопки.

Шлиман давно уже уговаривал Софью поехать с ним вместе в Трою. Из осажденного Парижа он писал ей об этом в Афины:

«Ведь ты более фанатично, чем я, увлечена Троей... Несомненно, тебе доставит величайшее удовольствие написать о наших раскопках книгу по-гречески и выпустить ее в свет под твоим именем, чтобы увековечить Софью Шлиман... Там страшно жарко, мы будем жить в палатке. Ранним утром мы будем купаться в Скамандре, целебные воды которого тебе принесут больше пользы, чем морские купания в Пирее...»

К счастью для своего здоровья, Софья Шлиман не спешила воспользоваться «целебными водами» Скамандра: она ждала первого ребенка. Имя его уже было заранее известно: Одиссей. В мае Софья родила... девочку. Шлиман не растерялся. Дочь была названа Андромахой в честь доблестной супруги Гектора.

Была ли Софья в действительности так глубоко увлечена Гомером и Троей? Скорее, на первых порах она больше заботилась о том, чтобы не внести диссонанса в благородные устремления своего мужа. Во всяком случае, было подвигом с ее стороны, что 27 сентября она вместе с Генрихом Шлиманом высадилась на дарданелльский берег, оставив четырехмесячную дочь в Афинах на попечении кормилицы.

Великий труд предстоял Генриху и Софье Шлиман - труд восстановления гомеровской эпохи, труд возрождения древнего города, его культуры, искусства и истории.

Город в земле

Но забудут (про стену), которую я с Аполлоном
Около града царю Лаомедону создал, томяся!
«Илиада», VII, 452-453.

Еще никогда археолог не ставил перед собой столь грандиозной задачи. Шлиман в своем восторженном дилетантизме вначале хотел просто снести весь холм, несомненно состоявший почти целиком из так называемых «культурных наслоений», и докопаться до «материка», то есть до почвы, на которой был построен первый троянский дом.

Осуществление этой задачи требовало много денег, много рабочих и, самое главное, много терпения.

Терпения у Шлимана не было. В наше время при раскопках курганов археологи осторожно, слой за слоем, снимают землю, просеивают ее, отбирая каждую бусинку, каждый черепок. Но если бы Шлиман применил подобный метод к Трое, открытие города отодвинулось бы на много лет. Он же хотел немедленно иметь общую картину города, чтобы представить веские и неопровержимые доказательства правильности гипотезы, выдвинутой им столь самоуверенно.

Турецкая администрация в Дарданеллах, несмотря на фирман, продолжала, в чаянии бакшиша, чинить формальные препятствия раскопкам. Но Шлиман не дал ни копейки, забрасывал Константинополь истерическими телеграммами и, наконец, при содействии того же Дж. П. Броуна получил возможность начать работу. 10 октября Шлиман и его жена в сопровождении приставленного к ним надзирателя отправились из Дарданелл в Троаду. Надзиратель этот, чиновник судебной канцелярии Саркис, получал двойное жалованье: Шлиман был обязан платить ему по 23 пиастра в день.

Супруги Шлиман поселились в деревне Хыблак, в двух километрах от Гиссарлыка, и стали набирать рабочих. Прослышав о «кладоискателе», рассчитывая кой-чем из найденного поживиться, к Шлиману стали стекаться не только крестьяне из окрестных деревень, но и разные

бродячие, деклассированные люди из числа любителей легкой наживы. В своем гомеровском экстазе Шлиман готов был видеть в каждом из них потомка ГеКтора и принимал всех без разбору.

Место для первой разведки было намечено давно - откос на северо-западном краю Гиссарлыка. Отсюда Шлиман повел раскоп в глубь холма. Уже в первые дни явственно обнаружались остатки зданий, сложенных из гладко обтесанных, плотно пригнанных камней. Присмотревшись, Шлиман пришел к убеждению, что перед ним руины позднего поселения, Нового Илиона. Они не представляли для него интереса.

Трудней стало, когда ниже обнажилась стена хорошо сохранившегося здания. Оно тоже, очевидно, принадлежало к позднему времени, а по найденным на камнях надписям Шлиман предположил, что здесь находился булевтерий, или местный сенат. Стена была крепкая, видна была умелая, тщательная работа. Но эта «молодая» (не старше двух тысяч лет) стена стояла на пути к гомеровской Трое, и Шлиман велел ее проломить и разобрать, даже не потрудившись точно измерить и зарисовать ее.

Под проломленной стеной начался странный, «нищий» слой. На двухсаженную глубину зарылся Шлиман, а находил лишь какие-то жалкие стенки, камни, назначения которых он не был в состоянии определить, и глиняные изделия - необожженные, грубо сформованные от руки. Казалось, с каждым вершком все меньше и меньше предметов, все более тощей становится почва. Шлиман мрачнел, Софья нервничала. И вдруг под «нищим» слоем начались находки! Каждый день рабочие откапывали множество странных изделий из глины, каменные круги (очевидно, жернова), стены из грубо сложенных камней, слепленных глиной.

Неужели Троя?

Он копал дальше. На глубине от двадцати до тридцати футов от поверхности холма открылись новые стены - на этот раз сложенные из полубоженных или сушеных на солнце кирпичей. Наконец между тридцатым и тридцать третьим футом глубины рабочие наткнулись на новую стену из полубоженных камней и на разбросанные в беспорядке огромные каменные блоки. Казалось, это была стена, разрушенная землетрясением.

И все. Никаких надписей, ничего такого, что дало бы возможность определить время постройки стен. К какой эпохе отнести эти стены? Где доказательства, что это - Троя Гомера? И, наконец, почему их тут так много - стена над стеной, стена над стеной?

Сплошные загадки, неясности, неопределенности толпились вокруг Шлимана, И разобраться в них он не умел.

Керамика - наиболее характерный материал для выводов. По ее особенностям археолог с несомненностью датирует открытое им поселение или могилу. Но найденные Шлиманом вазы и другие предметы были явно не греческими: они принадлежали к какому-то «варварскому» типу.

Обычный ученый-археолог хранил бы все эти вопросы и недоумения про себя до поры до времени. Шлиман не мог так поступить: он горел нетерпением рассказать всему миру, что Гиссарлык действительно оказался археологическим раем, сверху донизу набитым памятниками старины. Ряд подробных отчетов и писем был послан в «Аугсбургер альгемейне цейтунг». Первые отчеты там действительно были напечатаны. Но вскоре редакция прекратила печатание и даже не отвечала на письма. Это была еще одна пощечина от бывшей «родины». Шлиман не удивился: он знал, какую ненависть возбудил в касте гелертеров (*Гелертер (нем.) - ученый, оторванный от жизни*) к себе и к своим смелым поискам. Дальнейшие отчеты он посылал в «Таймс» (*«Таймс» (англ.) - солидная консервативная лондонская газета*). Англичане живо заинтересовались работой Шлимана, все его письма газета аккуратно печатала. Завязалась переписка с рядом видных английских ученых. Но не только на ученых рассчитывал Шлиман: он последовательно описывал ход раскопок в надежде привлечь к гомеровской проблеме широкое общественное внимание.

- Действительно, многие заинтересовались раскопками Трои. Шлиман стал получать десятки писем - не только насмешливых, но и благожелательных. Какой-то провинциальный немецкий юстицрат (*Юстицрат (нем.) - советник юстиции*), господин Плато, в пространным письме выразил даже свое восхищение. Шлиман ответил ему краткими словами признательности. Обрадованный юстицрат забросал Шлимана письмами, в которых давал советы и предлагал услуги. В одном письме Плато спрашивал, не нуждается ли господин доктор в греческом словаре, чтобы облегчить себе чтение Гомера в подлиннике. Шлимай вежливо ответил, что Гомера читает без словаря и не ложится в постель, не прочитав двухсот-трехсот строк из «Илиады». Но были вопросы и серьезней. В частности, Плато советовал после Трои начать раскопки Олимпии, поскольку там можно рассчитывать на интересные находки.

Олимпия, священное место греков, находится в Элиде, в западной части Пелопоннеса. Здесь было сосредоточено много храмов, происходили знаменитые олимпийские народные игры (отсюда слово «олимпиада»). Еще в 1767 году великий Винкельман писал о необходимости произвести здесь раскопки: «Я убежден, что добыча превзойдет всякие возможные представления и что посредством точных раскопок будет пролито много света в области искусства». Много раз пытались различные ученые и любители старины начать эти раскопки. Некий немецкий князь Пюклер-Мускау даже хотел купить Олимпию, чтобы перестроить храм в виллу и украсить ее статуями, выкопанными из земли. К счастью для искусства и науки, эта варварская затея не осуществилась. В 1853 году археолог Эрнст Курциус стал добиваться возможности произвести эти раскопки, но

безуспешно. Объявленная Л. Россом общественная подписка на сбор средств для раскопок дала смехотворную сумму в 262 талера...

Идея осуществления раскопок Олимпии давно привлекала Шлимана. Но он ответил Плато:

«Об окрестностях Олимпии я сейчас, к сожалению, не могу думать, потому что сначала я должен благополучно закончить раскопки Трои, и невозможно предсказать, как долго еще мне придется там работать... Я хочу и обязан прежде всего вернуть Греции венец ее славы».

В конце ноября Шлиман покинул Гиссарлык. Наступила зима, продолжать раскопки было невозможно.

В течение зимы Шлиман усиленно готовился к новой троянской кампании. Старый знакомый, лондонский купец Шредер, получил заказ на поставку большой партии первоклассного инструмента - кирок, лопат и вагонеток. Были наняты не только десятники, но и архитектор-инженер француз Лоран.

В конце марта 1872 года Шлиман с женой были уже на месте. Первым долгом сколотили на вершине Гиссарлыка несколько деревянных барачков: кладовую, кухню и жилище для Шлимана. Таким образом отпала необходимость ютиться в Хыблаке и каждый день возвращаться туда на ночевку. Число рабочих было доведено вначале до ста, а потом до ста пятидесяти человек.

В помощники себе Шлиман пригласил отца Софьи. В письме к знакомому Шлиман откровенно объясняет, почему его выбор пал на почтенного господина Кастроменоса: «Он - геркулес и очень годится для командования... Ничто так не заставляет себя уважать, как физическая сила, и мой тесть, тем более что он грек, будет считаться там величайшим археологом на свете».

Организационный размах раскопок на этот раз уже соответствовал серьезности поставленного задания. Шлиман решил прорезать широкой траншеей весь холм с севера на юг.

Сейчас сама эта идея кажется кощунственной всякому, кто что-нибудь смыслит в археологии. Если разведочные траншеи еще допустимы при обследовании какого-нибудь могильного кургана, то уж никак нельзя вскрывать целый город, «на вырез», словно арбуз. За двадцать лет до Шлимана, при исследовании ассирийских городов, Лэйард пользовался подземными траншеями - туннелями, которые не грозили гибелью вышележащим пластам. Но Шлиману нужно было возродить стены Трои под солнцем, он хотел сразу охватить взглядом священный город и показать его своим потрясенным современникам.

Поэтому траншея была задумана гигантская: в семьдесят метров шириной и глубиной в шестнадцать - восемнадцать метров, то есть от вершины почти до материковой скалы. Начали рыть с севера.

Первой находкой было... змеиное гнездо. Десятки встревоженных змей выползли из своих нор. Среди змей были так называемые антелии - маленькие, коричневые, не толще дождевого червя. Рабочие говорили, что укушенный антелией не доживает до захода солнца, но тем не менее довольно храбро топтали змей ногами и даже хватали руками. Однажды антелия укусила рабочего. Шлиман испугался, но рабочий, смеясь, успокоил его:

- Мы знали, что здесь водятся змеи, и заранее выпили отвара из «змеиной травы», которая растет на болоте. Теперь нам никакие укусы не страшны.

Вечером в дневнике Шлимана появилась следующая неподражаемая запись: «Я попросил принести мне этого отвара, чтобы тоже стать неуязвимым. Но мне очень хотелось бы знать, может ли «змеиная трава» сделать безвредным укус очковой кобры, от которого в Индии на моих глазах человек умер в течение получаса. В таком случае можно устроить недурную спекуляцию, занявшись разведением «змеиной травы» в Индии...» Рабочие не принесли Шлиману «змеиной травы».

Вслед за змеями начались настоящие находки. Траншея вскрыла на большой глубине остатки стен, сложенных из грубо обтесанного известнякового камня. Над этими стенами находились другие, из камней покрупнее, отличавшихся более тщательной обработкой. Но нигде не было ни следа пожара - того страшного пожара, который уничтожил Трою Приама. Глиняные черепки и предметы здесь также находились в изобилии, но они решительно отличались по стилю от тех, которые были найдены, в прошлом году. Мало того, в разных слоях черепки были разные, и это указывало на то, что они принадлежат к разным эпохам. Все больше усложнялась задача, и все жарче становилось нетерпение Шлимана. Траншея продвигалась вперед слишком медленно, гомеровская Троя еще не была вскрыта.

Шлиман начал рыть встречную траншею с юга. Она вскоре наткнулась на мощную стену, тщательно сложенную из обтесанных камней. Можно было думать, что это - бастион стены Лисимаха, которая относилась к «историческому» периоду, не имела отношения к Гомеру и должна быть разрушена, чтобы не мешать движению вперед. Так же, к сожалению, были снесены стены доисторического здания из камней, слепленных глиной, найденные на трехсаженной глубине: они относились к четвертому снизу, не гомеровскому слою. Пострадали и некоторые другие сооружения. Но главная цель осуществлялась: обе траншеи неудержимо стремились на соединение.

В это же время Шлиман получил разрешение начать раскопки в северо-восточном углу холма, принадлежавшем Франку Кальверту. Уже первые дни принесли поразительную находку. Среди огромного числа обломков дорических колонн была найдена чудесная мраморная метопа с изображением солнечного бога Гелиоса (*Гелиос - в древнейшей греческой мифологии - бог солнца, впоследствии отождествленный греками с Фебом-Аполлоном - богом искусств и прорицания*) на колеснице, запряженной четырьмя конями. Эта великолепная скульптура была несомненным шедевром греческого гения эпохи расцвета. Шлиман пришел к убеждению, что в позднегреческую эпоху здесь находился храм Аполлона, впоследствии настолько разрушенный, что от него не осталось камня на камне.

На значительной глубине под храмом вновь были найдены стены. Одна - циклопической кладки, из гигантских каменных блоков, щели между которыми были заложены более мелкими камнями. Шлиман признал ее принадлежащей ко второму сверху, предпоследнему городу. Рядом была другая стена, загадочная: она поднималась не вертикально, а с наклоном в 45 градусов. Можно было предположить, что она предназначалась для укрепления откоса горы. Относительно ее датировки Шлиман колебался. В обстоятельном письме он поделился своими сомнениями с английским профессором Сейсом (*Сейс Арчибальд Гёнри (1846-1933) - английский языковед и археолог. В 1874 году доказал существование хеттского царства*). Тот ответил, что, судя по описанию, стена относится к древнейшему периоду и, вероятно, являлась границей первого доисторического города Трои.

Письмо к Сейсу важно не тем, что Шлиман не сумел сам определить возраст наклонной стены (дальнейшее показало, что и Сейс ошибся). Важно, что это-первая попытка Шлимана привлечь к работе ученого-специалиста. Постепенно освобождаясь от воодушевления самоучки-открывателя, Шлиман стал понимать значение коллективного научного творчества, в котором разные стороны единой проблемы разрабатываются отдельными специалистами. Шлиман понял, что человек не может знать все, и с этой минуты он начал становиться истинным ученым.

Траншея сквозь холм шла чрезвычайно медленно. Известняковая почва была тверда как камень. Шлиман придумал новый способ проходки: на расстоянии в шестнадцать футов друг от друга закладывались вертикальные шурфы, огромные куски породы отделялись ими от почвы, подкапывались снизу и при помощи мощных рычагов и лебедок отламывались. Но от этого способа скоро пришлось отказаться: он не только грозил разрушением таившихся в почве находок, но был попросту опасен. Один такой обломок объемом в 2560 кубических футов при падении завалил двух рабочих, которые только чудом остались живы. Это глубоко потрясло Шлимана. Он стал гораздо осторожней.

Чтобы облегчить и ускорить продвижение траншеи, он решил сузить ее до шестидесяти пяти футов у основания и девяноста восьми футов наверху. Дело пошло быстрее. Опять траншея наткнулась на мощную стену. Происхождение ее было неясно. Шлиман решил не разрушать ее, а

окопать. Каково же было его удивление, когда сразу вслед за этой стеной открылась другая. Обе стены шли параллельно, на расстоянии пятнадцати футов одна от другой. Они были одинаковой высоты, одинаковой длины! Снова гомеровы гекзаметры ожили перед Шлиманом: в этих стенах он признал Большую башню Трои. С ее вершины старец Приам наблюдал за битвой Гектора с быстроногим Ахиллом, сюда спешила Андромаха, чтобы уговорить мужа не идти на роковой бой. Эти стены заслуживали названия гомеровских уже потому, что были величественны. Резко отличаясь от тщательно отделанных сооружений более позднего периода, они в то же время мощью и массивностью своей во много раз превосходили жалкие постройки древнейшего города, первого от материка. Именно к ним могла относиться рассказанная Гомером легенда о том, что боги Посейдон и Аполлон построили городскую стену для первого троянского царя Лаомедона. Возле Большой башни было найдено очень много керамики: удивительные вазы со схематическим изображением лица (*В своем увлечении Шлиман было решил, что на вазах изображено не человеческое лицо, а сова - священная птица богини Афины, и на этом основании пытался толковать свои находки как предметы ритуала. Впоследствии Шлиман отказался от этого домысла*), тысячи непонятных круглых глиняных предметов с дырками посередине, каменные орудия, в том числе несколько топоров из нефрита (*Нефрит - мягкий минерал зеленоватого цвета*), и т. п.

В середине августа раскопки пришлось приостановить. Софья уехала рожать. Шлиман с нетерпением ждал появления на свет Агамемнона. Но переутомленный тяжелой работой на Гиссарлыке организм молодой женщины не выдержал. Агамемнон родился мертвым.

Шлиман очень тяжело пережил это несчастье. Он почувствовал себя бесконечно усталым.

Кроме того, малярия валила его с ног. Огромные дозы хинина не помогали. Дышать на Гиссарлыке было нечем: болота подсохли, но начался жаркий ураганный ветер, отрывавший доски от крыши домика.

Кроме того, нужно было разобраться в найденном, осмыслить его для себя и объяснить другим.

После открытия Большой башни у Шлимана уже не оставалось сомнений в том, что перед ним действительно Троя. Но он понимал, что ученые-специалисты не удовлетворятся имеющимися доказательствами. Если бы нашлась надпись, какая-нибудь надпись гомеровского времени! Но ее не было. Мало того, целый ряд фактов противоречил Гомеру. Как объяснить, что вместо бесчисленных бронзовых и медных мечей, описанных Гомером, во всех древнейших доисторических городах оказалось каменное оружие? Несколько медных булавок и странная свинцовая статуэтка не шли в счет. Тот факт, что не нашлось ни одного железного предмета, был доказательством древности открытых в Гиссарлыке городов. Но куда же девались гомеровские мечи и копья? И, наоборот, что означают неолитические кинжалы?

Для объяснения этого пришлось построить следующую гипотезу:

«Г. Франк Кальверт находит в том, что Гомер не упоминает о каменных ножах, указание против идентичности Гиссарлыка Трое; но я, и вместе со мной, несомненно, все ученые и почитатели Гомера, нашли бы удивительным, если бы гомеровские герои появились вооруженные полторатрехвершковыми кремневыми ножами, потому что герой в эпических песнях может носить и делать лишь нечто героическое (Heldenmassiges). Когда гомеровский герой нуждается в каменном оружии, то Гектор ищет не лежащий в кармане кремневый нож длиной в полтора-два вершка, но берет первый попавшийся гигантский камень, который сильнейшие мужи племени с трудом поднимали рычагами; но он, Гектор, несет его в руке с легкостью, с какой пастырь несет баранье руно, и с невероятной силой швыряет этот обломок скалы в ворота ахейцев».

Конечно, эта наивная хитрость никого не могла удовлетворить. Вопрос о противоречии между Гомером и найденными в Гиссарлыке памятниками оставался неразрешенным. Но в приведенном выше отрывке Шлиман впервые допускает предположение, что Гомер не абсолютно исторически точен, что он - поэт и имеет право на вымысел.

Эта мысль, которая три года назад показалась бы Шлиман кощунством, теперь развязывает ему руки. Он по-прежнему свято верит в Гомера, вдохновляется им и служит ему всей своей работой. Но он уже не отрицает факты только потому, что они не укладываются в описание Гомера. Не было сомнения, что первые троянские города принадлежали к последнему периоду каменного века. Значит, господство бронзы, описанное Гомером, есть поэтический анахронизм, объяснимый величием дел и героев, описанных в «Илиаде» и «Одиссее»?

Наступивший 1873 год должен был уточнить многое.

К этой кампании Шлиман готовился еще более обстоятельно, чем к предыдущей. Николай Яннакис, доверенный человек, одновременно выполнявший обязанности повара, казначея и десятника, с осени остался на Гиссарлыке, чтобы построить каменный дом. Кроме того, были завезены специальные большие вагонетки, во много раз увеличивавшие производительность труда. Рабочих набрали заблаговременно.

Сокровища царя Приама

Злата, весами отвесивши, выложил десять талантов,
Вынул четыре он блюда и два светозарных тренога,
Вынул и кубок прекрасный...

«Илиада». XXIV. 231-234.

1 февраля 1873 года Шлиман был уже на Гиссарлыке вместе с Софьей. Стояли жестокие морозы, дул северный ветер, который у Гомера

называется «дыханием Борея». Оказалось, что у десятников нет с собою теплой одежды. Тогда Шлиман решительно отказался поселиться в каменном домике и предоставил его десятникам. Сам он с женой устроился в прошлогодней дощатой хижине.

На Гиссарлыке царили «гомеровские» патриархальные нравы, напоминающие родовой строй. Старейшина этой маленькой «научной республики» во время работы сам был впереди с лопатой или киркой, подбадривая рабочих веселыми шутками. Каждый новый человек на Гиссарлыке подвергался «второму крещению» - ему на выбор предлагалось несколько гомеровских имен, и он по своему вкусу мог назвать себя Агамемноном, Одиссеем, Лаомедоном, Энеем, Пелопсом, и с тех пор никто не имел права называть его иначе. Этот шуточный обычай вскоре был возведен в принцип и соблюдался неукоснительно. Обязанности врача на Гиссарлыке Шлиман выполнял сам. Он признавал только три лекарства: хинин, арнику и касторку, - этим он лечил и себя, и других от всех болезней...

Шлиман вставал ежедневно в пять часов утра. Чтобы умыться, надо было разжечь очаг и растопить замерзшую в умывальнике воду. Впрочем, это чаще делала Софья; Шлиман обычно садился на коня и скакал за пять километров к морю - купаться. Возвращался бодрый и оживленный. После завтрака он вместе с Софьей отправлялся в траншею. Лишь под вечер, усталые и разгоряченные работой, они выбирались из раскопа. В домике стоял мороз, яростный ветер сквозь щели вривался и задувал лампу. Чернила замерзали. Софья разбирала находки, привязывала ярлычки с номерами к непонятым черепкам и пузатым кувшинам с изящными длинными носиками. Шлиман надевал толстые шерстяные перчатки и садился писать дневник.

Измученная холодом, Софья однажды оставила на ночь растопленную печку. В три часа ночи Шлиман проснулся. Комната была полна дыма. Пол вокруг печки горел. Начала занимать деревянная стена. Если стена прогорит в одном месте, ветер ворвется в домик и в одну минуту все будет охвачено пламенем. Шлиман вскочил и выплеснул на пол лохань с водой. Огонь немного унялся. Только когда миновала первая опасность, Шлиман позвал людей. Разобрали доски пола, засыпали сырой землей тлеющие балки (воды не было) и снова легли спать. Действительно, пожары в Трое были исторической традицией!

Но и после этого происшествия Шлиман не согласился переселиться в каменный дом.

Раскопки продолжались в северо-западном углу холма и на юге около Большой башни. И там и тут находок было множество, главным образом керамики. В тупик поставили Шлимана маленькие круглые глиняные предметы с дырками посередине. Одни имели форму усеченного конуса - их Шлиман назвал «вулканами», другие были вылеплены в форме двойных конусов, соединенных основаниями, - эти получили название «каруселей».

Загадочность этих вещей усугублялась еще тем, что на них были выдавлены какие-то знаки, крестики, кружочки, черточки.

Неужели письма? Слава Шампольона померещилась Шлиману. Найти древнейший язык, расшифровать таинственные надписи - это было бы потрясающе!

Но никаких надписей на самом деле не оказалось: знаков было слишком мало, они не имели ничего общего ни с одной из известных систем письма.

Шлиман одно время был готов прийти даже к фантастическому решению, что эти разнообразные знаки - какие-то религиозные символы, а сами «вулканы» и «карусели» - символические жертвоприношения богам.

Но постепенно Шлиман убедился, что нашел всего-навсего грузила, пряслица к веретену. «Религиозные» знаки оказались простым орнаментом.

Здесь нужно сказать несколько слов о неточности, допущенной... Лионом (*Фейхтвангером Фейхтвангер Лион (1884-1958) - крупный немецкий писатель. Его роман «Успех» (1930) посвящен разоблачению гитлеровского фашизма*). В книге «Успех» Фейхтвангер говорит о том, что Шлиман нашел на различных предметах знак свастики и по легковерию своему принял за истину предположение ученого француза Бюрнуфа о том, что этот знак - «древний арийский религиозный символ». Это неверно. Фейхтвангер был введен в заблуждение. Свастику историки знали и раньше. А в нелепом толковании ее ни Шлиман, ни даже Бюрнуф неповинны. Не кто иной, как Шлиман, самым убедительным образом доказал ее «неарийское» происхождение. На основании непреложных фактов, собранных авторитетнейшими учеными, Шлиман доказал, что свастика в равной мере свойственна орнаментике древних китайцев, индусов, индейцев «пуэбло» Северной Америки, встречается на Юкатане, в Парагвае, в Новой Мексике, в Африке, у негров Золотого Берега и во многих других столь же «арийских» местах. Выдумал же «арийское происхождение» ломаного креста некий господин Грег, о котором Шлиман с убийственной иронией пишет, что он «целых шесть лет подряд был озабочен раскрытием таинственного смысла этих знаков и, наконец, решил, что во всем досконально разобрался».

Итак, не Шлиман заслужил печальную известность «пропагандиста» этого китайско-негритяно-индейского знака, которым в истории человечества ныне отмечен самый гнусный и самый позорный ее эпизод - фашизм.

* * *

Кроме керамики, раскопки в северной части Гиссарлыка дали много других интересных находок. Сначала путь преградила двухметровой толщины мраморная стена с остатками коринфских колонн. Стену вскрыли на протяжении девяноста метров. Несколько интереснейших надписей, высеченных на больших мраморных плитах, говорили о том, что здесь

находилось святилище Афины. К сожалению, Шлиман неточно перевел одну из надписей и поэтому не понял, что эта стена принадлежала не храму собственно, а ограде храма. Но он вообще мало задерживался на изучении этой относительно поздней постройки, которую он отнес ко временам Лисимаха. Ради вскрытия более древних слоев Шлиман проломил стену и стал продвигаться вглубь.

Такая же участь постигла и часть «стены Лисимаха», на которую наткнулся северо-западный раскоп, и даже две стены, которые были отнесены Шлиманом уже к доисторической троянской эпохе. Ниже, под фундаментом храма, оказались руины странного дома, чрезвычайно древнего. Он состоял из восьми или девяти комнат и казался каким-то лабиринтом. Понять его происхождение и назначение было чрезвычайно трудно. Бережно его сохранив, Шлиман продолжал копать дальше. И вот, наконец, под многокомнатным домом он нашел стены, которые искал. Они носили следы страшного пожара.

Это уже могло служить серьезнейшим вещественным доказательством. Ведь Троя, воспетая Гомером, Троя эпохи Приама, погибла в огне!

Как одержимый Шлиман работал с утра до ночи. Он увеличил число рабочих и начал копать сразу в нескольких местах. Софья, все больше увлекаясь, помогала ему. Уже без гримасы принуждения читала она на ночь гомеровы гекзаметры. Шлиман помечал на своих письмах рядом с датой уже не «холм Гиссарлык», уже даже не «Троя», а прямо «Пергам Приама» (*Пергамом у Гомера назван кремль в Трое; там находились дворец Приама и его сыновей, храм Афины и т. п. «Пергам Приама» не нужно смешивать с малоазиатским городом Пергамом (нынешняя Бергама)*).

Каждый день приносил открытия. В одном из домов были найдены гигантские глиняные сосуды - «пифосы». Любой из них легко мог вместить нескольких людей, стоящих во весь рост. Эти пифосы, вероятно, были хранилищами для зерна, масла, вина. Шлиман высказал предположение, что здесь находился дом винооторговца.

Еще поразительней были находки, начавшиеся с середины марта в южной траншее. На тридцатифутовой глубине в «горелом» слое открылась наклонная дорога, выложенная гладкими каменными плитами. На ней еще сохранились колеи, выбитые колесами. Если дорога, значит, она куда-то ведет! Шлиман бросил сюда сотню рабочих и принялся в бешеном темпе откапывать ее. Вскоре дорога привела к мощным, двойным воротам. Ворота были в стене, рядом с Большой башней.

Неудержимое шлиманское воображение тотчас назвало эти ворота Скейскими - главными воротами Илиона, через которые троянцы выходили на поле сражения. Поблизости от ворот нашлись и руины обширного дома, в котором Шлиман без колебаний признал «дворец Приама». Но, чтобы откопать весь «дворец», пришлось бы снести другое здание, много веков спустя построенное над ним и над мощеной дорогой. И здесь Шлиман

показал, что недаром он стал серьезно учиться археологии. Он запретил разрушать более позднее здание, поняв, что оно будет необходимо для дальнейшего изучения Трои, для проверки ранее добытых результатов.

Год тому назад он спокойно снес бы эти стены.

Началась весна. Гнилая малярийная троядская весна с морозными ночами и жаркими днями. Оттаявшие болота зацвели, миллионы лягушек с вечера поднимали дикий крик, и Шлиман по ночам не мог заснуть. Он ворочался в постели, проклинал все на свете и старался уверить себя, что лягушки - причина его дурного настроения.

Но прилетели аисты, лягушки немного утихли, а настроение не улучшалось.

Все-таки нужно было найти нечто гораздо более солидное, чем ворота. Нужно было разрушить заговор молчания, который ученые филистеры (*Филистер - самодовольный обыватель, мещанин*) устроили вокруг Трои. Нужно было доказать им, что Генрих Шлиман не бросает слова на ветер.

Особенно оскорбительно было поведение профессора Курциуса. Этот ученый, историк и археолог, был в чести потому, что сумел сблизиться с придворными германскими кругами. Летом 1872 года Курциус со своими учениками совершил экскурсию по Троаде. Шлиман в это время был уже в Афинах. В брошюре, описывающей экскурсию, Курциус удостоил Шлимана следующими пренебрежительными словами: «Мужик из Хыблака повел нас на Гиссарлык, где раньше с большим усердием копал Шлиман». И больше ни слова.

Как ослеплен должен быть человек, которого даже величественные стены раскопанной Трои не сумели заставить отказаться от предвзятого предубеждения к «самозванцу».

«Профессиональных специалистов» нужно было ошеломить чем-нибудь потрясающим.

А потрясающего по-прежнему не было.

Шлиман решил уточнить топографию Трои. Холм Гиссарлык был слишком мал для большого города с многотысячным населением. Шлиман считал его Пергамом. Самый город, очевидно, лежал в долине, под холмом. Открытие этого нижнего города должно было внести полную ясность в вопрос.

В мае, когда немного обсохла земля, в разных местах долины стали рыть глубокие колодцы, доходившие до материка. Разведка принесла действительно неожиданные результаты: много глиняных черепков, остатков строений и могил, но ни малейших следов доисторических поселений! Все находки в долине были не старше «эллинской» эпохи.

Шлиман должен был признать, что ошибался: вся Троя Гомера, очевидно, уместилась на плато Гиссарлыка, и пышный город, воспетый великим слепцом, приходилось признать порождением поэтического вымысла, принявшего поистине «гомерический» размах!

С тем большим рвением Шлиман продолжал раскапывать Гиссарлык. Он возобновил поиски на севере и северо-западе, нашел продолжение ранее открытой доисторической стены, проломил несколько поздних стен. Заступы изо дня в день обнажали развалины, камни, стены без надписей. Все трудней становилось разбираться во всей этой путанице наслоений, в лабиринте обрушенных временем построек. И вот утомление стало охватывать искателя. Он был болен. Уже не помогал хинин. Друзья и недруги присылали ему вырезки из газет, в которых ученые-специалисты и просто журнальные писаки издевались над его «гомеровской» страстью. Турецкая администрация продолжала придирается ко всякому поводу.

В мае умер отец Софьи. Она уехала в Афины на похороны. Шлиман остался один и почувствовал себя совсем покинутым.

В это время он писал своему издателю:

«Тяготы и лишения превосходят мои силы. Я решил продолжать раскопки до 1 июня, а потом навсегда их прекратить. Теперь я буду копать только в Греции и начну с Микен».

Но оторваться от Трои было не так легко. Шлиман все оттягивал намеченное прекращение работ. Из Афин вернулась Софья. Приободрившись, Шлиман решил продлить раскопки до 15 июня. Он все еще не мог отказаться от надежды.

За день до объявленного прекращения раскопок, 14 июня 1873 года, Шлиман спустился в раскоп, как всегда, в 6 часов утра. Несколько рабочих расчищали стену в западной части холма; в том месте, где сливались три траншеи: северная, западная и южная. Под фундаментом одной из древних стен что-то блеснуло. Рабочий ковырнул лопатой разок-другой, и из-под твердого слежавшегося веками строительного мусора показалась какая-то позеленевшая от времени медная вещь.

- Стой! - закричал Шлиман.

Удивленно взглянув на хозяина, рабочий опустил заступ.

- Стой,- повторил Шлиман уже совершенно спокойно. - Пора завтракать. Это потом откопаем.

И попросил Софью объявить перерыв на завтрак. Было семь часов утра. Обычно перерыв начинался в одиннадцать. Но Софья, ни о чем не спрашивая, собрала рабочих и объявила пайдос (*Пайдос - перерыв, или, точнее, «шабаш» (греч.)*).

Через минуту, посоветовавшись с мужем, она объявила всем, что рабочие сегодня могут идти домой. Дневной заработок за ними сохраняется. Сегодня эфенди (*Эфенди - господин (турецк.)*) именинник.

Рабочие ушли. Тогда Шлиман, вооружившись большим ножом, принялся выковыривать из-под стены таинственный предмет.

Камни ветхой стены, подкопанные снизу, грозили в любую минуту обрушиться. Почва была тверда и не поддавалась крепкому лезвию. Но Шлиман не отступил. До самого вечера, рискуя жизнью, он работал своим ножом.

Несколько раз Софья поднималась из раскопа к жилому дому, унося что-то тяжелое под большой красной турецкой шалью.

Солнце садилось, когда Шлиман и Софья, закончив работу, заперлись в своем домике. Лучи заката червонным золотом заливали комнату. А на столе, как сгусток вечернего солнца, сверкала гряда металла.

Гряда темного червонного золота.

Достойная награда за три года лишений и безостановочного труда. Вот оно наконец, доказательство, - несомненное и решающее доказательство, которого Шлиман так долго искал!

Сокровище троянского царя Приама - ибо кому же иному могло оно принадлежать? - лежало перед Генрихом и Софьей Шлиман на простом дощатом столе.

Они сосчитали, взвесили и записали найденные предметы.

Золотые чаши и кубки (самый большой из них весил 600 граммов). Кубки из серебра и электрона (*Электрон - сплав из четырех частей золота и одной части серебра, употреблявшийся ювелирами древности*). Две потрясающей красоты диадемы из золотых цепочек. Двадцать четыре золотых ожерелья, шестнадцать статуэток. Огромная серебряная ваза, из которой на стол высыпался дождь мелких золотых вещиц - серег, колец, булавок, свитых змеей браслетов, пуговиц, - всего около 8700 предметов.

Кроме этого, медная и бронзовая посуда и оружие.

Шлиман перебирал в уме мельчайшие подробности и обстоятельства, при которых был найден клад. Предметы были сгруппированы в углублении под стеной так, будто клад когда-то был заключен в четырехугольный, ныне совершенно истлевший деревянный ящик. Это казалось тем более вероятным, что возле клада Шлиман нашел бронзовый стерженек с большим металлическим наростом, очевидно ключ,

«чрезвычайно похожий на ключи несгораемых касс в банках», как отметил Шлиман в дневнике.

Весь клад был прикрыт большим круглым медным предметом, в котором Шлиман не колеблясь признал щит. Тут же был странной формы медный шлем.

Бережно взяв диадему, Шлиман надел ее на голову Софьи, застегнул вокруг ее шеи ожерелье, на руки надел запястья, вдел тяжелые подвески в уши. Золото Елены Прекрасной на жене Генриха Шлимана - что могло быть радостней для этого человека, посвятившего свою жизнь Гомеру!

Софья действительно была очень хороша в этом уборе.

Когда клад убрали в ящик и заперли на замок, Шлиман стянул с пальца Софьи обручальное кольцо и с отвращением отшвырнул его. Женщина, носившая диадему Елены, не должна больше прикасаться ни к какому другому золоту!

Поздно ночью, уже засыпая, Шлиман подумал о том, что стал обладателем огромного богатства,- ведь все это было обыкновенным золотом, которое стоит много денег.

Ему стало смешно. Наделать монет и медалей из золота Приама - веселая шутка!

Назавтра пришли рабочие. Как ни в чем не бывало Шлиман продолжал раскопки. На том месте, где нашелся клад, рабочие кирками взрыхлили почву. Не нашли ничего, кроме обломков двух изящных серебряных фиалов. Разломы были свежие - землекоп разбил фиалы ударами своей кирки. Потом нашли третий, уцелевший фиал.

17 июня раскопки в Трое прекратились.

Тяжба с турецким султаном

*...подумаем, как бы его умолить нам, смягчивши
Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой речью.
«Илиада», IX, 112-113.*

Клад запаковали в простой деревянный ящик. Шлиман отвез его в Дарданеллы и погрузил на пароход, шедший в Афины. Это было контрабандой.

По точному смыслу султанского фирмана Шлиман был обязан половину всего найденного при раскопках отдать турецкому правительству. Но разрознить Большой клад было бы преступлением.

Шлиман писал: «Если бы турки получили клад, они бы его переплавили и получили бы едва 12 тысяч франков, между тем в моих руках он имеет неисчислимую ценность для науки».

Но и дома, в Афинах, клад не мог считаться в безопасности. Пока о нем не знала ни одна живая душа. Но что будет, когда в газетах появится статья Шлимана - заключительное письмо о раскопках гомеровской Трои?

Деловитый коммерсант на время взял верх над непрактичным, увлекающимся археологом. Шлиман отвез заветный ящик к дяде Софьи, жившему за городом. Клад спрятали в сарае.

Расчет оказался верен. Когда Шлиман напечатал сообщение о своей находке, турецкое правительство возбудило судебный процесс против «похитителя». Греческие власти, не желая ссориться с турками, устроили на квартире Шлимана обыск. Ничего не нашли. Однако Шлиман вовсе не отрицал существования Большого клада. Он только не хотел его выдать.

Тяжба с турецким султаном должна была состояться. Шлиман нанял лучших адвокатов Афин и поручил им ведение дела, предупредив, что, независимо от решения суда, клада не отдаст. Ни за что не мог он допустить, чтобы ценнейшее собрание было разрознено и попало в руки невежественным турецким чиновникам.

В ученом мире находка троянского сокровища произвела переполох. Отрицать существование троянского золота было невозможно. Признать же его за клад Приама - значило признать свою вопиющую научную слепоту. Вышедшая в 1874 году книга Шлимана «Троянские древности» вызвала взрыв ядовитых нападок. Издевались над верой Шлимана в непогрешимость Гомера, над смешными преувеличениями, над погрешностями стиля. Во всех этих нападках было много зависти и кастовой нетерпимости. Никому не ведомый старый чудака, вопреки господствовавшим научным теориям, нашел древний город, а в городе - клад, доказывавший, что в Гиссарлыке погребены остатки мощной культуры, стоявшей на высоком художественном уровне. Ее открыватель претендовал на лавры Ботта (*Ботта - французский археолог, раскопавший в середине XIX века развалины дворца ассирийского царя Саргона II в Хорсабаде*) и Лэйарда, открывших ассирийские дворцы в искусственных холмах равнинной Месопотамии...

Особенно старались немецкие археологи и историки. Чтобы скомпрометировать Шлимана и его открытие, они выдумывали нелепость за нелепостью. Они предпочли бы, кажется, чтобы Гиссарлык остался вовсе нераскопанным. Иенский профессор Штарк, ранее бывавший в Трое, назвал открытия Шлимана шарлатанством.

К сожалению, эти нападки не дали тогда возможности разобраться в подлинных недостатках работы Шлимана. Ошибки и промахи в технике ведения раскопок привели к тому, что «возраст» многих найденных

предметов трудно было определить достаточно четко. Непонятные предметы получали «клички» вместо определений. Крайне неудачно выполненный альбом троянских фотографий, приложенный к книге, выглядел как беспомощная подделка. В тексте было много противоречий. Шлиман их видел сам, он писал: «Это был для меня совершенно новый мир, до всего приходилось добираться своим умом, и лишь постепенно смог я нащупать правильную точку зрения». Но, стремясь показать читателю все этапы своих поисков, он не вытравил из книги этих противоречий.

На них-то и основывались немецкие специалисты в своих выступлениях.

Впрочем, этот ученый спор имел и чисто политическую подкладку.

После кровавой, захватнической франко-прусской войны мировое общественное мнение было настроено резко враждебно к Германии. Чтобы поднять престиж, правительство решило сделать филантропический «мирный» жест. Эрнсту Курциусу в 1874 году были отпущены средства на раскопки в Олимпии, с тем, чтобы все найденное осталось в Греции. В это же самое время ходатайство о раскопках в Олимпии и Микенах возбудил Шлиман. Греческому правительству пришлось выбирать между Германией и Шлиманом, который в обмен на право раскапывать Олимпию обещал подарить греческому народу Большой клад и всю коллекцию троянских древностей, построив для нее специальный музей.

В афинских газетах поднялась ожесточенная кампания против Шлимана, инспирированная Берлином.

Директор университетской библиотеки напечатал статью, в которой говорилось: «В конце концов, этот американский немец, обещавший нам построить здесь дом, в котором он хочет выставить свои находки, добыл свои сокровища путем контрабанды. Весьма возможно, что он все эти вещи нашел вовсе не при раскопках, а у старьевщиков. Да и что он нашел? Горшки! Кто нам докажет, что эти горшки - не подделка?»

Эта статья напоминает забавную историю, происшедшую, с «эльджиновскими мраморами». Когда корабли со статуями Парфенона пришли в Англию и еще не вскрытые ящики были выгружены в порту, известный тогда искусствовед Найт объявил эти скульптуры ремесленной подделкой, относящейся к эпохе упадка Рима!..

Не все в Греции были невеждами, не все плясали под германскую дудку. Парламент решительно высказался за принятие дара Шлимана и за предоставление ему права раскопок. Но кабинет министров судил иначе: принять троянское собрание означало испортить отношения с турками, отдать Шлиману Олимпию - навлечь гнев Германии.

Судьбы Троянского клада и будущая работа самого Шлимана были впутаны в игру интересов трех держав. Неравная борьба.

Троянское собрание оказалось «беспризорным». Шлиман хотел продать его Британскому музею. Отказ. Тогда Шлиман через французского посла обратился к правительству Франции с предложением подарить клад Лувру (*Лувр - Национальный музей в Париже*). Посол обещал, что в течение недели последует телеграфное согласие от министра просвещения. Прошло двенадцать дней - из Парижа ни слова. Взбешенный Шлиман взял обратно свое предложение.

Бесплодной оказалась также попытка передать Троянский клад Италии в обмен на разрешение вести раскопки в Сицилии.

Пока шли все эти споры, Шлиман решил поехать в Микены, чтобы осмотреться: ведь Германия претендовала только на Олимпию. Микены-то во всяком случае должны достаться ему!

Но пока Генрих и Софья Шлиман бродили по величественным развалинам мертвого города, карабкались на циклопические стены микенского акрополя и подбирали валявшиеся на земле черепки древних ваз, префект Аргоса (*Аргос - город провинции Арголида - Коринфия. Вблизи этого города расположены Микены*) получил грозную телеграмму из Афин: министр просвещения предлагал установить неусыпное наблюдение за супругами Шлиман, в корне пресечь всякую попытку произвести раскопки и конфисковать все найденное.

Телеграмма эта вполне соответствовала точке зрения директора археологического института, который заявил, что Шлиман смешает найденные в Микенах сокровища с троянскими, увезет их и, таким образом, Греции ничего не достанется.

Префект Аргоса решил, что имеет дело с крупным международным преступником, который собирается украсть едва ли не микенский акрополь.

Следующая телеграмма министра повелевала обыскать багаж Шлимана. Выполнение этого оперативного задания префект возложил на полицмейстера Навплии, заштатного городишки, где остановился Шлиман.

Во всех регалиях и при оружии полицмейстер явился в гостиницу. Подозрительный иностранец встретил его вежливо, пригласил к столу, познакомил с женой. Тут полицмейстер растерялся вовсе: оказалось, что жена Шлимана приходится ему, полицмейстеру, дальней родственницей! Не в силах объяснить причину своего визита, бедняга пыхтел, потел, мялся. Софья угощала новонайденного родственника черным кофе и ликером. С каждой новой рюмкой полицмейстер потел все больше. Софья переглянулась с мужем.

- Может быть, вы хотите посмотреть древности, которые мы здесь нашли?

Шлиман без дальних слов вытащил из-под кровати бельевую корзину, доверху набитую черепками.

Полицмейстер оживился. Служебный долг повелевал ему составить полную опись найденного.

Софья взяла перо и бумагу, Шлиман поочередно извлекал из корзины куски глиняной посуды, камни, обломки статуэток. Насторожившийся полицмейстер осматривал находки, мучительно пытаясь догадаться, которая из них действительно является ценностью.

В протокол было внесено все, включая обломок белого мрамора без малейших следов изображения или надписи. Конфисковать всю эту дрянь было бы абсолютно нелепо. Полицмейстер оглядел комнату. Ничего не указывало на присутствие какого-либо утаенного сокровища. Спрятав протокол на груди, полицмейстер ретировался с извинениями. Если бы он знал, какие служебные неприятности ему уготованы!

Узнав, что черепки у Шлимана не конфискованы, министр расsvирепел и так распушил навплийского префекта, что у того неделю дрожали колени. «Невозможно предположить,- писал министр,- что кто-нибудь будет с большими расходами раскапывать нечто не имеющее ценности. Вы, г. префект, а также подпрефект и микенский бургомистр своими поступками показали, что греческая земля беззащитна и что каждый проходимец может делать на ней, что ему заблагорассудится, не обращая внимания на наши законы. В интересах нашего отечества вы обязаны указать своим подчиненным, что в дальнейшем ничего подобного не должно происходить».

В феврале 1874 года Шлиман наконец добился разрешения начать раскопки в Микенах. Но условия ему поставили такие, что султанский фирман перед ними казался верхом любезности и бескорыстия. Мало того, что все найденное немедленно и безраздельно переходило в собственность Греции, - на это Шлиман был согласен с самого начала. Но правительство разрешило вести раскопки только в одном месте и притом с ограниченным числом рабочих. Греческое археологическое общество установило наблюдение за раскопками, прикомандировав к Шлиману своего уполномоченного. Все найденное Шлиман был обязан подробнейшим образом описать. Все эти меры должны были помешать Шлиману утаить что-либо из найденного. Его третировали, как кладоискателя и вора.

Археологи посмеивались: Шлиману разрешили искать там, где наверняка ничего не было,- внутри микенского акрополя. Царские же могилы, конечно, были снаружи. Ну что же, пускай себе ищет...

А Шлиман, твердо уверенный в себе, заложил на акрополе тридцать четыре разведочных шурфа. И тут же наткнулся на две плоские каменные плиты. На них не было никаких изображений, но по форме они напоминали

стелы (надгробные камни). Поблизости от стел в земле оказалось множество терракотовых статуэток, изображавших женщин и коров.

Но тут пришлось прервать раскопки. Издание книги о троянских древностях на трех языках сразу - в Лейпциге, Париже и Лондоне - требовало длительных поездок по Европе. Чтобы улучшить отношения с греками, Шлиман взялся на свой счет снести венецианскую башню, уродовавшую афинский акрополь. Это отняло много времени. Тяжба с Турцией тоже затягивалась, требовала хлопот и не на шутку начинала тревожить Шлимана.

Только 15 апреля 1875 года закончился судебный процесс. Греческий суд признал Шлимана виновным в нарушении контракта и постановил: оставить ему Троянское собрание под условием уплаты турецкой казне 10 тысяч франков. В тот же день Шлиман отправил Сафдет-паше чек на 50 тысяч франков, объяснив, что «излишек» предназначен на расширение константинопольского музея.

Этот жест достиг цели. Цивилизованный мир оценил бескорыстие Шлимана, турки тоже были удовлетворены. Шлиман поставил вопрос о возобновлении фирмана на раскопки в Трое. Сафдет-паша был на все согласен. В конце 1875 года Шлиман приехал в Константинополь, чтобы закончить все формальности. И вдруг государственный совет отказал в выдаче фирмана.

Опять начались утомительнейшие (и довольно дорогие, кажется) хлопоты, в которых приняли участие Сафдет-паша. Аристарх-бей, американский и итальянский послы, турецкий министр иностранных дел Рашид-паша... Только в конце апреля 1876 года удалось уломать великого визиря Махмуд-Недим-пашу. Фирман был получен.

Но это еще не значило, что можно приступить к раскопкам. Генерал-губернатор Дарданелл, Ибрагим-паша, был решительно недоволен. С тех пор как Шлиман прославил Гиссарлык, в Троаду стали стекаться туристы. Ибрагим-паша взимал с них солидный бакшиш за разрешение осмотреть развалины Трои. Теперь, с возобновлением раскопок, эта статья дохода грозила исчезнуть.

Генерал-губернатор заявил» что должен получить подтверждение фирмана. Потом понадобилось уточнить некоторые пункты. Наконец после двухмесячного бессмысленного ожидания в Дарданеллах Шлиман получил возможность отправиться в Трою. Но Ибрагим-паша приставил к нему своего чиновника, в неофициальные обязанности которого входило всячески мешать организации раскопок.

Вне себя от ярости, Шлиман бросил все и вернулся в Афины. Вскоре в «Таймсе» появилось его негодующее письмо, в котором описывались возмутительные действия турецкой администрации. Скандал вышел международный. Ибрагим-пашу пришлось убрать из Дарданелл в другое

место, и наконец Шлиман получил возможность продолжать исследование Трои.

Но он в это время был уже на пороге своего великого открытия в Микенах и оторваться для Трои не мог.

Кажется странной непоследовательность, с которой Шлиман то начинал работу в Микенах, то бросался в Троаду, то вновь возвращался к Микенам.

Но нужно понять этого человека, который задумал восстановить общую картину гомеровской эпохи (для этого необходимо было раскопать Микены) и с первых же шагов натолкнулся на массу загадочных фактов, настойчиво требовавших объяснения.

Три года прошло со времени прекращения раскопок в Трое. Много было продумано и передумано Шлиманом за эти годы, много он услышал несправедливых и справедливых упреков. Прежние наивные домыслы уже не могли удовлетворить его, он чувствовал необходимость еще и еще раз проверить свои выводы. Нужны были дальнейшие исследования на Гиссарлыке, чтобы подвести достаточный теоретический базис под теорию «Гиссарлык-Илион».

История с Ибрагим-пашой заставила Шлимана обратиться к Микенам, чтобы не терять напрасно времени. Но то, что вскрыли лопаты рабочих на микенском акрополе, было настолько грандиозно, что поглотило Шлимана целиком. Именно здесь, в Греции, таился ключ к троянским загадкам!

Могилы Атридов

Здесь же пришел бы ты в трепет, от страха бы обмер, увидя,
Как меж кратер пировых, меж столами, покрытыми брашном.
Все на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
«Одиссея», XI, 418-420.

Смутна, но величественна была слава этого города. Гомер называет Микены «многолюдными» и «златообильными». Царь Микен - Агамемнон - во время Троянской войны был предводителем всего ахейского войска, своеобразным старшиной греческих царей. С именем Микен связан ряд значительнейших, основных древнегреческих мифов. Вслед за Гомером многие греческие писатели брали сюжетом своих произведений предание о коварстве жены Агамемнона - Клитемнестры - и о трагической судьбе его сына Ореста, отомстившего за отца, но ставшего потом сумасшедшим.

В середине V века до нашей эры микенский акрополь был взят аргосцами, строения его были разрушены. По дошедшим до нас свидетельствам, никто с тех пор на акрополе не селился. Лишь циклопические крепостные стены, наполовину вросшие в землю, высятся над каменистыми склонами горы. Ниже акрополя, в долине, находились

так называемые толосы - подземные сооружения, сверху напоминающие курганы. Они были частью засыпаны, частью испорчены мародерами-кладоискателями. Крупнейший из этих толосов с чьей-то легкой руки издавна считался «сокровищницей Атрея» (*Атрей - легендарный микенский царь, отец Агамемнона и Менелая*).

Шлиман хорошо запомнил урок «малой Трои». Если Троя гомеровской эпохи была лишь небольшим укреплением, то и Микены не могли быть многим больше. В таком случае описанные Павсанием могилы действительно должны найтись внутри стен акрополя, которые в те времена были границей города. Высказанная десять лет назад догадка как будто подтверждалась теоретически, нужно было лишь практически доказать ее правильность.

Шлиман предпринял еще одну разведку. В конце июля 1876 года он с женой и с тремя афинскими профессорами поехал в описанный Гомером город Тиринф, нынешний Палеокастр. И здесь на скалистой горе был акрополь, обнесенный циклопическими стенами. Наняв полсотни рабочих, Шлиман заставил их выкопать глубокую и широкую яму на вершине акрополя и семнадцать разведочных шахт в нижнем городе. Вскрылись остатки новых, также циклопических, стен, сложенный из гигантских камней водопровод, и чем дальше от акрополя, тем ничтожней и «моложе» были находки. Теперь Шлиман уже был убежден, что гомеровские дворцы на самом деле являлись небольшими крепостцами.

Через неделю Шлиман, ободренный и уверенный в успехе, был в Микенах.

Прежде всего, нужно было открыть вход на акрополь, а стене были грандиозные ворота, украшенные двумя вздыбленными львами. Но лишь верхняя часть ворот виднелась из-под земли, выросшей за два тысячелетия. С Львиных ворот и начал Шлиман.

Откапывая ворота, рабочие наткнулись на огромные камни, очевидно упавшие с верхней части стены. Верный себе, Шлиман тотчас нашел объяснение: они, вероятно, были сброшены микенцами на аргосцев, штурмовавших акрополь.

Таков уж был этот человек: он немедленно заставлял говорить немые предметы старины; воображению его было достаточно обломка каменной плиты, чтобы воссоздать яркие и часто даже правдоподобные! - эпизоды прошлого.

Забавную каморку в стене откопали рабочие рядом с Львиными воротами. Шлиман назвал ее жилищем привратника. Высота каморки - четыре с половиной фута. По этому поводу Шлиман замечает: «В героическую эпоху комфорт был незнаком, в особенности рабам, и поэтому его отсутствия не замечали».

Греческое правительство разрешало Шлиману вести раскопки только в одном месте. Но едва начались первые находки, как Шлиман забыл все формальности и обещания. Уже смутно вырисовывалось перед ним будущее величие картины возрожденных Микен. Ни одна черта в этой картине не должна была пропасть.

Пока одна группа рабочих откапывала гигантскую каменную плиту, служившую «порогом» Львиных ворот, другая была брошена на расчистку «сокровищницы Атрея», а третья копала внутри самого акрополя.

Археолог Стаматаки, которого афинское археологическое общество командировало для наблюдения за работой Шлимана, сбился с ног. Он старательно вел дневник, пытался систематизировать находки, но решительно не успевал следить одновременно в нескольких местах. Стаматаки требовал сократить объем раскопок. Шлиман только отмахивался. Стаматаки писал жалобные письма министру просвещения. Шлиман, в свою очередь, жаловался, что Стаматаки своими невежественными придирками мешает работать, и грозил бросить раскопки.

Но темпа работ не замедлял ни на минуту.

«Сокровищница Атрея», по рассказам, была вскрыта еще в начале XIX века неким турецким пашой. Говорили, что там нашлось бесчисленное множество золота и драгоценностей. Тем не менее Шлиман тщательно раскопал ее (лишнее доказательство того, что он не был «золотоискателем»). Оказалось, что это - роскошно построенная гробница, или, точнее, усыпальница. Выложенный камнем наклонный вид, вроде траншеи, ведет к ее двери, находящейся ниже уровня земли. По сторонам двери сохранились следы богато орнаментированных колонн. Сужающийся кверху вход перекрыт цельной каменной плитой длиной в восемь с половиной метров и шириной в пять метров. Эту плиту специалисты считают самым большим обработанным камнем в Греции.

Интересная черта: чтобы невероятная тяжесть стены не слишком давила на эту «балку», зодчие микенской древности оставили в кладке над плитой треугольное «окно», которое было когда-то заполнено легкой орнаментированной плитой. Эта плита не сохранилась, на ее месте в пустом треугольнике выросло деревцо. Тот же строительный прием применен и в конструкции Львиных ворот. Уже одно это заставляет думать, что строители Микен стояли на относительно высоком культурном уровне.

Толос оказался гигантским куполом в шестнадцать метров высотой. Внимательно осмотрев стены, Шлиман нашел правильные ряды дырочек в камнях. Оказалось, что вся внутренняя поверхность толоса была когда-то украшена бронзовыми розетками, которые прикреплялись к стенам гвоздиками.

Из большого купола узкий и низкий ход вел в меньшее помещение высотой в семь метров, высеченное в скале.

Чтобы составить себе полное представление об этих постройках, нужно было еще раскопать другой толос, в котором не хозяйничали руки турецкого паши. За эту работу взялась Софья. Она самостоятельно руководила раскопками второго толоса и сделала это очень бережно и тщательно.

Найденные во втором толосе остатки погребения с несомненностью доказали, что легенда о «сокровищницах» ни на чем не основана.

Сам Шлиман сконцентрировал все свое внимание на давно облюбованном месте внутри акрополя. Еще два года назад он убедился, что особенно много щебня и «культурных наслоений» накопилось в обширной неглубокой впадине справа от Львиных ворот. Сюда было брошено большинство рабочих. Уже первые дни дали необычайно богатые результаты. В откопанной земле Шлиман нашел множество раскрашенных статуэток, глиняных кубков, веретенных подвесок, бронзовых ножей, железных и стеклянных предметов.

Особенно удивили Шлимана статуэтки. В них ничто не напоминало пластические скульптуры Греции эпохи расцвета. Это были маленькие фигурки, изображавшие большей частью женщин и коров. И те, и другие могли быть изображением «волоокой Геры», богини, считавшейся покровительницей Микен. Сделаны были статуэтки так, как в наше время лепят только дети и, пожалуй, кустари-игрушечники: неправильно, очень условно - и с поражающей экспрессией, выразительностью. Так же выразительны и условны были рисунки на найденных черепках ваз. В наше время они кажутся даже карикатурными.

Этот стиль не имел ничего общего с классическим греческим искусством. На вазы с примитивной росписью, найденные в доисторических городах Трои, микенская керамика тоже была не похожа.

Шлиман уже чувствовал, что открывает нечто совершенно новое, не известную доселе культурную эпоху.

25 августа была откопана надгробная стела, покрытая чудесными архаическими орнаментами и барельефами. А где надгробие, там и могилы.

Тут нелепое обстоятельство на добрых две недели прервало течение работы. Бразильский император дон Педро II совершал поездку по Европе и вздумал посетить Трою. Шлимана вызвали туда телеграммой.

Он поехал. В глазах «публики» внимание коронованного экскурсанта к Трое много значило. Однако задача оказалась на редкость неблагоприятной. Дон Педро с императорским великодушием слушал объяснения Шлимана, но глаза его грустно блуждали по непонятным и скучным нагромождениям

каменных развалин. Чтобы воодушевить слушателя, Шлиман повез короля в деревушку Еникей, к местному лавочнику Коловосу.

Это была личность замечательная. Безногий от рождения, Кодовос никогда не выезжал из родной деревни. Он не получил никакого школьного образования. Тем не менее, он самоучкой изучил французский, итальянский и древнегреческий языки и прочитал всех античных классиков. Память его поражала: он наизусть декламировал целые песни «Илиады». По вечерам к нему в лавку собирались односельчане и слушали его бесконечные рассказы о древних героях.

Шлиман познакомился с Коловосом давно, полюбил его, часто просиживал с ним целые вечера в полутемной лавчонке, разговаривая на трех языках о Гомере.

Но дон Педро остался совершенно равнодушен к доморощенному гению. Понюхав воздух, он поморщился и поспешил расстаться с лавкой Коловоса.

Шлимана жгло нетерпение. Он стал уговаривать дона Педро, что в Трое нет решительно ничего интересного, что самое главное - раскопки в Микенах.

Император неожиданно легко согласился посетить и микенские раскопки.

Дон Педро остановился в Аргосе. Прискакав оттуда верхом в Микены, он взбирался на акрополь и час-полтора добросовестно, но с явным недоверием выслушивал объяснения Шлимана. Потом зевал и удалялся.

Так продолжалось два дня. На третий день Педро объявил, что уезжает в Каир, попрощался со Шлиманом, оставил сорок франков для раздачи «на чай» греческим полицейским, которые охраняли акрополь, и уехал со всей своей свитой.

Проводив именитого гостя до подножия акрополя, Шлиман вернулся наверх. Рабочие раскапывали впадину под стеной, там, где нашлась орнаментированная надгробная стела. Одна из лопат звякнула обо что-то. Из-под осыпавшейся земли выглянул край каменной плиты, покрытый характерным узором из спиральных линий. Вторая стела!

Вслед за нею нашлась третья. Уже не могло быть сомнения, что могилы здесь!

По соседству со стелами были найдены стены циклопического здания.

Еще не составив себе полной картины плана этой постройки, Шлиман уже был убежден, что перед ним дворец и, конечно, дворец Агамемнона!

Дальнейшие раскопки в этом месте обнажили странную плоскую каменную плиту, поставленную на ребро. Вплотную к этой плите была приставлена другая, третья, четвертая...

Через несколько дней стало ясно, что таинственная впадина, в которой нашлись стены, была обрамлена двойным кольцом каменных плит вроде двойной круглой ограды. Диаметр кольца был 26,5 метра.

Теряясь в догадках относительно значения этого странного круга, Шлиман обратился к одному знакомому профессору. Тот проявил не только ученость, но и пылкое воображение. Двойной каменный круг, заявил он, не что иное, как агора - площадь для народных собраний. На вертикальных плитах круга были когда-то уложены горизонтальные плиты, получалось нечто вроде гигантской кольцеобразной скамьи, на которой рассаживались старейшие и почтенные мужи племени.

Косвенное подтверждение этой теории можно было отыскать в «Электре». Там народ собирается на агору, а Клитемнестра выходит из дворца на агору. Значит, по Эврипиду, дворец Агамемнона был рядом с агорой? Так и есть, каждый может в этом убедиться! И каменная ограда была объявлена агорой.

На самом деле эта ограда имела совсем другое предназначение - она просто отмечала место почетных могил, как это практиковалось у некоторых народов древности. Дворец, с которым можно было бы связать имя Агамемнона, тоже оказался впоследствии в другом месте.

К счастью, принятый на веру ошибочный домысел некоего профессора не помешал Шлиману вести раскопки именно здесь: ему показалось естественным допустить, что тела столь любимых и уважаемых людей, как Агамемнон и его друзья, в знак особого почета похоронены посреди площади для народных собраний.

Отношения со Стаматаки все больше обострялись. Инспектор археологического общества уже чувствовал приближение решающих находок. У него было серьезное опасение, что Шлиман его обманет и что-нибудь утаит. За каждым шагом Шлимана Стаматаки следил неотступно, не позволяя увеличить число рабочих, дрожал, что Шлиман срует все неархаические стены. Шлиман бесился и кричал на Стаматаки. Софья поехала в Афины, чтобы добиться в министерстве смены инспектора. Ничего не помогало. Наконец, Шлиман написал такую телеграмму министру: «Чиновник устраивает невыносимые трудности. Если не прекратится, оставляю раскопки и немедленно уезжаю с женой в Америку».

Чтобы верней было, Софья вызвалась сама съездить в Навплию и отправить телеграмму.

Через два дня пришел успокоительный и примиряющий ответ от министра просвещения.

- Вот видишь,- сказал Шлиман жене,- с этими людьми надо действовать угрозами, только тогда чего-нибудь добьешься!

Софья одобрительно кивнула. До конца своих дней Шлиман так и не узнал, что составленная им грозная телеграмма была разорвана в клочки и выброшена на дороге между Микенами и Навплией. Вместо нее Софья составила и послала другую телеграмму - очень решительную, но гораздо более вежливую.

Через неделю после этого случая в глубокой шахте, вырытой посреди круга, было найдено золотое кольцо.

Немедленно отпустили всех рабочих. Вызванный из Аргоса отряд солдат окружил Микены кордоном. На акрополь никого не пропускали. Генрих и Софья Шлиман под неусыпным надзором Стаматаки раскапывали священные могилы.

Их нашли пять, как и написано у Павсания.

Трудней всего пришлось Софье. Двадцать пять дней простояла она на коленях в глубоком раскопе, ножом взрыхляя землю и вынимая один за другим золотые предметы. Эту работу она не хотела уступить никому. Действительно, быстрые и ловкие женские пальцы были здесь нужнее, чем мускулы мужчины.

Каждая могила представляла собой четырехугольную яму, выложенную камнем. Некоторые были высечены прямо в материковой скале. В могилах лежали кости, черепа и даже одна, мумия. Всего были собраны останки семнадцати человек: двенадцати мужчин, трех женщин и двоих детей. На нескольких черепах лежали маски - с необыкновенным искусством выдавленные тонкие золотые пластины! Они, несомненно, представляли собою портреты покойников.

Могилы были буквально набиты золотом. Пояса из золотых пластин, золотые бляхи, которые когда-то были пришиты к одежде, кольца, на которых игла древнего гравера с поразительным искусством изображала сцены охоты и сражений, золотые и серебряные кубки, золотые рукоятки мечей, золотые пуговицы с тончайшей чеканкой, маленькие золотые весы, золотые диадемы, запястья, алебастровые вазы, изделия из янтаря, геммы из сардониксов и аметиста.

Было от чего закружиться голове инспектора Стаматаки - тринадцать килограммов золота!

Шлиман ночью потихоньку вынимал одну из масок и целовал холодный золотой лоб. Он был уверен, что именно эта маска покрывала лицо

Агамемнона. В письме Шлимана к министру просвещения так и написано об этой маске: «Она очень похожа на портрет Агамемнона, который я давно нарисовал в своем воображении». Но в могилах было не только золото. Огромное количество бронзового оружия было закопано вместе с телами павших воинов.

В одной из могил оказалось восемьдесят мечей - целый арсенал по тем временам! Наконечники копий и стрел, ножи и кинжалы из микенских могил - неопределимый материал для характеристики строя и материальной культуры древнейшего греческого общества.

Изумительны найденные в могилах длинные мечи с вычеканенными на них изображениями. Даже по несовершенной репродукции можно составить представление о необычайной выразительности каждой линии рисунка, о ювелирном совершенстве и, прямо скажем, изощренности микенских мастеров. Львы, охотящиеся за газелями, борьба людей со львами, кошка, подстерегающая водяных птиц, - вот сюжеты этих украшений. Технически они выполнены чрезвычайно сложно. Львы и обнаженные части человеческих тел сделаны из золота, одежда и вооружение - из серебра, украшения и фон картины - эмалевые.

При взгляде на эти изображения оживает в памяти рассказ Гомера о том, как бог-кузнец Гефест создавал доспехи для Ахилла («Илиада», XVIII, 478-607).

Итак, Гомер вновь оказался прав! Микены по праву заслужили эпитет «златообильные», а скелеты, найденные в могилах, были безмолвными свидетелями и жертвами страшной трагедии, которая больше трех тысяч лет тому назад разыгралась в стенах дворца Агамемнона.

В самый разгар этих поразительных находок, когда из маленькой захолустной Навплии во все концы мира летели сенсационные телеграммы, произошел характерный случай.

Навплийский градоначальник донес начальству, что полицмейстер Навплии Леонид Леонардос получил от бразильского императора «на чай» тысячу франков, но тот раздал своим коллегам только сорок франков.

На следующий день полицейского выгнали со службы и отдали под суд, обвинив едва ли не в государственной измене.

Дело могло окончиться скверно. Но Шлиман вступился за неудачливого полицейского. Телеграмма за телеграммой летели в Афины. Все министерства и парламент были засыпаны доказательствами невинности Леонардоса. Наконец Шлиман послал лаконическую, но решительную телеграмму виновнику происшествия, дону Педро, находившемуся в Каире. Шлиман настаивал, чтобы император точно указал, какую именно сумму полицейский получил.

Дон Педро оказался в весьма неловком положении. Сорок франков «на чай» - это не очень щедро. Но Шлиман мог предать дело неприятной огласке. И пришлось дону Педро официально подтвердить, что он вручил Леонардосу для распределения между полицейскими «императорский подарок» в размере сорока франков. Полицмейстер был спасен.

Тем временем были закончены и раскопки. В телеграмме на имя греческого короля Шлиман официально передал все найденные в Микенах сокровища народу Греции. Эта телеграмма обошла всю мировую прессу. Наиболее серьезные газеты излагали отчеты Шлимана, печатавшиеся в «Таймсе»; газеты бульварного толка печатали сенсационные сообщения о найденном золоте. Даже московская охотнорядская «Газета Гатцука» в конце 1876 года сочла нужным сообщить: «Открытия г. Шлимана в его Микенских копиях начинают походить на фантастические...»

Трудно сейчас восстановить всю картину растерянности и зависти, которую вызвали в ученом мире микенские раскопки.

Только английские и отчасти французские ученые отнеслись со вниманием и уважением к открывателю Трои и Микен. Летом 1877 года Шлиман привез, в Лондон свое собрание троянских древностей, которое должно было быть выставлено в Кенсингтонском музее. Этот приезд был сенсацией, триумфальным шествием. Десять ученых обществ просили Шлимана сделать доклады на торжественных заседаниях. Три из этих приглашений Шлиман принял. Крупнейшая лондонская фотографическая фирма приобрела монопольное право на распространение портрета знаменитого археолога. Художник Тодж неделями ходил за Шлиманом, чтобы написать его портрет для Королевской академии. Шлиман впоследствии писал: «В Лондоне меня... в течение семи недель принимали так, будто я завоевал для Англии новую часть света».

Археологическое общество присудило почетные дипломы Шлиману и его жене. Софье, несмотря на нездоровье, пришлось приехать в Лондон, чтобы перед собранием виднейших ученых сделать доклад о своей работе.

Старик Гладстон, в свободное от политики время развлекавшийся изучением Гомера (без особой, впрочем, пользы для науки), очень тепло отнесся к Шлиману, пригласил к себе на завтрак и даже согласился написать предисловие к книге о Микенах.

Книга эта (в основном, правда, составленная из дневника и ранее печатавшихся статей) была написана Шлиманом по-английски с молниеносной быстротой - за два месяца. Затем он приступил к ее переводу на немецкий язык. Оба издания - лондонское и лейпцигское - вышли в 1878 году, за ними последовал французский перевод.

Книга «Микены» знаменует собой очень значительный этап в творческом научном развитии Шлимана. Она деловита, обстоятельна. В ней нет самоуверенного «я» - ведь иные места в предыдущих книгах Шлимана

были написаны в манере мемориальных надписей персидских царей, высекавших на скалах рассказы о своих победах и завоеваниях.

Но романтика воскрешения прошлого живет в книге о Микенах.

Вскрывая гробницы, наполненные скелетами и золотом, Шлиман не мог не вспомнить страшной картины побоища во дворце Агамемнона, не мог отказаться от мысли, что перед ним жертвы исторической трагедии.

При раскопках Микен был допущен ряд методологических ошибок и неверных домыслов (*В частности, оказалось, что на рассказ Павсания о могилах Атридов действительно нельзя было полагаться: после отъезда Шлимана из Микен оставшийся там Стаматаки продолжал раскопки и нашел возле могильной ограды еще одну, шестую, могилу, о которой Павсаний не упоминает. Вообще можно думать, что Павсаний не видел открытых Шлиманом на акрополе «шахтовых» могил, а подразумевал в своем описании купольные гробницы (толосы) нижнего города, которые видны были на поверхности земли*), но их уже гораздо меньше, чем в первой, троянской, кампании. Самое же главное заключалось в том, что в Микенах действительно была найдена новая культура, предшественница классической греческой. Еще не ясен бытовой и социальный уклад микенской эпохи, еще не известны исторические факты, никаких древних надписей в Микенах Шлиман не нашел, но новый мир для археологии открыт, и рамки истории побережья Эгейского моря отодвинуты далеко в глубь веков.

Это важнейшее достижение Шлимана оценили по достоинству наиболее вдумчивые из ученых. Кембриджский профессор Макс Мюллер писал Шлиману о троянских и микенских находках; «Хотя я сомневаюсь, чтобы к какому-нибудь из ваших сокровищ прикасалась рука Елены, я вижу, что появились важнейшие факты для науки о местной цивилизации той области, которую вы так терпеливо и успешно исследовали».

Теперь возникал вопрос о том, что общего у Микен и Трои с гомеровской эпохой, иными словами - как датировать новооткрытую культуру?

Шлиману было ясно, что ответ на этот вопрос дадут лишь дальнейшие упорные поиски. Он уже не рассчитывал исключительно на свои силы. В письме к одному афинскому археологу он пишет: «Я вижу, что сделал все, что мог. С моими знаниями невозможно сказать больше. Я знаю, насколько неполны и шатки мои аргументы, в особенности датировка, и поэтому я прошу вас немедленно сообщить, согласны ли вы мне помочь».

Но именно этой-то помощи Шлиман не получил. Наоборот, никогда еще не приходилось ему выслушивать столько издевательств и ругани, как после открытия микенского клада. Специалисты, а вслед за ними и газеты, обливали Шлимана грязью. Утверждали даже, что Шлиман сам подсунул золото в гробницы! В юмористических журналах появлялись стишки и карикатуры, высмеивавшие кладоискателя. Первое время Шлиман пытался отвечать на эти нападки, но газеты не помещали его полемических статей. Особенно распространены были такие нападки в Германии.

В разгоревшейся полемике ошибочную позицию занял и видный русский археолог, академик Л. Стефани, директор Эрмитажа. В то время в курганах Южной России и Украины были найдены знаменитые скифские могилы, наполненные замечательными золотыми изделиями (*Это непревзойденное по своему историческому и художественному значению собрание скифского золота хранится в Особой кладовой Государственного Эрмитажа в Ленинграде*). Увлеченный этими находками, Стефани построил теорию о «скифском происхождении» микенского золота. По Стефани, выходило, что скифы, совершив в III веке нашей эры нападение на пелопоннесские города, похоронили в Микенах своих предводителей, оставив в могилах золотые предметы, частью взятые в ограбленных городах Греции, частью же привезенные с собой.

К чести русской науки надо сказать, что эта построенная на песке теория недолго имела у нас хождение. Но на Западе подобные измышления сыпались как из рога изобилия. Одни профессора утверждали, что микенские древности были привезены из Индии, другие объявляли, что они - кельтские, третьи находили в них явные следы готического стиля (*Знаменитый археолог Курциус заявлял даже, что одна из микенских золотых масок представляет собой... византийское изображение Христа*).

Уже сама острота этой полемики показывала, какое исключительное значение должно было иметь для науки открытие Шлимана.

Семь городов

Все ты поёшь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Все очевидцев узнал ты...

«Одиссея», VIII. 489-492.

Но нашелся в Германии человек, который смело и последовательно выступил в защиту Шлимана. Описанию этого человека следовало бы посвятить много страниц, но, чтобы не уводить читателя далеко в сторону, приведем из книги Поля де Крюи «Охотники за микробами» несколько строк, посвященных «профессору Рудольфу Вирхову, величайшему немецкому ученому и патологу, человеку необычайной эрудиции, знавшему больше и о большем количестве вещей, чем шестьдесят ученых профессоров, взятых вместе... Вирхов был верховным законодателем немецкой медицины. ...Вирхов напечатал - не преувеличивая - тысячу ученых трудов на самые разнообразные темы, начиная со строения головы и носа у немецких школьничков до поразительной узости кровеносных сосудов у молодых, страдающих малокровием девиц». К почтительно-ироническому перечню Поля де Крюи можно прибавить многое: Вирхов был не только выдающимся медиком, создателем целлюлярной патологии, но и этнографом, этнологом, занимался географией, ботаникой, зоологией,

палеонтологией и историей первобытного общества, и во всех этих областях знания оставил солиднейшие исследования.

Кроме того, Рудольф Вирхов был видным политическим деятелем.

Избранный членом парламента, он возглавлял крайнее левое его крыло. Нужно помнить, что это были годы владычества Бисмарка. На этом фоне либерально-буржуазная идеология Вирхова казалась «красной». Он, особенно в первый период своей деятельности, смело выступал против всей системы политической реакции и захватнической колонизаторской политики Германии. В частности, Вирхов заслужил ненависть реакционных шовинистических кругов своими выступлениями в защиту евреев (сам он был немцем по происхождению).

И вот профессор Вирхов в 1877 году в городе Констанце, на конференции германского антропологического общества, добился того, что доктор Генрих Шлиман был избран почетным членом общества. Это избрание, однако, не остановило травли Шлимана в германской прессе. Нападки на Шлимана стали еще яростней. Всякий, кому не лень, пустился отыскивать ошибки в его сочинениях. Например, франкфуртский филолог Брентано, никогда в жизни не бывавший в Троаде, опубликовал брошюру «Древний Илиои в долине Думбрека». Брошюра доказывала, что никакой Трои в Гиссарлыке быть не может, что Трою надо искать в долине Думбрека, в тридцати стадиях (*Стадий - древнегреческая мера длины, равна приблизительно 180 метрам*) к востоку от Гиссарлыка, хотя с тем же основанием Брентано мог бы указать и западное направление, и северное, и южное; даже эта «кабинетная археология» нашла своих приверженцев. Однако, как писал Шлиман, «всей желчи немецких филологов не хватит, чтобы смыть в море забвенья гиссарлыкский холм, высотой в 50 футов и шириной в 300».

Все чаще мысли Шлимана возвращались к Трое.

Микены подтвердили подсказанное Троей предположение о существовании древней культуры, резко отличавшейся от античной. С опытом микенских раскопок нужно было вернуться на Гиссарлык, чтобы заново разобраться в путанице исторических слоев, в лабиринте стен и переходов, в особенностях росписи на вазах. Нужно было, наконец, обследовать окрестности Трои.

Шлиман стал хлопотать о новом султанском фирмане.

После щедрого дара константинопольскому музею отношения с турецким правительством установить было не трудно. Но в 1878 году Шлиман уже был, по выражению одного из его биографов, «великой археологической державой». Он предъявил свои требования; фирман должен был предоставить археологу право исследовать всю Троаду. Тут возникли затруднения. Опять Шлиман пустил в ход дипломатические связи, действуя и через американского посла, и через итальянского, и через английского.

Вирхов попытался помочь со своей стороны, но германское правительство вовсе не желало беспокоить по подобным поводам своего посла в Константинополе. Больше всего Шлиман надеялся на сэра Лэйарда, знаменитого археолога и ассириолога, который был недавно назначен британским послом при Высокой Порте (*Высокая Порта - официальное название (до 1918 года) турецкого правительства; первоначально наименование резиденции турецкого султана*).

Хлопоты затянулись, а Шлиман не любил терять времени. Он вновь поехал на остров Итаку. Десять лет прошло с тех пор, как Шлиман отправился в свое первое путешествие по следам Гомера. За эти годы многое изменилось на свете. Изменился и сам Шлиман - из богатого чудака-самоучки он превратился в известного археолога, об открытиях которого говорил весь мир.

А на Итаке все оставалось по-прежнему. Лесистые горы, каменные хижины пастухов на склонах, несколько деревушек и тихий город Вати - все было исполнено патриархальной простоты и гомеровской торжественности.

Шлиман повел раскопки методически: сначала он исследовал долину Полис. По одному преданию, здесь была расположена столица Одиссея. Шлиман был уверен, что это ошибка, и оказался прав. Все поисковые шурфы, заложенные в долине, не дали ни малейших следов архаического поселения. Найденные черепки не имели ничего общего с троянскими и микенскими вазами,- а это уже стало научным критерием: только троянско-микенский стиль мог свидетельствовать о принадлежности к гомеровской эпохе! Шлиман - странно сказать - был доволен тем, что ничего не нашел здесь.

Зато раскопки на горе Аэт дали замечательные результаты. Вскрылась большая крепостная стена циклопической кладки, защищавшая подступы к вершине горы. А на самом плато Шлиман нашел до ста девяноста развалин древних домов. Не было никакого сомнения, что здесь когда-то существовал цветущий город.

И вот тут-то Шлиман вдруг проявил необычайную сдержанность. Никаких широковещательных статей не поместил он в газетах, никаких домыслов не позволил себе! Этот циклопический город, по собственному утверждению Шлимана, «не имеет подобного себе в целом мире»; одно из местных преданий называет эти развалины «городом Одиссея», а в сообщении об этих находках Шлиман не дает никаких ссылок на Гомера, город он именует «так называемый город Одиссея» и ушатом холодной воды обливает англичанина Джелла, в 1807 году выпустившего фантастическое «гомерофильское» описание Итаки.

Десять лет прошло не даром. Шлиман 1878 года - уже не прежний восторженный турист, а ученый-исследователь, крупный археолог. Он не имеет права заблуждаться. Он знает, что гомеровская эпоха воплощена в

микенских памятниках, а в циклопическом городе на вершине Аэта нет следов микенского стиля, найденная там керамика напоминает лишь находки в доисторических, древнейших пластах Гиссарлыка.

Описание постройки, которую десять лет тому назад Шлиман прямо объявил «скотным двором Эвмея», сопровождается теперь лишь осторожным предположением: она «могла бы подать Гомеру мысль о двенадцати свиных закутах, построенных божественным пастухом». Дело в том, что опять-таки поблизости были найдены черепки глиняных горшков древнейшего, домикенского, стиля.

Но не надо думать, что «гомеровский экстаз» вовсе покинул Шлимана. Наоборот, еще глубже стало это увлечение. Глубже и серьезней. Шлиман писал: «Я призываю всех любителей Гомера посетить Итаку, потому что нигде в греческом мире воспоминание о греческой древности не сохранилось так живо и в такой чистоте, как здесь. Здесь каждая маленькая бухта, каждый источник, каждая скала, каждый холм, каждая оливковая рощица напоминают нам о божественном певце и его бессмертной «Одиссее», и одним прыжком переносимся мы в самый блестящий период греческого рыцарства и греческой поэзии».

Шлиман-археолог нашел на Итаке стены доисторических зданий и керамику, не имеющую ничего общего с Гомером. Шлиману-туристу, Шлиману-романтику достался гомеровский пейзаж: бухты, холмы и оливковые рощи Итаки.

Археолог и романтик ужились в одном человеке, перестали мешать друг другу, но не перестали друг другу помогать.

Это видно по результатам новой троянской кампании.

Только в конце сентября 1878 года Шлиман получил возможность начать работу на Гиссарлыке. Он покинул Афины. Софья на этот раз не поехала с ним: в марте этого года родился третий ребенок и был назван Агамемноном.

Шлиман на Гиссарлыке не торопился копать. Он возился с постройкой домов, складов и конюшен, устраивал кухню. В раскопах прокладывали рельсы узкоколейки для конных вагонеток. Подготовка велась солидная, в соответствии с новыми задачами, которые Шлиман поставил перед собой.

Наконец раскопки начались. Шлиман стал детально исследовать то здание, которое раньше назвал «дворцом Приама» (теперь он сдержанно именуется «домом царя или градоправителя»).

21 октября возле дома была найдена большая, грубо сделанная терракотовая ваза, наполненная доверху каким-то белым порошком. При находке случайно присутствовали офицеры с английского военного корабля «Монарх», зашедшего в Дарданеллы. Один из офицеров

зачерпнул из вазы горсть странного порошка и стал просеивать его сквозь пальцы, Через минуту на ладони любопытного офицера осталось... золотое кольцо.

Ваза оказалась наполненной золотыми предметами. Порошком ее засыпали, очевидно, из предосторожности.

Вскоре поблизости нашлись еще три клада, поменьше. Все они по характеру совпадали с первым Большим кладом 1873 года.

Зимние дожди принудили прекратить раскопки в конце ноября. Но уже в январе 1879 года Шлиман получил от Лэйарда радостную телеграмму: турецкое правительство обещало дать Шлиману фирман на исследование всей Троады и даже на производство топографической съемки.

В феврале Шлиман вернулся на Гиссарлык, а в марте он поехал в Дарданеллы встречать дорогого гостя - профессора Рудольфа Вирхова. Вместе с ним приехал и Эмиль Бюрнуф, директор французского археологического института в Афинах, археолог, ориенталист и инженер, горячий приверженец Шлимана. Бюрнуфа командировало в Трою французское министерство просвещения, тем самым официально проявившее свой интерес к троянским раскопкам.

Шлиман привез гостей на Гиссарлык, ввел их в дом, показал отведенные им комнаты и сказал:

- Ну, теперь устраивайтесь, как кому приятней,- у меня здесь республика...

С каждой вагонеткой земли, вывезенной из траншеи во время раскопок 1879 года, все полней раскрывались сооружения глубокой древности и... все трудней становилось разобраться в них.

Была откопана значительная часть городских стен, окружавших город. Большая башня оказалась состоящей из двух отдельных, в разное время построенных стен. В долине под холмом Шлиман нашел развалины огромного амфитеатра на несколько тысяч зрителей - очевидно, это был театр эллинистической Трои позднейшего времени. В самом холме обнажились стены еще нескольких зданий. Которое из них моложе, которое старше? Этот вопрос властно стал перед исследователями, подчинив себе все остальные проблемы.

Датировка поселений такого археологического ребуса, как Гиссарлык, представляла необычайные трудности. В старину строительная техника развивалась очень неторопливо, выбор материалов был невелик, и две стены схожей конструкции могли быть отделены друг от друга тысячелетним промежутком времени. Мало того, древнейшие дома Гиссарлыка строились по тому же плану, что и нынешние хижинки турецких крестьян: высокий каменный фундамент без окон и дверей, а над ним -

деревянная надстройка. Значит, внешний вид дома не давал достаточных оснований для его датировки. Глубина заложения фундамента сама по себе тоже не была мерилom: здания с фундаментами разной глубины могли возникнуть в одно время. Было бы легко составить план каждого «города» Трои, если бы они аккуратно лежали один над другим, как в слоеном пироге. Но обитатели, населявшие город в разные эпохи, не выравнивали поверхности каждый раз заново, а по большей части строили прямо на развалинах предыдущих поселений. Там, где раньше были руины большого сооружения, возникал дом, стоявший на несколько метров выше, чем соседний, поставленный на ранее незастроенном участке.

Кроме того, смена поселений не всегда обозначала полную смену культурной эпохи, города не разделены между собой «мертвыми» периодами, в течение которых на Гиссарлыке вовсе не обитали люди. Позднейшие дома строились не только на развалинах более ранних, но и рядом с ними. Часто сохранившийся старый дом просто перестраивался и приспособлялся к новым требованиям.

И все-таки Шлиману удалось разграничить слои, базируясь на некоторых особенностях конструкции стен и на датировке керамических находок. Он насчитал их семь - семь городов, один над другим. Первые два города (считая снизу) принадлежали, несомненно, к древнейшей, доисторической эпохе; следующим, третьим городом Шлиман считал собственно гомеровскую Трои (Он определял ее по «горелому слою»); над ним были два поселения «нищего слоя», бедные постройками; затем шестой город, предположительно отнесенный Шлиманом к эпохе лидийского владычества (не позже VII века до нашей эры) (*Забегая вперед, укажем, что именно «шестой» город теперь признан наукой «современником» Троянской войны, а по более точным позднейшим исследованиям в Трое найдено не семь, а девять поселений, из которых часть подразделяется, в свою очередь, на несколько периодов*) и, наконец, греческий город, так называемый Новый Илион, отстроенный и укрепленный Лисимахом и просуществовавший, вероятно, до IV или V столетия нашей эры.

В какую же глубочайшую древность уводили исследователя более ранние города Гиссарлыка, если и последний из них перестал существовать 1500 лет тому назад?

Взгляните на карты Древнего Востока, даже помещенные в сегодняшних, новых книгах. На юге - Египет, на востоке - Вавилония и Ассирия, история которых измеряется несколькими тысячелетиями. Восточное побережье Средиземного моря покрыто сплошь названиями городов. А на севере, там, где между Черным и Эгейским морями лежит выступ Малой Азии, - по существу, «белое пятно».

Могла ли Троида на самом деле быть «белым пятном»? Нет, конечно. Пять тысяч лет тому назад там жили какие-то племена. Развивались, боролись, сменялись общественные формации. Народы воевали и мирились, торговали друг с другом, заимствовали друг у друга культуру. История шла своим чередом. Но как восстановить ее? Египетские

памятники большей частью сохранились на поверхности земли, раскопки в Месопотамии обогатили науку ценнейшими клинописными документами, а города Гиссарлыка были скрыты под многометровым слоем земли, и в них не сохранилось ни одной древней надписи. Поэтому задача исследователя Трои оказалась бесконечно сложной, и работа по заполнению «белого пятна» на карте древности, так блистательно начатая Шлиманом, не завершена и, до сих пор. Но уже исследования первых лет в Трое и Микенах дали понять, что культуры Трои и Микен, несмотря на их своеобразие, не были совершенно изолированы от культур других народов и что древность их не уступает древности Египта и Вавилонии.

Исключительную помощь Шлиману оказал Вирхов. Всего три недели провели они вместе в Трое, но это время стоило нескольких лет. Вирхов был человеком не только обширных знаний, но и огромного научного опыта. Неудержимо любознательный исследователь, Вирхов в совершенстве владел искусством научной методики, он умел систематизировать и делать выводы. Шлиман не брал у Вирхова уроков, а Вирхов не пытался учить Шлимана. Но эти три недели совместной работы были одним сплошным уроком.

Они не только копали на Гиссарлыке. Вместе изъездили они всю Троаду, побывали у истоков Скамандра, ездили в деревню Ескистамбул, построенную на месте древнего города Александрии Троадской.

Так и ездили они верхом по холмам и болотам Троады - впереди Шлиман и Вирхов, за ними Бюрнуф, а позади - пять турецких жандармов, взятых для охраны на случай дорожных неожиданностей. Впрочем, едва ли местные разбойники напали бы на эту ученую кавалькаду: Шлиман давно уже стал популярным в троадских деревнях, как советчик в трудных случаях, предсказатель погоды и даже врач. А Вирхова Шлиман представлял в каждой деревне как величайшего врача в мире, и у знаменитого патолога не было недостатка в пациентах и поклонниках.

К седлу Бюрнуфа была привязана топографическая планшетка, в седельном мешке позвякивали приборы: он заново составлял карту Троады, исправляя карту, сделанную в 1840 году англичанами.

В окрестностях деревни Бунарбаши были снова обследованы руины, давшие когда-то повод к созданию теории «Троя - Бунарбаши». И Вирхов, и Бюрнуф вынуждены были подтвердить, что не было никаких оснований искать здесь сооружения глубокой древности: руины Бунарбаши не могли быть старше двух тысяч лет.

В Троаде есть множество искусственных холмов-курганов. Предание приписывало им героическую историю. Один курган считался могилой Ахилла, другой - Патрокла, третий - Гектора и т. д. Во время этих поездок Шлиман раскопал несколько курганов, но без особых результатов.

Вместе с Вирховым Шлиман взобрался на склон горы Иды, с вершины которой, по словам Гомера, Зевс наблюдал за битвой ахеев и троян. Теперь перед учеными расстилался серый, однообразный пейзаж - холмы, выжженная степь, несколько нищих деревушек. На горизонте выпукло поднималось ярко-синее море. Лошади неторопливо пробирались по сухому кустарнику. Медленно текла беседа. Вирхов осторожно переводил разговор с троянских древностей на вопросы сегодняшнего дня.

Речь шла о судьбе Большого клада.

Он был выставлен в Кенсингтонском музее. Тысячи людей ежедневно осматривали его. Но что же дальше? Останется ли он вечно в Лондоне? Или Шлиман будет возить его из города в город напоказ, как слона на ярмарке? Это бессмысленно да и опасно для сохранности коллекции.

А в Берлине готовится открытие Музея народоведения. Там будет собран богатейший исторический и этнографический материал. Вот где настоящее место для троянского золота!

Шлиман не шевельнулся в седле. Он равнодушно смотрел вперед. За последнее время Шлиман часто жаловался на усилившуюся тугоухость и боль в ушах. Вирхов повторял громче свои слова.

- Я слышу,- ответил Шлиман.- Троянское золото не для немецких филистеров.

И больше не проронил ни слова. Вирхов говорил о том, что есть другая Германия, не бисмаркская, не филистерская, не тупоумно-чиновничья, что есть трудолюбивый германский народ, который нуждается в культуре, который тянется к науке и умеет ее ценить. Шлиман молчал. И только на обратном пути, уже у подножия Гиссарлыка, он вдруг обернулся к Вирхову и хитро поглядел из-под очков.

- Я Бисмарку клада не продам. Но, может быть, я... пода рю его. На некоторых условиях...

Через несколько дней Вирхов уехал. По пути он собирался посетить Афины. Шлиман написал Софье, чтобы она самым внимательным образом встретила гостя, приготовила изысканный ужин, показала сад и проект будущего дома.

В письме была забавная приписка: «Говори с ним по-английски и по-французски, только не по-немецки, - в первых двух языках ты сильнее его».

С той весны началась оживленная переписка между Шлиманом и Вирховым, длившаяся двенадцать лет. История взаимоотношений этих двух людей очень интересна. Они часто ссорились. Однажды дочь Вирхова по случаю семейного торжества получила от Шлимана в подарок драгоценное

бриллиантовое кольцо (Колье (франц.) - род ожерелья из драгоценных камней), которое стоило дороже, чем вся обстановка профессорской квартиры. Вирхов вышел из себя и немедленно отослал кольцо обратно. В другой раз Шлиман узнал, что Вирхов подготовил к печати небольшую статью о черепках, найденных в древних захоронениях Трояды. Немедленно в Берлин полетели истерические телеграммы, угрожавшие вечным разрывом: Вирхов обещал все свои работы о Трояде печатать только в качестве приложений к книгам Шлимана.

Но эти недоразумения быстро улаживались. Вирхов искренне любил Шлимана за юношеский задор и энергию, за безраздельную преданность науке, за готовность идти на эксперименты, за вечное стремление к новому. Шлиман же просто пре клонялся перед Вирховым и никогда не забывал об огромной моральной поддержке, которую тот ему оказал в трудные годы.

Вообще в этой дружбе Вирхов был стороной страдающей. Заваленный необъятной научной и политической работой, он должен был находить время и силы для обстоятельных ответов на сотни вопросов, которыми были полны письма Шлимана. Вопросы касались всего на свете: ботаники и химии, геологии и медицины, домашнего хозяйства и воспитания детей. Однажды Шлиман нашел в турецкой деревушке тяжелобольного ребенка. Не рискуя действовать арникой и касторкой, самозванный врач подробнейшим образом описал Вирхову симптомы болезни и потребовал совета. Через несколько дней пришел ответ с приложением нужных рецептов. Ребенок был спасен.

На научном росте Шлимана влияние Вирхова сказалось самым благотворным образом. Часто Вирхов не стеснялся в упреках. Возник спор о датировке одного из слоев Гиссарлыка. Шлиман ошибся и был принужден взять свои утверждения обратно. Вирхов писал ему по этому поводу: «В этом отношении вы всегда больше прислушивались к Бюрнуфу, который немедленно изрекал приговор, чем ко мне, который как естествоиспытатель более сдержан и поэтому приносил меньше удовлетворения». Все время Вирхов уговаривал Шлимана не спешить с выводами и не разбрасываться в раскопках Трояды: «Вы все сделаете наполовину, или на четверть, или на восьмую, или еще меньше, а потом придется вносить поправки. Я бы на вашем месте с большей сосредоточенностью остановился на Гиссарлыке». И напоминает: «Ненависть филологов к вам не исчезла, она лишь притаилась».

Наряду с серьезной научной помощью Вирхову приходилось выполнять самые неожиданные поручения, например, подыскивать гувернантку для Андромахи. Нашлась наконец вполне подходящая особа, некая фрейлейн Мария Мелин. Но Шлиман потребовал, чтобы она приняла древнегреческое имя Икава (Гекуба). Фрейлейн отказалась наотрез. Тогда Шлиман пишет: «Если ей не по душе имя Гекубы, пусть она назовется Клитемнестрой, Лаодикией, Бризеидой, Тиро, Гиппокастой или каким-нибудь другим

гомеровским именем, только не Марией, потому что мы живем в греческом мире».

Фрейлейн Мелин выбрала себе наконец имя Бризеиды. Знала ли благонравная гувернантка, что так называлась наложница Ахилла, впоследствии отнятая Агамемноном? Сам Шлиман не искал никакой символики в этих греческих именах, - он просто хотел, чтобы у него дома ничто не нарушало гомеровской атмосферы.

Ради этой атмосферы был построен и его новый дом на Университетской улице.

Снаружи здание это, пожалуй, мало чем отличается от многих богатых особняков, какие строились в ту пору. Но вот описание одного современника: «Этот дворец представляет собой среди роскошного сада мраморное здание в два этажа. Между первым и вторым этажами большими золотыми буквами обозначено название постройки: «Дворец Илиона». В нижнем этаже помещается «Музей Шлимана», где собраны найденные им редкости из троянских раскопок... Первый этаж занят жилыми помещениями и большим, блестяще убраным торжественным залом. В эти покои ведет широкая мраморная лестница, чудо архитектуры - она не имеет опоры, а как бы висит в воздухе. Вся, мебель выдержана в древнегреческом стиле. Танагрские статуэтки (*Танагра - город в Беотии (Средняя Греция), где было найдено множество античных терракотовых статуэток реалистического стиля*) и произведения античной керамики украшают комнаты. На мозаичном полу изображены важнейшие экземпляры троянских ваз и урн, вдоль стен - фризы с классическими пейзажами и эпизодами из «Илиады», перемешанные со стихами Гомера. Над каждой комнатой на языке Гомера указано ее название. Подобная же мраморная лестница ведет в святая святых: в рабочие комнаты, помещающиеся во втором этаже, из которых особое внимание привлекает библиотека. Целые ряды полок, с полу до потолка, заполнены тут исключительно рукописями самого Шлимана. Над библиотекой значится изречение Пифагора: «Кто не учится геометрии, тот не входи» (*Ф. Булгаков, Шлиман и его археологическая деятельность («Исторический вестник», 1891, № 2.)*).

Дом был еще недостроен, мозаичники шлифовали полы, на крыше устанавливали двадцать четыре статуи греческих богов и богинь, а хозяин уже стоял в кабинете перед высокой конторкой (по старой привычке он работал стоя) и читал корректуру новой книги.

Она называлась: «Илион, город и страна троян. Исследования и открытия в Троеде и в особенности на месте сооружения Трои».

Это был капитальнейший том в 900 страниц с 1800 иллюстрациями, с картами и чертежами. Здесь подробнейшим образом излагалось все, что наука знала об истории Трои, приводились обстоятельные данные по физической географии, климатологии, флоре и фауне страны, ее топографии и этнографии. Затем изложена была история «троянского

вопроса», начиная с Деметрия из Скепсиса (*Деметрий из Скепсиса - древнегреческий историк, написал книгу «Троянское мироздание», в которой рассмотрены гомеровские древности*) и средневековых путешественников до последнего времени. И лишь с 240-й страницы начиналось описание материалов, добытых в результате раскопок.

Эта книга была написана не одним Шлиманом. Полтора страница в ней занимают статьи ряда виднейших специалистов, разработавших отдельные частные вопросы. Список этих статей показателен: 1. «Троя и Гиссарлык» - проф. Вирхов. 2. «Отношение Нового Илиона к Илиону Гомера» - проф. Дж. П. Махеффи (Дублин). 3. «Надписи Гиссарлыка» - проф. А. Сейс (Оксфорд). 4. «Тимбра и Ханайтепе (курганы Трои)» - Франк Кальверт. 5. «Врачебная практика в Трое» - проф. Вирхов. 6. «Список растений Трои» - по материалам Вирхова, Шмидта, Чихачева и др. составил проф. Ашерсон (Берлин). 7. «Утерянное искусство закалки меди» - А. Дж. Деффилд (Лондон). 8. «Волоокая Гера» и 9. «Троя и Египет» - проф. Бругшбей (Берлин). Карты и планы составлены по чертежам Э. Бюрнуфа и М. Горкевича.

Глубоко содержательное и блестящее по форме предисловие к книге написал Вирхов.

Получилось подлинное интернациональное содружество ученых! И это - в книге Шлимана, маниакального самоучки, который начал свою научную работу с того, что противопоставил свои утверждения всем аксиомам официальной науки! Для создания подобного содружества Шлиману не пришлось отказываться от своего основного принципа - от веры в реальность народного предания. Наоборот, виднейшие ученые всех стран пришли к Шлиману, когда убедились в огромной внутренней правоте этого человека.

Необыкновенное впечатление производит эта книга. В ней много ошибок с точки зрения современной науки. Значительную часть этих ошибок впоследствии обнаружил и исправил сам Шлиман в процессе дальнейших исследований.

У каждого археолога неизбежны на первых порах ошибки, вызванные и недостаточностью материала, и собственными увлечениями, и предвзятыми теориями прежних исследователей. Слишком велик был открытый Шлиманом новый археологический материк, чтобы точно измерить его, взойдя на первую прибрежную вершину.

Но ошибки не мешают книге быть по-настоящему обаятельной.

При внешней сухости и строгой научности изложения она согрета истинной поэзией. Сила воображения Шлимана восстанавливает бессмертные гомеровские образы, вводит читателя в древнейшую эпоху истории Трои, превращая её из «доисторической» в историческую, конкретную, поддающуюся изучению.

Конечно, наивно было бы искать в книге «Илион» подлинную историю в нашем понимании. В те годы материалистическое понимание истории уже было сформулировано в гениальных произведениях Маркса и Энгельса, но, чуждый интереса к социальным учениям, Шлиман и не думал о том, чтобы анализировать структуру той древней общественной формации, материальные остатки которой он извлек из глубины гиссарлыкского холма. Однако в отличие от других буржуазных ученых он не пытался и «модернизировать» историю, не изображал царя Приама королем на современный манер. Шлимана нельзя упрекнуть в искажении исторической действительности ради пропаганды «вечности» царской власти. «Придворными лакеями» называл подобных лжеисториков Маркс. Шлиман не принадлежал к их числу.

«Илион» вышел в 1881 году сначала на английском, затем в переводе автора - на немецком языке. Нужно сказать, что большого читательского успеха книга не имела. Это был не дневник, как прежние книги Шлимана, а научная работа, слишком громоздкая даже для специалистов. Шлиман возложил на себя гигантский труд - систематически исследовать и воссоздать всю гомеровскую Грецию. «Илион» был первым звеном этой цепи.

Особенно интересно в книге ее «Введение». Это - автобиография Шлимана; в основе ее лежит та краткая автобиография, которая была помещена в «Итаке, Пелопоннесе и Трое». Но теперь это уже развернутое жизнеописание, почти исповедь. Нужно учесть, что оно писалось после только что совершенных потрясающих открытий в Трое и Микенах. В свете этих открытий каждый мелкий факт прошлого приобретал в глазах самого Шлимана символическое значение. Разговор с отцом о пожаре Трои вырос в решение восьмилетнего мальчика откопать гомеровский город. Неудачный юношеский роман с Минной Мейнке приобрел характер глубочайшей душевной драмы, из которой родилось решение «показать себя достойным ее любви». Отсюда якобы - изучение языков, торговая деятельность для создания «материальной базы» и, на склоне лет, осуществление детской мечты о Трое...

Автобиография Шлимана вызвала много шума и много нареканий - частью совершенно справедливых. Уже в конце XIX века французский археолог Шарль Диль в очерке о Шлимане характеризовал его автобиографию, как «изумительное смешение деланной наивности и самого чистосердечного самомнения, странное соединение коммерческой жилки, понимания всяких торговых и выгодных дел, с одной стороны, и живого религиозного чувства - с другой, религиозного, правда, в несколько немецком смысле слова, которым охотно конфискуется в свою пользу монополия божественного покровительства; тут рядом со страстью к археологии и другим наукам видна и достаточно сильная доля немецкой сентиментальности: особенно поражает удивительная вера в самого себя, - вся, полная приключений, жизнь Шлимана, по-видимому, оправдывала такую веру». Нужно, впрочем, заметить, что религиозность Шлимана

остаётся под сомнением; в автобиографии он пишет: «небо благословило мои предприятия», а в личной жизни воюет с попами и на каждом шагу взывает к Афине Палладе и всем греческим богам, к которым он явно испытывает больше благоговения, чем к официальному христианскому богу... В «исповеди» Шлимана многое недоговорено, многое преувеличено, но в каждой строке отражается стремительный его темперамент, его своеобразная личность со всеми достоинствами и недостатками, и по «необъективной» автобиографии можно восстановить истинный облик этого человека.

Да и вообще, какая автобиография бывает совершенно объективной?

Когда книга вышла, Шлиман раздобыл адрес Минны Мейнке - она была ещё жива - и написал ей письмо. Там, между прочим, говорилось: «Если ты найдешь, что я через пятьдесят лет описал нашу дружбу в преувеличенных чертах, ты не рассердишься и припишешь это моей давней привязанности. При нынешних обстоятельствах все мои домыслы могут тебе послужить лишь к вящей чести, и все немецкие женщины хотели бы быть увековечены подобным образом... Скоро ты (благодаря французскому переводу «Илиона») так же прославишься во Франции и во всех французских колониях, как прославилась в Германии. Не посетишь ли ты нас как-нибудь в Афинах или, ещё лучше, в Трое? Ты встретишь, если сравнивать малое с великим, столь же сердечный и лишь менее пышный прием, какой встретила Клеопатра у Юлия Цезаря в Риме, и я охотно вышлю тебе денег на дорогу. В Троеде можно увидеть иногда по двадцать аистов на одной крыше».

Шлиман трезво оценивает провинциальную немочку, в которую был когда-то влюблен. Недаром он пишет о популярности «во всех французских колониях». Новый Цезарь предлагает выслать новой Клеопатре деньги на билет! Это очень занятная черточка для характеристики отношения самого Шлимана к тем превыспренне-романтическим страницам, которые посвящены Минне в «Автобиографии».

Цена клада

Ты высылаешь куда-либо столько богатств драгоценных
К чуждым народам, дабы хоть они у тебя уцелели?
«Илиада». XXIV, 381-382.

Полтора года заняла работа над книгой «Илион», к зиме 1880 года она была закончена. Казалось, завершён огромный труд и настала пора передохнуть.

Но не было времени. Жизнь шла к концу, и нужно было беречь минуты. Шлиман чувствовал себя крепким и бодрым, несмотря на свои пятьдесят

восемь лет, но впереди еще стояли грандиозные задачи. План изучения гомеровских городов далеко не был осуществлен.

Едва отослав рукопись издателю, Шлиман поехал в Орхомен Беотийский.

Славился Орхомен развалинами «сокровищницы царя Миния» - большим подземным сооружением, о котором сложено было много легенд. «Сокровищ я там наверняка не найду», - предупреждал Шлиман в одном из писем. Целью орхоменской экспедиции является расширение границ «гомеровского» мира, границ распространения микенской культуры, Находки в Орхомене не возбудили шумных толков в публике, кладов действительно не нашлось. Но археологическая задача была выполнена блестяще. В статье, написанной для русского «Журнала министерства народного просвещения» (июнь, 1881 г.), Шлиман дает краткий обзор орхоменских раскопок. Приводим выдержки из этой статьи; по ней можно судить о манере писания Шлимана. Опускаем цифровые данные и маловажные подробности. Явные погрешности перевода исправлены нами.

«Сокровищница Миния, которую я раскопал в обществе постоянной моей сотрудницы, жены моей, выстроена из черного мрамора (*Мрамор этот, по словам Шлимана, с течением времени посветлел*) и, так же, как подобные ей постройки в Микенах, имеет форму улья. Павсаний, посетивший ее около 170 года по Р. Хр., нашел ее еще в целости. По-видимому, первое разрушение ее произошло в 874 г. по Р. Хр., так как к этому году относится основание соседнего монастыря и его церкви, построенной главным образом из больших плит сокровищницы... Подобно так называемой сокровищнице Атрея в Микенах, орхоменская сокровищница состоит из правильных горизонтальных рядов обтесанных плит. В восьми нижних рядах каждый камень еще находится на своем месте: от девятого ряда сохранилось только девять плит...

Весьма замечателен тот факт, что, подобно тому, как в вышеуказанной микенской сокровищнице, начиная с пятого ряда (включительно) вверх, каждый камень имеет отверстие с остатками бронзового гвоздя... Под... грудой камней, которые несомненно упали внутрь сокровищницы, когда вынуты были большие плиты для постройки церкви, я нашел пятьдесят или шестьдесят еще таких же больших плит, которые ускользнули от рук разрушителей... Под этими большими плитами находился еще целый ряд слоев золы и других сгоревших веществ... представлявших собою, по-видимому, остаток жертвоприношений... Там же найдены две небольшие мраморные колонки... Одна из них имеет чрезвычайное сходство по форме с той, которая находится между двумя львами в Микенах; нигде в другом месте такая форма колонн доселе не обнаружена...

Самое замечательное из наших открытий - терем (таламос) в сокровищнице и именно с восточной стороны ее. Вход в него образуется небольшим коридором, конец которого отчасти засыпан обрушившимся мраморным потолком таламоса. Потолок этот состоит из очень больших мраморных плит... совершенно покрытых хорошо изваянными спиралями, переплетенными большими, весьма красивыми листьями; эти изваяния

окружены двумя каймами, из которых внешняя состоит из маленьких четырехугольников, а внутренняя - из очень больших розеток, каждая с шестнадцатью тройными цветочными лепестками. Этот поголок обрушился, кажется, только лет десять тому назад под давлением лежавшей на ней земляной массы: так, все жители Скрипу (грязной деревеньки, которая теперь занимает отчасти местность древнего Орхомена) единогласно говорят, что приблизительно в то время на этом месте внезапно с сильным шумом провалилась земля и образовалась глубокая впадина... Мотивы изваяний на потолке ничуть не походят на те, которые я нашел в Микенах, и гораздо художественнее их...

В высшей степени замечателен тот факт, что в Орхомене встречаются на весьма незначительной глубине цветные терракотовые вазы со спиральями и другими микенскими орнаментами, а также кубки той же формы и цвета, как в Микенах...

Второе разрушение сокровищницы произошло в 1862 году вследствие набожного усердия тогдашнего димарха (*Димарх - староста*) деревни Скрипу, по имени Сурдакиса; он велел вытащить все плиты до тех пор хорошо сохранившегося входа и построил из них маленькую церковь, хотя в деревне были уже две большие церкви, из которых каждая достаточно велика для того, чтобы сразу вместить в себе жителей не только Скрипу, но и всех окрестных деревень. Мраморные плиты были так велики, что этот благочестивый муж мог из многих выделывать целые колонны. Он имел уже намерение приступить к разрушению самой сокровищницы, когда, к счастью, вандализм его сделался известен в Афинах и министерство положило ему конец...

...Мы снабжены были весьма жалкими орудиями: наши лучшие инструменты, тачки и машины для раскапывания остаются еще в Трое, так как мы намерены продолжать наши исследования в Троеде. Этим работам посвятим мы всю нашу жизнь».

Итак, если Орхомен родствен Микенам, можно уже было уверенно говорить не об изолированном «оазисе» новооткрытой культуры, а о широком ее распространении. Необходимо было начать планомерное изучение всего побережья Эгейского моря. И мало того, некоторые находки в Микенах (страусовое яйцо, многие статуэтки и т. п.) заставляли задуматься о связи Греции гомеровской эпохи с Древним Египтом. Орхоменские орнаменты подтверждали существование этой связи.

Ранней весной 1881 года Шлиман на некоторое время возобновил раскопки в Орхомене, несмотря на всяческие помехи со стороны греческих властей: опять археологи и чиновники забились тревогой, ожидая, что Шлиман откроет несметные сокровища и утаит их. Шлиман же лишь уточнял свои находки. Он пригласил в Орхомен ассириолога Сейса, который подтвердил «восточный» характер орнаментов.

Чертежи и планы Орхомена сделали по заказу Шлимана три молодых архитектора, работавшие до того на раскопках Олимпии. Одному из них, Вильгельму Дерпфельду, пришлось в будущем стать ближайшим сотрудником Шлимана.

Отчет о раскопках в Орхомене - небольшая брошюра, на писанная в очень деловом тоне,- был сдан в печать летом 1881 года одновременно с брошюрой о новой поездке в Троаду. Эту повторную рекогносцировку Шлиман совершил в мае, чтобы заново осмотреть всю троядскую область и установить, есть ли на восточном побережье Эгейского моря остатки поселений, равные по древности Гиссарлыку. Шлиман писал: «Я очень доволен результатами своей трудной поездки... В то время как на Гиссарлыке над четырнадцатиметровой толщей доисторических развалин лежит еще двухметровый слой руин эллинистического времени, во всей Троаде, между Геллеспонтом, Адрамитейским заливом и горой Идой нет ни одного места, где имелись бы доисторические руины, за исключением Куршунлутепе: там есть слой древнего мусора толщиной в один метр, и под ним может оказаться несколько доисторических черепков».

Эта поездка нанесла еще один удар тем, кто хотел искать Трою вне Гиссарлыка. Вместе с тем она еще раз убедила Шлимана в необходимости продолжать исследование Трои на базе новых, накопившихся за два года фактов.

Но сначала нужно было окончательно решить судьбу троянского золота.

Черепкам и вазам, бронзовым ножам и мраморным барельефам, найденным в Гиссарлыке, было хорошо и уютно в обширных комнатах «дворца Илиона». Но золото здесь нельзя было хранить,- и не только потому, что могли ограбить. Шлиман чувствовал, что подобного рода сокровище в руках частного владельца - нелепость, бессмыслица. Оно должно принадлежать целой нации. Поэтому он все время делал попытки передать «клад Приама» (будем его так называть) какому-либо государству.

Уже давно Шлиман предлагал русскому правительству троянское собрание за 40 тысяч фунтов стерлингов (с Британского музея он потребовал 80 тысяч), «так как я двадцать лет своей жизни провел в Петербурге и все мои симпатии принадлежат России. Во всяком случае... Россия... будет иметь преимущества перед всеми другими странами, потому что там я составил свое богатство, и, кроме того, мне очень хотелось бы предпринять археологические раскопки в сердце России, где так много древних городов нетерпеливо рвутся на свет».

Но финансовые, дипломатические и всякие другие затруднения закрыли перед Шлиманом вход в Эрмитаж точно так же, как закрыли они двери Лувра и Британского музея.

Рудольф Вирхов все старался смягчить Шлимана и добиться, чтобы «клад Приама» перешел к Германии. Еще в 1879 году, по возвращении из

Трои, Вирхов сообщил своему упрямому другу, что хлопчет об ордене для него. Это была попытка воздействовать на слабую струнку - тщеславие. Однако Шлиман решительно отказался от «декорации» и посоветовал отдать орден Кальверту, который в тридцатипятиградусную жару являлся к обеду без пиджака и галстука, но с орденом Почетного легиона. О продаже или передаче клада Германии Шлиман и слышать не хотел. Наоборот, он вновь написал в Петербург. Но отношения с Эрмитажем почему-то не налаживались. Троянское золото оставалось беспризорным.

И вдруг Шлиман сообщил Вирхову, что согласен передать клад Германии, но на определенных условиях.

И по существу и по форме эти условия напоминали ультиматум победителя. Вот они:

- чтобы клад, как дар Генриха Шлимана, был выставлен навеки в специальных «шлиманских» залах;
- чтобы на предложение Шлимана о передаче клада германский император ответил собственноручным благодарственным письмом;
- чтобы Шлиман и Софья, а также ряд лиц, помогавших в раскопках Гиссарлыка, были награждены орденами и, наконец,
- чтобы Шлиман был избран почетным гражданином города Берлина.

Последнее условие было просто неслыханно: за все время существования Берлина только два человека удостоились избрания почетными гражданами. Это были граф Мольтке и князь Бисмарк. Шлиман потребовал одинаковых с ними почестей. Вначале немцы наотрез отказались.

Но Вирхов решил добиться своего во что бы то ни стало. Он пытался заставить Шлимана изменить условия, напоминал ему недавний отказ от ордена и т. п. Уговоры лишь сильнее ожесточили Шлимана. Тогда Вирхов стал добиваться осуществления поставленных условий, пустил в ход все свое политическое влияние и весь свой научный авторитет. Он уговаривал директоров музеев, часами просиживал в приемной министра просвещения Путкаммера, выступал в рейхстаге, даже обращался через посредников к Бисмарку. Вместе с тем ему пришлось потратить много сил на то, чтобы уговорить... жену Шлимана. Софья категорически протестовала против передачи «клада Приама» немцам, и ее влияние могло охладить задор, толкнувший Шлимана на это решение. Лишь в конце 1880 года Вирхов составил (от имени Шлимана) текст предложения Путкаммеру. Было решено, что Шлиман получит все, что требовал.

Шлиман гордым жестом протянул Германии свой драгоценный подарок. Одновременно в частном письме к директору берлинских музеев, Рихарду Шене, он указал, что расходы, понесенные им при раскопках Трои,

исчисляются солидной суммой в 16 тысяч фунтов стерлингов, не считая 150 тысяч франков, истраченных во время тяжбы с турками - на взятки, судебные издержки и штраф. Никакого возмещения этих расходов Шлиман не хотел. Он желал только «посмотреть, какой прием будет оказан его подарку», и в зависимости от этого приема обещал решить судьбу той части троянской коллекции (ваз, скульптур и др.), которая хранилась в его афинском особняке.

В июле 1881 года Шлиман с женой приехали в Берлин. В городской ратуше состоялось торжественное чествование нового почетного гражданина Берлина - американца по паспорту, русского по деньгам, грека по пристрастию. Бывший нищий, изгой, выскочка, самоучка, возбуждавший зависть и ненависть всех немецких гелертеров, ныне сидел на почетном месте в ратуше, и кронпринц Фридрих под руку вел его жену к торжественному обеду.

Такова сила денег в капиталистическом обществе. Конечно, не из чистой любви к науке Бисмарк согласился на все эти почести, оказанные Шлиману. Магическую силу имеет золото, когда оно становится фетишем, пусть даже это троянское золото, которое нельзя было перелить в монету, - оно раскрывало перед его обладателем все двери, включая и двери берлинской ратуши.

А Шлиман продолжал свою сдержанную фронду - без улыбки, с самым серьезным видом, но от того еще более оскорбительную. Верхом бестактности с его стороны было пригласить на берлинское торжество из Мекленбурга своих трех сестер с мужьями; они потели, топали ногами и мрачно важничали, а от их старомодных деревенских платьев и сюртуков на версту несло нюхательным табаком, который в те времена заменял нафталин. Посадить деревенского пастора и двух фермеров за один стол с кронпринцем - это была безграничная наглость, но и ее пришлось стерпеть!

Ждали, по крайней мере, что Шлиман объявит о своем переезде в Берлин и переходе в германское подданство. Но этого он вовсе не собирался делать. Едва окончились «шлиманские торжества», он немедленно вернулся в Афины.

За «клад Приама» Шлиман мог не беспокоиться: выставочные залы были оборудованы согласно всем требованиям дарителя, и самые аккуратные немецкие археологи засели за составление подробного каталога коллекции троянского золота.

В Афинах началась подготовка к новой троянской экспедиции. Нужно было опять хлопотать о фирмане. Германский посол в Константинополе, Гатцфельд, отнесся к просьбе Шлимана очень холодно, а Бисмарк не пожелал даже ответить на телеграмму. Тогда Шлиман в письмах к Вирхову начал яростную кампанию за то, чтобы правительство заменило Гатцфельда фон Радовицем, тогдашним послом в Афинах. Из этого,

конечно, ничего не вышло (спустя некоторое время Радовиц действительно был переведен в Константинополь, но не благодаря Шлиману). Наконец Шлиман улучил время, когда Гатцфельд был в отпуску, помчался в Константинополь и там выхлопотал фирман.

Затем он стал подбирать себе сотрудников.

В октябре 1881 года к нему пришел Дерпфельд (*Здесь автор ошибается. Вильгельм Дерпфельд принимал участие уже в раскопках Орхомёна в 1880 году*).

- Для меня будет высокой честью и радостью возможность работать под вашим руководством, - сказал он.

Сотрудник и ученик Курциуса, участник раскопок Олимпии, ученый-архитектор, предлагал свои услуги ему - Шлиману. Это была большая моральная победа. Но Шлиман колебался.

- Сейчас уже поздно, раскопок не будет, я буду рад поговорить с вами весной... - и уехал в Трою с архитекторами Горкевичем и Гефлером, чтобы провести подготовительную работу.

Вскоре он вернулся в Афины. А в феврале к нему вновь явился Дерпфельд, готовый ради Трои забросить свою основную работу (незадолго до того он был назначен секретарем археологического института в Афинах).

На этот раз Шлиман согласился. В марте 1882 года на Гиссарлыке возобновились раскопки. Дерпфельд и Гефлер обмеряли стены, изучали их, наносили на план. Помощь опытных архитекторов оказалась неоценимой. Многие стены и здания получили новый смысл на чертеже Дерпфельда. Заново пришлось пересмотреть датировку слоев, совсем другие очертания приобрел «храм Афины», «горелый слой» оказался не третьим снизу, а вторым, и в нем ясны стали два «города»: один - старший, циклопической постройки, очевидно, более достойный названия города, напоминающего гомеровскую Трою, а другой - более поздний, состоящий из небольших, бедных сооружений. В циклопическом городе найдены были остатки обширного жилища, состоящего из трех частей, - оно кое в чем соответствовало описанию дворца у Гомера.

И, наконец, в долине были найдены несомненные следы города. Это как будто означало, что на плато Гиссарлыка действительно помещался лишь «Пергам Приама» - городская крепость, а самый город был внизу, в долине. Снова Шлиман вернулся к своему старому, отброшенному было тезису о «большой Трое», но на этот раз уже на основании фактов, а не предложений.

Это была тяжелая кампания. Сначала стояли невыносимые морозы, потом, с весны, началась жара.

У Шлимана от пыли воспалились глаза, он почти ничего не видел. Многие его письма того времени написаны рукой Дерпфельда, под диктовку. Кроме того, он гложнул. Малярия возобновилась, хинин перестал помогать. Стала изменять память. Однажды он сел писать письмо по-древнегречески и с ужасом почувствовал, что не может написать ни строки - он забыл все слова до единого. Он измерил себе температуру - оказалось 40°. А на дворе термометр в тени показывал 41°. Страшным усилием воли он победил приступ болезни и все-таки написал письмо, а потом свалился в беспамятстве.

К болезни, к жаре, к глухоте прибавились новые неприятности с турками: вдруг архитекторам категорически запретили чертить планы на том основании, что в шести километрах от Гиссарлыка находился военный форт Кумкале. Не позволяли даже обмерять стены шнурками. Опять пришлось хлопотать, писать письма и телеграммы и, несмотря на жестокий приступ малярии, скакать верхом в Дарданеллы, чтобы объясняться с военными властями.

Но в Афины он вернулся полный воодушевления и энергии, готовый немедленно засесть за новую книгу о Трое. Это должна была быть капитально переработанная, дополненная, исправленная и сокращенная вдвое книга «Илион». На самом же деле получился совершенно новый труд, знаменовавший более высокий этап не только в работе Шлимана, но и во всей трактовке накопленных им за десять лет археологических фактов.

Особняк на Университетской улице был окончательно отделан. Шлиман ходил по высоким, гулким комнатам: в доме не было ковров и драпировок, хозяин запретил их из гигиенических соображений (Софье не удалось добиться занавесок даже для своего будуара). Высокие стулья с красивыми спинками стояли как музейные экспонаты - на них было неудобно сидеть. В доме царил образцовый, педантичный порядок. Каждый день за обедом хозяин объявлял, на каком языке должна вестись беседа,- и горе Андромахе, если вместо «Μεγάλη, μάμα!» она говорила «Thank you, мамту», - ее немедленно штрафовали на десять лепт (*Лепта - мелкая греческая монета*), которые она вносила из своих карманных денег.

Шлиман вставал ровно в 3 часа 45 минут утра (в зимние месяцы - на час позже) и в сопровождении жены или дочери скакал верхом на пляж, совершенно пустынный в эту пору. Плавал Шлиман очень хорошо и далеко заплывал в море. После купания - спартанский завтрак, и Шлиман уходил в кабинет. Оттуда уже никакие силы природы не могли его вырвать, пока он не заканчивал своих дел, намеченных на данный день.

В общем, в доме было не очень весело, но ничто не отвлекало от работы,- а ее было необъятно много: книгу нужно было, по обычаю, написать на английском языке, потом перевести на немецкий, держать корректуру французского текста, писать десятки писем, успевать прочитывать всю текущую литературу... И в то же время он успевал

заниматься такими вещами, как агитация за разведение эвкалиптов на улицах Афин. Он привез сотню молодых эвкалиптов, вырытых с корнями, и раздал местным домовладельцам. Из сотни посаженных деревьев прижилось только одно, остальные погибли. Шлиман жалел о деревьях, точно ребенок.

Едва закончив книгу «Троя», весной 1883 года он поехал «отдохнуть» в Фермопилы, легендарный проход, где триста спартанцев в 480 году до нашей эры бесстрашно сдерживали натиск персидских войск, пока не погибли все до одного. Археологическая разведка там не дала ничего особенно интересного.

Вернувшись из Фермопил, он написал письмо критскому генерал-губернатору. Шлиман просил разрешения на раскопки в Кноссе, древней столице острова Крита.

Расширение горизонтов

Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отовсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих...
«Одиссея». XIX, 172-174.

Гомер часто упоминает об острове Крит, о его могущественных воинах, о его богатстве. Крит - один из самых больших островов восточного Средиземноморья. Прекрасный климат, плодородная почва, близость к материку - все это способствовало тому, что уже в глубокой древности на Крите развилась мощная культура. Задумываясь о связи Микен со странами Востока, Шлиман неизменно наталкивался на Крит, лежавший на полпути между Грецией и Египтом. Где-то на острове должны были сохраниться памятники этой связи. Еще в 1877 году случайно были найдены - почти на поверхности земли-остатки какого-то мощного сооружения на месте древней столицы Крита - города Кносса. Шлиман был уверен, что на Крите археолога ожидает великая удача. Но сговориться с местными властями оказалось не так-то просто.

Кроме того, Шлиман чувствовал потребность отдохнуть и развлечься. Он слишком много работал последние годы. Ему пошел седьмой десяток, а в этом возрасте немногие могут похвастаться ежедневным купанием в море и верховой ездой. Он не признавал старческих недугов и считал безнравственным болеть. Но все чаще болели уши, мучил желудок, еще в молодости расстроенный голоданием, регулярно возвращались приступы малярии. Он стал раздражителен.

Погожим летним утром 1883 года у дверей пасторского дома в Анкерсгагене собралась удивленная толпа. Из дома выносили сундуки и тюки с домашним скарбом. Пастор самолично распорядился укладкой вещей на телегу.

Любопытным пастор объяснил, что временно переезжает к соседу, а в доме на лето поселится один знаменитый ученый.

Через час к дому подкатила коляска. Невысокий пожилой человек в наглухо застегнутом сюртуке легко, по-юношески соскочил и помог сойти красивой молодой даме и двум детям. Перед тем как войти в дом, приезжий оглядел собравшуюся толпу и молча приподнял шляпу.

Старый дом, где прошло детство. Наверху, в этой комнате, умерла мать. Ее звали Луиза. Она была очень добра. Пятьдесят два года прошло с тех пор. Лестница все так же скрипит под ногами. Здесь стояла его кровать. Тут был диван. Минна Мейнке забиралась на диван с ногами и слушала сказки о рыцарях-разбойниках и об аистах, улетающих на зиму в таинственную страну. В саду, на старой липе, были вырезаны его инициалы - в тот день ему исполнилось девять лет, и он получил в подарок перочинный нож.

Софье не очень нравилась эта романтическая поездка в Анкерсгаген, но когда стали съезжаться из «крестных деревень родственники, приглашенные к торжественному обеду, она постаралась быть любезной хозяйкой.

Еще живы были старые знакомые. Приехал Карл Андрее, дряхлый старик; он так на всю жизнь и остался кандидатом наук. Удалось отыскать Германа Нидерхеффера - того самого мельничного подмастерья, который за стаканчик картофельной водки читал вслух Гомера. Нидерхеффер давно остепенился, бросил пить и стал солидным фермером. Шлиман заставил его вновь декламировать Гомера. Нидерхеффер беспощадно перевирал стихи, но Шлиман не исправлял его ошибок.

Наконец уступив настоятельным приглашениям, приехала Минна Шлиман встретил ее на пороге дома, расцеловав в обе щеки, познакомил с женой и потащил погулять в сад. Но беседа не клеилась. Минна чувствовала себя неловко и, казалось, со страхом ждала какой-нибудь эксцентричной выходки. А Генрих искоса поглядывал на эту толстую старуху, молчаливо шедшую рядом, и не верил глазам, не верил своей памяти.

Его автобиография была, конечно, романом. Маленький мальчик, первая любовь, разлука, несломленная воля, осуществление детской мечты, мировая слава, унижение противников... Чтобы написать этот роман, пришлось кое-что придумать, кое о чем умолчать, кой-какие факты показать в ином свете.

Теперь он хотел инсценировать последнюю главу: слезы Минны, позднее раскаяние, олимпийское спокойствие победителя. Ради этого он забрался в эту скучную глушь, за неслыханные деньги нанял старый пасторский дом и пригласил героиню романа.

Но никакой концовки не получилось. И ему стало скучно.

Через несколько дней он уехал в Оксфорд (*Оксфорд - город в Англии, местонахождение знаменитого университета, основанного в 1264 году*) - получать докторский диплом. Тогда это была высшая честь, которую ученый мир мог оказать человеку, обессмертившему свое имя в науке. Кроме того, «Квинс-колледж» избрал его своим почетным членом. Шлиман впоследствии шуточно хвастал, что этот диплом дает его обладателю неоценимые выгоды: квартиру в шесть комнат и полное содержание за все время пребывания в Оксфорде. На самом же деле Шлиман был глубоко взволнован и горд своим оксфордским триумфом и часто возвращался к нему в разговорах и письмах.

Из Оксфорда он вернулся в Анкерсгаген, заперся в комнате, которая когда-то служила кабинетом его отцу, и месяц работал над немецким переводом книги «Троя».

Конец года прошел в подготовке изданий «Трои» на двух языках - к этому времени Дерпфельд закончил составление подробных чертежей и планов Гиссарлыка.

В начале 1884 года Шлиман провел неделю в Марафоне, где произошла знаменитая битва греков с персами (490 год до нашей эры). Под предводительством Мильтиада греки наголову разбили войска Дария. Павсаний передает, что павшие в бою 192 афинянина были похоронены в общей братской могиле. Шлиман раскопал большой курган в Марафоне. Оказалось, однако, что он значительно старше эпохи греко-персидских войн. Как бы то ни было, задерживаться надолго у этого кургана не имело смысла: другая задача, более грандиозная, уже стояла на очереди.

Впервые Шлиман побывал на развалинах Тиринфа во время первой поездки по Греции, в 1868 году. Через восемь лет, перед раскопками в Микенах, он произвел здесь вторую разведку. Но еще не уверенный в правильности своего выбора, он тогда отступил. Теперь настала пора взяться за Тиринф по-настоящему.

Дерпфельд - теперь уже сотрудник и друг, а не наемный служащий - горячо взялся за подготовку к раскопкам, обещавшим быть грандиозными. Шлиман делил свое время между закупкой раскопочно-оборудования и изучением свидетельств древних писателей о Тиринфе.

Однажды Дерпфельд принес ему какую-то немецкую газету, в которой была напечатана курьезная статейка: некий Эрнст Беттихер, артиллерийский капитан в отставке, осчастливил мир новым открытием. Оказывается, Гиссарлык - не Гиссарлык и Троя - не Троя. Шлиман в своем ослеплении принял за гомеровский город развалины крематория, в котором троянцы сжигали своих покойников. Сама же Троя находится гораздо дальше, у самого моря, в устье Скамандра.

Более нелепого бреда нельзя было придумать. Но не спорить же с отставным артиллеристом, который никогда не видел Трояды и судил о ней исключительно по книгам... самого Шлимана!

- Не отвлекайтесь от дела, милый Дерпфельд, и выкиньте свою газету вон в ту корзину...

Раскопки Тиринфа начались в марте.

Крутая голая скала в триста метров длины, сто - ширины и от пятнадцати до двадцати шести метров высоты. Из-под чахлой травы, из-под вересковых кустов торчат на поверхности земли угловатые, неправильной формы каменные глыбы. Вот и все, что осталось от могучего города, который назван у Гомера «крепкостенным». О тиринфских стенах Павсаний пишет: «Они, наравне с так называемой «сокровищницей миниев» в Орхомене, заслуживают неменьшего удивления, чем египетские пирамиды».

Шлиман опять поселился в Навплии - оттуда до Тиринфа всего полчаса езды. Как обычно, в четыре часа утра Шлиман верхом отправлялся купаться. На берегу моря старый рыбак поджидал его с лодкой. Отъехав подальше от берега, Шлиман раздевался, нырял, плавал минут десять и, веселый, бодрый, карабкался на корму. К пяти утра он приезжал в Тиринф и с конюхом отправлял свою лошадь за Дерпфельдом.

Раскопки продолжались до вечерней темноты с перерывами на завтрак и обед. Шлиман завтракал вместе со всеми. Кусок солонины, хлеб, сыр, глоток кислого вина, апельсин - что может быть проще и приятнее такого завтрака у подножия древней крепостной стены, среди развороченных каменных глыб!

Четыре месяца длились раскопки, и Шлиман чувствовал, что с каждым днем молодеет на годы. Это был совершенно невиданный триумф. Целый город гомеровских времен возникал из-под мусора и наносной земли в потрясающей убедительности и величии! Ничто не могло вывести Шлимана из приподнятого, радостного настроения. На беспрестанные придирки инспектора археологического общества Филиоса он отвечал шутками. А когда вдруг некстати нагрянул гость - принц Саксен-Мейнингенский, разыгрывавший роль мецената, - Шлиман с неиссякаемым оптимизмом писал друзьям: «К счастью, он послезавтра уезжает».

Результаты тиринфских раскопок не только лишний раз подтвердили факт существования самобытной микенской культуры, но дали богатейший материал для ее характеристики. Привожу описание главнейших находок в Тиринфе, сделанное в 1891 году известным русским историком, впоследствии академиком В. П. Бузескулом:

«Возвышенность... по направлению к северу несколько понижалась и состояла как бы из трех террас. На самой высокой террасе, то есть на юге, находился царский дворец, на средней - помещения для слуг и воинов, а еще ниже тянулись, вероятно, магазины, конюшни и прочие службы. Все это окружено было высокими толстыми стенами, сложенными из слегка лишь отесанных (да и то не всегда) каменных глыб громадных размеров и тяжести, каждая в два-три метра в длину, один метр в ширину, а весом пудов в двести, иногда даже до трехсот. В промежутках между этими колоссальными глыбами насыпан более мелкий камень. Прежде полагали, что тиринфские стены сложены были без всякого цемента. Теперь открыты следы извести. Толщина стен в нижней части акрополя - семь-восемь метров, а в верхней - от пяти до пятнадцати и даже до семнадцати с половиной метров; сохранившаяся до нашего времени высота равняется семи с половиной метрам. Стены на всем протяжении представляют многочисленные вдающиеся и выступающие углы и снабжены огромными башнями. Давно уже было известно, что в одном или двух местах стена включает в себе параллельные галереи, лежащие не на одном уровне и, по-видимому, имеющие сообщения между собой. Теперь оказывается, что в тиринфских стенах существовала целая сеть подземных ходов и коридоров, что, например, в южной стене верхняя галерея сообщается с нижней, а эта последняя ведет в пять камер со стрельчатым сводом, выстроенных в толщине стен, и что в восточной стене было шесть подобных же камер. Эти своего рода казематы служили подземными магазинами или кладовыми...

В тиринфских стенах имеется два входа. Один - на западной стороне, узкий, предназначенный только для пешеходов. Другой, главный вход, или, лучше, сказать, въезд, находился на восточной стороне. Тут дорога, постепенно поднимаясь, шла сначала по направлению с севера на юг у подножия окружной стены акрополя, под прикрытием ее выступов и башен. Дойдя до самой вершины возвышенности, она через проход, оставленный в окружной стене, вступала в узкий промежуток, образуемый слева только что названной стеной, а справа - дворцовыми стенами, и шла, таким образом, до ворот, имевших крепкие запоры».

Дорога эта замечательный памятник военной теории древности. Дело в том, что осаждавший крепость противник во время атаки попадал в узкий проход между стенами, и осажденные легко могли обстреливать его с беззащитной стороны, справа (щит носили в левой руке).

Цитируем дальше: «Обратимся теперь к дворцу. Большие Пропилеи ведут в обширный двор, окруженный портиками. В северо-западном углу его находятся Малые Пропилеи; за ними идет четырехугольный двор, вымощенный мелким камнем и также окруженный портиками. В южной его части возвышается алтарь Зевса Геркея (*Зевс Геркей - бог-хранитель домашнего очага*) в виде массивного каменного четырехугольника; с севера же прилегает мужская половина дворца. В этой половине важнее всего - большая зала для мужчин, или так называемый мегарон, в двенадцать метров длины и десять ширины; посреди нее возвышалось четыре колонны

и между ними - домашний очаг. Слева главного строения были многочисленные коридоры и небольшие комнаты, в числе которых обращает на себя внимание баня, или ванная. Ее пол состоит весь из одного колоссального камня весом, по крайней мере, в 20 тысяч килограммов, то есть более 1200 пудов; стены были обшиты деревянными досками, посередине находилась ванна и устроен был особый канал для стока воды. Направо от мужской половины дворца находился гинекей, то есть женская половина, не имевшая прямого сообщения с мегароном, отделенная от последнего целым рядом дверей и узких переходов...

Владетели Тиринфа заботились не только об удобствах, но и об украшении своего дворца. Найден, например, алебастровый фриз, украшенный лазоревым стеклом, столь часто встречаемым в Микенах. Пол мегарона представляет своего рода мозаику или узорчатый ковер из красных и голубых полос. Но особенно замечательна стенная живопись (альфреско). В древнем Тиринфе, как оказывается, известно было пять красок: белая, черная, желтая, красная, голубая или синяя. Сохранилась даже значительная часть картины, изображающей мчащегося быка, а на нем человека; одной ногой он касается спины быка, а другая высоко приподнята в воздухе; левой рукой он держит быка за рога. Тон картины голубой, бык - желтый с красными пятнами. Совершенно аналогичные по своему содержанию рисунки имеются на золотых чашах, найденных недавно, именно летом 1889 года (*То есть через три года после открытия Шлимана*) («Филологическое обозрение», М., 1891 г., том I. В. Бузескул, «Находки Шлимана»).

«Троекратное ура в честь Афины Паллады! - телеграфировал Шлиман из Тиринфа. - Поистине я работал тут с удивительным успехом».

Но успехи Шлимана всегда почти автоматически вызывали в ученом мире острую реакцию недоверия. Известный английский архитектор Пенроз объявил тиринфский дворец византийским сооружением X или XI века нашей эры. Газеты издевались над «очередной антинаучной галлюцинацией» Шлимана.

Лишь когда Дерпфельд в 1885 году закончил съемку планов Тиринфа и год спустя вышел в свет артистически отделанный, с полной научной строгостью написанный том «Тиринф, доисторический дворец тиринфских царей», любители шуток сбавили тон. В 1886 году афинское археологическое общество, идя по следам Шлимана, открыло на микенском акрополе развалины дворца, план и украшения которого в точности соответствовали тиринфскому. Сомнения в древности циклопических построек Тиринфа отпали. И во весь рост встал вопрос о пределах распространения микенской культуры.

Шлиману было уже шестьдесят четыре года. Он не любил думать о предстоящей смерти, но знал, что жить осталось немного. В печати уже давно появлялись заметки о том, что Шлиман убивает все свои деньги на

раскопки и оставит своих детей нищими. До нищеты, конечно, было далеко, но деньги все-таки таяли.

Со своим необычайным умением переключаться он вдруг бросил все дела и уехал на Кубу.

Гаванские газеты подняли шум: едет один из главных акционеров железнодорожной компании, несомненно предстоят новые капиталовложения, развертывание строительства. Железнодорожные акции, давно уже упавшие в цене, стали быстро подниматься. Биржа зашевелилась. Шлиман приехал, осмотрелся, подумал - и продал все свои акции по самой высокой цене.

На языке биржи такая спекуляция называется «блефом» и считается в порядке вещей.

С большим барышом Шлиман вернулся в Афины. Здесь он засел за завещание, расписал наследство: большую часть своего состояния он оставил Софье, Андромахе и Агамемнону, но солидные суммы были завещаны также Вирхову, Дерпфельду, сестрам, сводному брату и даже наследникам одноглазого Веллерта в Анкерсгагене. Первой жене и ее детям он завещал свои доходные дома в Париже.

В это же время он заказал себе склеп, долго возился с архитекторами, браковал проект за проектом и, наконец, утвердил самый строгий по очертаниям.

А на следующее утро как ни в чем не бывало вызвал Дерпфельда и предложил поехать на остров Крит.

Через несколько дней они уже бродили по полям и холмам вокруг древнего Кносса. Здесь были развалины, несомненно, очень старые и почти целиком на поверхности земли. Один холм привлек особое внимание Шлимана. С виду - обычный холмик, поросший низкорослыми маслинами. Но по форме своей он чем-то неуловимо напоминал Гиссарлык. В осыпи откоса валялись черепки глазированной глиняной посуды с узорами, в которых каждый признал бы микенский стиль.

«В высшей степени интересно, в какую седую древность уведут нижние пласты», - с замечательным предвидением записал Шлиман в дневнике.

Но землевладелец, которому принадлежал холм, запретил сделать даже пробный раскоп. Он предложил продать свой участок за 100 тысяч франков. Цена была такая, будто на участке найдена жила самородного золота.

Шлиман безуспешно торговался, пытался воздействовать на хозяина через представителей власти. Но влиятельных знакомых на Крите не было,

прежнего генерал-губернатора Фотиада-пашу убрали, с новым оказалось еще трудней сговориться.

Пришлось вернуться в Афины ни с чем. Оттуда Шлиман с Дерпфельдом помчались в Лондон, на большую дискуссию о Тиринфе, организованную «Эллинским обществом». Не желавший сдаваться без боя, Пенроз выступил с докладом, в котором повторил свое утверждение о византийском происхождении тиринфского дворца. Шлиман в блестящей речи пункт за пунктом опроверг все построения своего противника, а под конец пригласил Пенроза поехать в Тиринф, чтобы на месте разрешить все споры. Пенроз поехал. Дерпфельд облазил с ним тиринфский и микенский акрополи. Через несколько недель в журнале «Атенеум» появилась статья Пенроза, в которой он честно признал свою ошибку и подтвердил значение исторического открытия Шлимана.

Шлиман стремился дальше, он неотступно думал о Востоке. Теперь его тянул к себе Египет. До берегов Нила, до края великой пустыни разросся для Шлимана горизонт микенского неба. Но прежде чем пуститься в это далекое путешествие, он должен был полностью рассчитаться с прошлым. Он решил написать популярную книгу о всей своей работе, о своих ошибках, о своих находках.

Друзья - Дерпфельд, профессора Михаэлис и Дун - отсоветовали ему писать эту книгу самому. Она набухла бы лишними подробностями, опять пошли бы упреки в «необъективности». Лучше, если книгу напишет кто-нибудь другой. Дун рекомендовал одного из своих учеников, работавшего на раскопках Пергама (*Пергам - столица одноименного эллинистического царства в Малой Азии, существовавшего в III-II веках до нашей эры. Раскопки Пергама велись с 1878 по 1886 год. Раскопками был обнаружен знаменитый Пергамский алтарь, считавшийся в древности одним из семи чудес света*).

Шлиман составил подробный перечень всех археологических ошибок, которые он допустил в своих книгах. Этот необычайный в своем роде документ был вручен Дерпфельду для передачи автору будущей книги.

Поздней осенью Шлиман уехал в Египет.

Отставной артиллерист

Ныне ж герой Лаертид совершил знаменитейший подвиг;
Ныне ругателя буйного он обуздал велеречье!
«Илиада». 11, 274-275

В Каире он нанял дахабие - местное суденышко, род длинной узкой лодки с каютой. Десять человек команды, повар, старый слуга Пелопс и сам Шлиман без особых удобств разместились в этом «корабле», который с виду больше всего напоминал изображенные на египетских рисунках челноки эпохи Древнего царства. Дахабие неторопливо поднималось вверх по великой реке. В Европе стояла зима, здесь по вечерам было прохладно.

Шлиман выходил на палубу в тропическом шлеме, в белом чесучовом пиджаке, всегда при галстуке. Мимо проплывали нищие феллахские (*Феллахи - египетские крестьяне*) деревни, построенные на плодороднейшей в мире земле. Проплыли дальние очертания Больших пирамид - там, где пять тысяч лет тому назад трудились сотни тысяч людей, была теперь мертвая песчаная пустыня.

С книгой Городота, больше двух тысяч лет тому назад объехавшего все эти места и подробно их описавшего, Шлиман не расставался в этой поездке.

Дахабие часто приставало к берегу. В развалинах древних египетских городов Шлиман тщательно собирал черепки разрисованной посуды, рассматривал орнаменты. Шлиману казалось, что он нащупывает связь с Микенами, но она оставалась неуловимой. Сколько сил, сколько лет понадобится, чтобы ее установить!

В городах и деревнях ему предлагали купить разные старинные вещи - посуду, папирусы, монеты, даже черепа. Но он не был египтологом и знал это. Не желая оказаться обладателем коллекции подделок, он не брал ничего: задача его была гораздо сложнее, ее решение не зависело от случайно найденного предмета. Но встречавшиеся иероглифические надписи он тщательно срисовывал. Присматриваясь к изображениям зверей, он искал аналогий с богатым животным миром микенской живописи.

Он добрался до древнего города Вади-Хальфа, в преддверие второго нильского порога. По пути он осмотрел Фивы. Побывав в Абу-Симбеле, он пришел в восторг. Его, человека привычного к гигантским масштабам древних, потрясло зрелище Абу-Симбелского погребального храма и грандиозной гробницы Рамсеса II, высеченной в скале в XIII столетии до нашей эры, то есть примерно в то же время, когда создавался тиринфский акрополь. Из четырнадцати зал состояла эта гробница, из них одна - в семнадцать метров длины, шестнадцать ширины и двенадцать высоты! Перед входом в гробницу стоят четыре статуи Рамсеса - по девятнадцати метров высотой. Внутри гробницы - вечная темнота. Путешественники входят сюда с факелами. Когда глаза привыкнут к темноте, надо подойти к стене и поднять факел над головой. Тогда из тьмы выступает роспись стен - поразительные по мастерству картины и орнаменты.

- Как же здесь работали художники - при свете факелов? - удивлялся Шлиман. - И кто мог увидеть их работу в такой темноте?

За 3200 лет краски абу-симбелских фресок не потеряли яркости. Шлиман пытался найти на стенах следы копоти от множества плошек или факелов - безуспешно.

Пришлось прийти к выводу, что либо в храме всегда было темно и «египетский труд» художников остался втуне, либо существовал какой-то

неизвестный способ освещения храма. Ученые египтологи не смогли ответить Шлиману на этот вопрос.

В феврале 1887 года Шлиман подробно описал свою поездку в письме к Вирхову. Это письмо характеризует необычайную широту интересов и пусть дилетантскую - энциклопедичность Шлимана. С одинаковой обстоятельностью он описывает местных жителей (мимоходом он замечает, что нубийки - красивейшие женщины в мире, и подчеркивает чистоплотность и трудолюбие нубийцев); регистрирует температуру воздуха и воды; указывает на отсутствие изображений ламп в древнеегипетских рисунках и, в связи с этим, на загадочность способа освещения Абу-Симбелского храма. Наконец, опровергает господствовавшее в медицине убеждение, что Египет - рай для туберкулезных: заболевшего чахоткой Пелопса Шлиман взял с собой в путешествие, надеясь спасти его, но в Египте болезнь обострилась, Пелопс скончался в пути. Шлиман горько укоряет в этом медиков, которые рекомендуют египетский климат всем чахоточным без разбора.

Лишь о сути своей поездки, об основной ее цели Шлиман не написал ни слова: найденные на берегах Нила орнаменты, рисунки и посуда, казалось, имеют сходство с микенскими, но настолько неясное, что Шлиман чувствовал себя не вправе выступить с какими-либо обобщениями. Недоставало какого-то промежуточного звена. Кроме того, оставался открытым вопрос, кто, какой народ был «переносчиком» восточной культуры на греческую почву, через кого шла и поддерживалась эта связь. Несомненно, что это должны были быть мореходы, владеющие сильным флотом и опытом дальних путешествий. Финикияне? Только они пользовались в истории славой опытных моряков. Но ряд прежних разведок Шлимана в местах, связанных с именем финикиян - в Сицилии, у Мраморного моря, на побережье Эгейского моря, - не дали фактов, которые позволяли бы установить взаимоотношения между Микенами, Египтом и Финикией.

Вернувшись из Египта, Шлиман поехал на остров Киферу и там за какую-нибудь неделю откопал остатки древнейшего храма богини Афродиты - покровительницы острова. Об этом храме упоминают последовательно Гомер, Геродот и Павсаний. Еще один Гомеров гекзаметр получил реальное подтверждение. Но для решения основной задачи Кифера опять ничего не дала, как не дали позже предпринятые Шлиманом раскопки в Пилосе, на западном побережье Греции.

На следующую зиму Шлиман вновь вернулся в Египет, на этот раз вместе с Вирховым. Снова утлое дахабие тащилось против течения, и два ученых в медлительной беседе проводили долгие часы на палубе. Иногда они приставали на ночь к берегу и отправлялись в ближайшую деревню. Вирхов производил свои ботанические, геологические и антропологические наблюдения, а Шлиман, если поблизости не оказывалось какой-нибудь древней развалины, практиковался с туземцами в арабском языке.

В воспоминаниях Рудольфа Вирхова прекрасно описан один из эпизодов этого путешествия:

«Он поразил не только меня, но и местных жителей своим знанием арабского. Для меня остаются привлекательнейшим из воспоминаний вечера, которые мы проводили тогда в Нубии. В марте (1888 года) мы остановились в одной нубийской деревне на левом берегу Нила, чтобы подробней изучить расположенный поблизости гигантский храм Рамсеса Великого (*То есть Рамсеса II*), высеченный в скале. Как раз в то время разразилось большое восстание дервишей (*Дервиш - мусульманский монах*), сделавшее небезопасным весь правый берег верхнего течения Нила. За два дня до того наше судно было обстреляно повстанцами, и только стечение счастливых обстоятельств позволило нам спастись. Навигация на реке почти совсем прекратилась, и в течение недели мы были совершенно отрезаны, так как никаких дорог в этой местности нет, Мусульманские жители Балание - так называлась деревня - приветливо приняли нас, и каждый новый день все больше сближал нас с ними. Скоро стало известно, что я - врач, и практика моя начала быстро увеличиваться. Узнали также, что Шлиман - ученый знаток арабского. В целом Балание был только один человек, умевший читать по-арабски, - это был имам. Но Шлиман не только читал - он также умел писать. Для жителей Балание было увлекательным зрелищем наблюдать, как арабские буквы возникают у него под рукой, и, когда к концу недели до нас через восставшие районы дошло из Вади-Хальфа письмо и Шлиман на глазах у всех сочинил по-арабски ответное письмо, он был сочтен чародеем.

Но свой высший триумф Шлиман отпраздновал вечером, когда неожиданно, как всегда в этих широтах, упала ночь и над нами заблестели звезды. Далеко над горизонтом появился Южный Крест. Кроме тихого плеска великой реки, ни звука кругом не было слышно. В этот час собрались соседи, и Шлиман стал им читать главы из Корана. Дом старого шейха, который нас гостеприимно приютил, стоял на самом краю пустыни, которая там быстро распространяется вширь. Пески с каждым годом все больше надвигаются на Нил. Вдоль берега еще тянется узкая полоса плодородной земли, в то время года покрытая зреющей пшеницей. Полоса эта обсажена несколькими рядами финиковых пальм; по их роскошному цветению можно было судить о том, как хороша почва. Дальше растянулась площадь перед довольно обширным домом, лучшая часть которого была предоставлена нам. Эта площадь, собственно говоря, уже является частью пустыни, хотя на ней росли две великолепные пальмы...

Под гигантской лиственной крышей одного из этих деревьев происходили все местные торжества. Здесь мы, впервые сойдя на берег, были встречены всем мужским составом племени. И здесь же Шлиман каждый вечер после ужина устраивал род молитвенного часа. Большой фонарь, вроде наших деревенских фонарей, - современная, привозная вещь, - ставился на песок. Шлиман устраивался перед ним на деревянной скамеечке, нубийцы усаживались на земле, образуя большой круг.

Посредине оставалось незанятое место, туда немедленно слетались жуки и разные другие насекомые, которые в деловой спешке мчались к непривычному свету и своими хвостами вычерчивали на песке странные узоры.

В напряженном молчании все ждали начала проповеди.

И вот Шлиман начинал на память читать суру корана; его голос, вначале глухой, повышался все больше и больше, и, когда он, наконец, в настоящем экстазе произносил заключительные слова, правоверные склоняли головы и прикасались лбом к земле. Через некоторое время Шлиман начинал другую суру, и так богата была его память, что он почти каждый вечер мог читать все новые и новые главы. В приподнятом, праздничном настроении расходились наши коричневые друзья; никогда серьезность происходившего не была нарушена неуместным замечанием или хотя бы жестом...»

Вообще Шлиман не раз приводил в восхищение слушателей своим мастерским чтением, особенно Гомера. Вирхов пишет: «Как повышался его голос, подобно голосу самого вдохновенного певца, чтобы выразительнейшим образом приблизить к слушателю не только значение, но и красоту стихов! Он имел лишь одного опасного конкурента: это была Софья. Часто она подхватывала нить песни там, где он останавливался, и ее воодушевление не меньше захватывало слушателя».

Вирхов не дождался конца путешествия: чрезвычайно занятый, он вскоре повернул назад. Шлиман же задержался в Александрии. Это знаменовало новое расширение интересов; за последние годы он глубоко увлекся античной поэзией - Эсхилом, Софоклом, Еврипидом, а также римской литературой. Он «влюбился» в Клеопатру (*Клеопатра (69-30 гг. до н. э.) - последняя, царица птолемеевского Египта*). По старинной египетской монете с профилем Клеопатры он заказал мраморный барельеф и повесил у себя над столом. А в Александрии он решил раскопать дворец Птолемеев.

Эти раскопки не входили, конечно, в его «большую программу» и поэтому были предприняты в скромных масштабах: тридцать шесть рабочих работали в течение двух недель. Найден был ряд интересных произведений искусства, в том числе мраморная женская голова, очень характерная, напомнившая Шлиману описание Клеопатры. По закону Шлиман должен был оставить все найденное в Египте, но с «головой Клеопатры» он расстаться не мог. Спрятав под полый мраморное изваяние, он счастливо избегнул зорких глаз надсмотрщиков, доставил свою драгоценную контрабанду в Александрию, а оттуда без труда увез ее в чемодане, как «ручной багаж».

Эта маленькая авантюра развеселила его. Перед отъездом из Каира он послал письмо старому мекленбургскому знакомому Русту (с Рустом он часто переписывался, избрав его объектом своих мрачноватых острот, - так, например, он долго уговаривал семидесятилетнего старика начать

кататься на коньках). К письму были приложены фотографии, «которые, по-моему, представляют для тебя интерес - сфинкс, пирамиды, виды Каира, разносчик воды и великолепный египетский осел». Описав Русту мумию Рамсеса II, деяния Рамсеса, его победы, воздвигнутые им сооружения и его трудолюбие, Шлиман прибавляет: «А между тем он не больше тебя, с ног до головы 1 метр 72 сантиметра...»

Сразу по возвращении он снова начал переговоры с критянами. Он уже готов был принять все условия - заплатить 100 тысяч франков за участок и передать все найденные древности в местный музей.

Но вдруг снова на сцену выступил отставной артиллерийский капитан.

Эрнст Беттихер не удовольствовался рядом статей в периодической прессе: он напечатал книгу, в которой всячески пытался опорочить Шлимана и его работу. К прежнему утверждению - «Гиссарлык - ассиرو-вавилонский некрополь и крематорий» - прибавилось новое: «Шлиман и Дерпфельд сознательно фальсифицировали чертежи, снесли ряд стен и насыпали вынутую из траншеи землю на верхние слои части холма, чтобы скрыть свою ошибку и ввести в заблуждение науку».

Это было неслыханное обвинение. «О, бессмыслица из бессмыслиц! - писал Шлиман Вирхову.- Где и когда был найден крематорий? И если Гиссарлык - крематорий, то где же находился город живых?»

Шлиман не хотел действовать против Беттихера упреками в неграмотности: он знал, что двадцать лет тому назад сам был в положении пришлого со стороны «самозванца в науке» и сам натворил немало ошибок. В частности, некоторыми из этих старых ошибок Беттихер воспользовался. Так, в первых описаниях «горелого слоя» говорилось о массе древесной золы - она впоследствии оказалась горелым битым кирпичом. Все разнообразнейшие вазы, найденные на Гиссарлыке, Шлиман на первых порах называл «погребальными урнами» и т. п.

В последующих книгах Шлиман шаг за шагом исправлял свои ошибки, но Беттихер именно эти исправления объявил фальсификацией.

В сдержанной статье Шлиман ответил Беттихеру, постаравшись возможно популярнее разъяснить суть дела. Но сломить «боевой дух» отставного прусского артиллериста оказалось не так-то легко. Все развязней и наглей становились статьи Беттихера, по стилю больше всего напоминавшие доносы.

Шлимана очень оскорбило, что падкая на сенсацию «публика», с явным сочувствием отнеслась к измышлениям Беттихера. Снова начиналась травля. Опять Шлиман пытался найти успокоение в путешествии. Он предпринял весной 1889 года поездку по Аркадии (*Аркадия - область в центре Пелопоннеса*) и островам Эгейского моря, раскопал укрепления города Ларисы (*Ларисса - город в Фессалии (Северная Греция)*), осмотрел Мантинею, где

в 362 году до нашей эры Эпаминонд, вождь фиванцев, разбил войско Спарты.

В мае 1889 года Шлиман уже в Лондоне обсуждает свои литературные планы с издателем Мэрреем, потом едет в Париж, на Всемирную выставку.

Он бродил по выставке с таким же чувством, как когда-то, в юности, по Гамбургу, - пораженный и восхищенный. Занятия археологией не убили в нем «чувства сегодняшнего дня», не стесняясь, он сравнивает свои впечатления от выставки с Ниагарой. Особенно потрясла его Эйфелева башня. Тогда еще не был готов подъемник до верхней площадки, Шлиман поднялся только до второй террасы - это была высота в 115 метров - «странно сказать, вчетверо выше анкерсгагенской колокольни, которую я в детстве считал самой высокой точкой в мире...»

Вскоре Шлиману пришлось, однако, забыть о выставке. В августе в Париже открылся антропологический, этнологический и археологический конгресс. Молодой ученый Соломон Рейнак, в будущем знаменитый историк искусства, уже тогда пользовавшийся серьезным авторитетом, выступил на конгрессе в защиту Беттихера. Была ли это склонность к парадоксам или Рейнак серьезно поверил Беттихеру? Во всяком случае, Шлиман больше не мог терпеть. Шестидесятисемилетний старик принял вызов своего молодого оппонента. Он предложил созвать международную конференцию ученых в Трое, вызвать Беттихера и объективно установить, кто прав. Все расходы по конференции он брал на себя.

В Трое немедленно были начаты подготовительные работы к новому развертыванию раскопок. Для будущих ученых гостей были построены дома, оборудованные со всем доступным в троядском захолустье комфортом. Но ученые гости съезжались туго: Берлинская академия наук долго отказывалась прислать своего делегата, Рейнак уклонился от приглашения. В конце концов, приехали только венский профессор Ниман и майор Стеффен, известный картограф, сделавший ранее прекрасную карту Микен (кстати, «глава» официальной немецкой археологии, профессор Курциус, всячески старался помешать конференции - лишний штрих к картине продолжавшегося «худого мира» между Шлиманом и кастой профессоров-консерваторов).

В немецких газетах было напечатано объявление о том, что доктор Шлиман просит г-на Беттихера прибыть в Троию для разрешения научного спора непосредственно на месте. На расходы по поездке г. Беттихер имеет получить 1000 франков в банке Роберта Варшауэра и КО. Беттихер через некоего Пипера сообщил, что может приехать только за 7200 франков. По поручению Шлимана Дерпфельд ответил, что больше, чем объявлено, ни копейки не даст. Беттихер приехал.

Шлиман с ним не разговаривал. В сопровождении Стеффена, Нимана и Дерпфельда Беттихер военным шагом маршировал по раскопу, изредка тыча пальцем: «Раскопайте здесь! Выройте яму тут!» Рабочие

беспрекословно копали. Дерпфельд и Ниман бесплодно пытались разъяснить ему азбучные правила археологии. Страшно было смотреть, как этот невежественный маньяк третировал заслуженного архитектора Дерпфельда. В конце концов, конечно, оказалось, что никаких доказательств своей теории Беттихер не нашёл. Составили протокол о том, что все планы и чертежи Дерпфельда полностью соответствуют истине. Но в последнюю минуту Беттихер отказался его подписать и снова потребовал денег.

- Передайте этому господину, что лошади поданы, - прохрипел Шлиман.
- Пусть убирается вон сию же минуту...

Беттихер уехал, но телеграммой из Константинополя потребовал еще тысячу марок, угрожая в противном случае обесславить на весь мир скупость Шлимана. Дерпфельд ответил, что не даст ни гроша. Непримируемый капитан немедленно разразился рядом новых статей, в которых заявлял, что поездка на Гиссарлык только укрепила его в прежних убеждениях.

Тогда Шлиман решил собрать действительно международную большую конференцию для решения троянской проблемы. Весной 1890 года в Трою съехались свыше ста ученых со всего мира. Были здесь убежденные седины маститые академики во главе с Вирховым, были и молодые ученые. Среди последних выделялся англичанин Артур Эванс. Он ходил за Шлиманом по пятам, внимательно слушал, запоминал. Шлиман был в ударе. Подвижной, энергичный, он впереди всех лазил по отвесным стенам, объяснял, делился планами. Оживленно обсуждалась необходимость раскопать кносский холм на Крите. Шлиман рвался туда. Но прежде нужно было покончить с Троей - здесь было еще работы года на два. Уже раскопки, произведенные во время большой конференции, дали необычайно много нового. «Второй город» удалось разделить на три последовательных слоя, план, его значительно уточнился. Но самое замечательное, что на северо-западной стороне Гиссарлыка, над «горелым слоем», было найдено еще шесть слоев, из которых четвертый, то есть шестой снизу, содержал керамику чисто микенского типа, «наряду с теми серыми черепками, которые я раньше считал лидийскими», чистосердечно сознается Шлиман в одном из писем. В этом же слое найдены несомненные остатки большого дворца с залом-мегароном, в точности соответствовавшим мегаронам Микен и Тиринфа. Нашлись и железные предметы.

Шлиман предчувствовал, что назревает революция в его взглядах на Трою: находки этого года уточняли ряд фактов, уже раньше установленных Дерпфельдом. В частности, «ключ из Большого клада» оказался бронзовым стерженьком, к которому случайно припаялся бесформенный кусок бронзы, «щит» - медным котлом, «шлем» - измятым ведерком с ушками.

Поучительное совпадение с ошибкой «рыцаря печального образа»... Но современный Дон-Кихот начинал прозревать окончательно.

«Если боги позволят, - пишет он, - с начала будущего года мы продолжим раскопки...»

Конец жизни

По секрету он признался Вирхову, что у него сильно болят уши. Тот всполошился. Уезжая в Трою, Вирхов не захватил с собой медицинских инструментов, но и без ушного зеркала видно было, что оба слуховых прохода закрыты большими опухолями. Вирхов взял со Шлимана честное слово, что он немедленно покажется специалисту.

В июле 1890 года раскопки были прерваны до будущей весны. В Константинополе Шлиман пошел к врачу. Тот констатировал опасность, но оперировать не решился.

Остаток лета Шлиман с Дерпфельдом работали над отчетом о раскопках этого года. Но глухота и боли все усиливались. Вирхов советовал соглашаться на операцию лишь в самом крайнем случае, но указал на одну клинику в Галле (*Галле - город в Центральной Германии*), где работал видный специалист-отоляринголог (*Отоларингология - наука о болезнях уха, горла и носа*) профессор Шварц.

Шлиман поехал в Галле. Шварц оперировал ему оба уха. Это было 13 ноября.

Операция, как видно, удалась, потому что больной почувствовал себя лучше и на третий день уже писал письма и потребовал заказанное еще до операции арабское издание «1001 ночи». Профессор предупредил, что ненормальности в строении ушного аппарата Шлимана увеличивают опасность. Нужен полный покой. Но Шлиман был занят давнишним своим проектом - он решил осуществить завет, данный Байроном в «Чайльд-Гарольде», и добиться возвращения «эльджиновских мраморов» в Грецию. Приходилось писать массу писем и телеграмм, уговаривать парламентариев Лондона и Афин. Дело было хлопотливое, с сомнительным исходом и требовало большой энергии.

На третьей неделе после операции начались сильные боли. Профессор встревожился. Возможно, что в ране остался осколок кости и теперь дал воспаление.

Еще через пять дней боли прошли. Не слушая больше никаких уговоров, Шлиман покинул клинику. Поехал в Лейпциг, к Брокгаузу, просмотрел гранки брошюры о раскопках 1890 года, потом помчался в Берлин, подарил Вирхову две косточки из своих ушей и, прощаясь с ним перед отъездом, напомнил:

- В будущем году едем на Канарские острова!

Сейчас его путь лежал через Париж и Неаполь в Афины - он хотел попасть домой к рождеству.

Стоял декабрь, в купе поезда Берлин - Париж дули злые сквозняки. Шлиман не обращал на них внимания, он всю ночь читал сказки Шахразады. Он забыл заложить уши ватой.

В Париж он приехал больной. Пошел к врачу, тот не сказал ничего определенного: сейчас послеоперационный период, посмотрим, как дальше пойдет. Шлиман поехал в Неаполь. Уши болели невыносимо, продолжать путешествие не было сил. Кроме того, он хотел осмотреть кое-что в неаполитанском музее.

Из музея зашел к врачу, тот что-то прописал - не помогло. Со вторым врачом - то же самое. Третий успокоил: пройдет. Шлиман обрадовался и пригласил врача съездить вместе осмотреть развалины Помпеи.

В стужу и ветер они поехали в Помпеи - любознательный врач и ученый-пациент.

На следующее утро - это было 24 декабря - Шлиман проснулся со страшной головной болью. Он оделся и пошел к своему врачу.

На Пьяцца делла санкта Карита Шлиман потерял сознание. Его подняли. Он не мог произнести ни слова, язык не повиновался ему. Полицейский отвел его в больницу. Молодой ординатор удивился:

- Вы же знаете, мы принимаем лишь тяжелобольных, а этот всего только не может говорить. По-моему, он пьян.

Его потащили обратно в полицию. Он не шел, а волочился: начался паралич правой ноги и руки. В участке его ощупали, но не нашли ни денег, ни документов. Только в одном кармане оказался листочек с адресом врача. Тот немедленно явился, осмотрел больного и пришел в ужас:

- Вызовите экипаж, нужно его немедленно доставить в гостиницу!

Через минуту к подъезду подкатила старая, разбитая пролетка. Врач запротестовал:

- Я не могу везти больного в такой пролетке. Нужна удобная карета.

- Что вы беспокоитесь из-за какого-то нищего? - удивился полицейский.

- Как - нищий? Я вчера видел у него много денег!

Еще раз обыскали Шлимана и в дальнем кармане... нашли набитый бумажник. Полицейские засуетились, мгновенно вызвали карету...

Генрих Сенкевич, польский писатель, сидел в зале отеля «Пьяцца Умберто». В отель внесли умирающего человека. Его несли четверо; голова его склонилась на грудь, глаза были закрыты, руки повисли как плети. Через несколько минут к Сенкевичу подошел администратор отеля и спросил:

- Знаете ли вы, кто этот больной?

- Нет.

- Это - великий Шлиман... (Г. Сенкевич. *Письма из Африки*, стр. 3-4, СПб, 1902)

Вызванный хирург вскрыл ухо и констатировал воспаление мозга. Трепанировать череп хирург не решился и назначил консилиум.

26 декабря собрались ученые врачи, осмотрели больного и вышли в соседнюю комнату совещаться. Пока они спорили, Шлиман умер.

Назавтра все газеты мира писали об этой кончине.

Дерпфельд привез тело Шлимана в Афины. Была гражданская панихида. У изголовья гроба поместили бюст Гомера. Рядом, неподвижная, как изваяние из черного камня, стояла Софья. Теперь только она по-настоящему поняла, как глубоко она любила этого чудаковатого, восторженного, сильного духом и очень простого человека.

Эпилог

Каковы дальнейшие пути изучения Трои после Шлимана? На средства, данные Софьей Шлиман, а затем на деньги германского археологического института, Дерпфельд продолжал исследования Трои. В 1902 году в Афинах вышла его книга, в которой подведены итоги этим исследованиям. Оказалось, что Троя Гомера, Троя - современница Микен и Тиринфа - не второй снизу город, а шестой. Это уже подозревал Шлиман, найдя микенские черепки в «лидийском» слое.

Более нижние города бесконечно древнее Микен. Раскапывая их, Шлиман частью разрушил своей траншеей, частью же засыпал землей подлинную Трою. До сих пор ученые не могут этого простить Шлиману. Но прав знаменитый историк античности Эдуард Мейер, писавший: «Для науки исключительно полезным оказалось антиметодическое стремление Шлимана докопаться до самого «материка». При систематических раскопках едва ли были бы открыты древнейшие слои, скрытые в холме, а с ними и та культура, которую мы называем собственно троянской». Мейер здесь подразумевает культуру так называемого «второго города» Гиссарлыка, относящего к третьему тысячелетию до нашей эры.

Такова цена «научной ошибки» Шлимана: он увел нас не в двенадцатый век до нашей эры, как сам предполагал, а примерно в тридцатый.

Но это еще не все.

В 1900 году англичанин Артур Эванс стал раскапывать город Кносс на Крите. В земле был найден современный Микенам громадный дворец с «тронными залами», жилыми покоями, коридорами, лестницами, ванными комнатами. Стены дворца были покрыты чудесной фресковой живописью. Фрески изображали пирующих женщин, мальчика, собирающего цветы, вождя, гуляющего по полю, гимнастов, прыгающих через мчащегося быка, женщин, приносящих жертвы богам.

Во дворце из найденных поблизости могилah сохранились необычайно художественно выполненные вазы, изделия из золота и бронзы, много статуэток. Около трех тысяч табличек, покрытых надписями на неизвестном языке, нашел Эванс.

Вслед за Кноссом были найдены подобные же древние поселения на юге Крита, в Фесте, а затем и в ряде других мест: и на Крите, и на Кикладских островах, и на материке.

Теперь наука с несомненностью установила, что в бассейне Эгейского моря в «догреческие» времена существовала богатая и сложная культура. Историки называют ее эгейской, или крито-микенской культурой.

Уже четыре тысячи лет тому назад Крит был могущественной морской державой (*Вот где разгадка фактов, объяснение которых Шлиман искал у финикийян, - она заключается в морском могуществе Крита*), распространившей свое культурное и, вероятно, политическое влияние на весь бассейн Эгейского моря. Критяне вели торговлю с далеким Египтом и даже вступали в сношения с Месопотамией и со странами западного Средиземноморья.

Кносский дворец строился и перестраивался в течение ряда столетий. Археологам удалось расчленить различные периоды культурной жизни Крита. Эванс назвал их по имени мифического критского царя Миноса «минойскими» и различает три периода - раннеминойский, среднеминойский и позднеминойский. Каждый из этих периодов разделяется на три подпериода. В общей сложности на Крите можно проследить развитие культуры от неолитической эпохи примерно до конца второго тысячелетия до нашей эры.

Соответственно и в Микенах и на Кикладских островах установлено это деление на периоды, помогающее изучить развитие общества и состояние производительных сил на различных этапах эгейской культуры, о существовании которой наука и не подозревала шестьдесят пять лет тому назад.

«Эгейская проблема» еще далеко не разрешена. Часть ученых видит в кносском дворце, в крепостях Тиринфа и Микен доказательство существования рабовладельческой формации с государственной

организацией, близкой по типу к восточным деспотиям. Другие считают, что поселения Крита, Трои, Микен, Тиринфа возникли и развивались на различных этапах общинно-родового строя. Этот спор в науке еще не закончен, и рано делать какие-либо окончательные выводы.

Но советская наука установила несомненный факт, что «эгейцы», исконные обитатели бассейна Эгейского моря, вовсе не были вытеснены и полностью уничтожены пришедшими откуда-то извне «греками». Есть преемственность между эгейской и греческой культурой.

Нет сомнения в том, что дальнейшее развитие исторической науки полностью раскроет «эгейскую проблему».

К сожалению, до сих пор мы не можем прочесть ни слова на догреческом языке. Многочисленные критские надписи еще не расшифрованы. Если бы удалось их прочесть и восстановить язык, на котором они написаны, история Крита, Микен и Трои, вероятно, была бы нам сейчас известна гораздо лучше.

Характерно, что Эванс за тридцать с лишним лет опубликовал лишь небольшую часть найденных им надписей. Почему? Может быть, он надеется сам прочитать их и не хочет ни с кем делиться заслугой расшифровки языка Крита?

Как в этом отношении не похож был на Эванса Шлиман! Капиталист в личной жизни, он в науке переставал быть собственником. Он бывал счастлив, когда ему удавалось привлечь к своему любимому делу еще хоть одного ученого.

Можно себе представить, в какой ужас пришел бы Шлиман, если бы прочитал писания нынешних фашистских лжеученых, которые объявили микенцев «расой господ», а критян - «расой рабов», которые считают могучего героя народного эпоса - Одиссея - трусливым и немощным «представителем южной расы» в противоположность храбрым «северным германо-грекам» (?) и, в довершение всего, начали бешеное наступление на «Илиаду» и «Одиссею» под лозунгом: «Гомер был... евреем»!

Перед всем этим чудовищным бредом, подлежащим изучению психиатра, даже незабвенный артиллерист Беттихер с его нападка на Шлимана, должно быть, показался бы образцом научной добросовестности!

Эта беспримерная в истории науки фальсификация далекого прошлого, поразительное убожество мысли запечатлены в книгах, распространяемых с надписью: «Официально рекомендовано министром народного просвещения для школьных библиотек». Разве все это не свидетельствует о том, в какую глубочайшую бездну скатилась немецкая историческая наука в условиях фашистского варварства?

Справедливы слова современного выдающегося антифашистского писателя и историка Генриха Манна: «Фашизм и история - несовместимы. И уже поэтому история обрекла фашизм на неминуемую гибель».

* * *

...Генрих Шлиман стоит того, чтобы в нашей стране, стране социализма, где созданы все условия для расцвета подлинной исторической науки, где широкие народные массы проявляют глубочайший интерес к познанию пути, пройденного человечеством на протяжении тысячелетий, - Шлиман стоит того, чтобы помянули его добрым словом. Он - самоучка - был полон благородной страсти к знанию. Он был интернационалистом до мозга костей (недаром к концу жизни он владел уже пятнадцатью языками!). Он любил творчество народа и верил в побеждающую силу этого творчества. Смелый искатель, он мучительно трудно становился настоящим ученым, но он сумел проложить науке новые пути. Он помог нам искать и находить следы прошлого, которые мы изучаем для того, чтобы строить будущее!